

В номере:

Лекции для начинающих

Георгий Каюров. **О чём следует писать** 3

Проза

Ефим Гаммер. **С-В-А-Л** 4

Владимир Уланов. **Княжеский крест** 19

Александр Трапезников. **Человек под лавкой** 48

Короткая проза

Надежда Савчук. **День, который должен был быть счастливым...** 70

Дмитрий Жданов. **Связь** 73

Поэзия

Сергей Гора 84

Андрей Поздняков 86

Константин Вуколов 88

Александр Соколов 90

Нелли Зиновьева 92

Славяне

Конгрес на българите в Украйна 94

Очерк

Ион Горган. **Бегемот** 97

Дневник путешественника

Алла Ступина. **Оберег для земли благодатной** 101

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров. Выпуск возобновлен в 2009 году.

**Журнал «Наше поколение» готовится при творческом участии:
Международного сообщества писательских союзов
Союза писателей России
Московской городской организации Союза писателей России**

Учредитель

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор

Георгий КАЮРОВ

Редактор интернет-журнала

Виктор ХАНТЯ

Главный бухгалтер

Ольга ДОДУЛ

Редакционный совет номера

**Николай Переяслов, Михаил Попов, Владимир Силкин, Ольга Бедная, Анна Кашина,
Юрий Харламов, Сергей Власов, Алексей Дука, Виктор Хантя, Маргарита Сосницкая,
Матвей Левензон, Максим Замшев, Анна Малдофа, Надежда Дёмина, Иван Дуб,
Виталий Ткачев, Сергей Маслоброд, Валерий Реницэ, Игорь Хомечко, Олег Цуркан.**

Литературный редактор

Вера ДИМИТРОВА

Корректор

Светлана БРОНСКИХ

Художник-иллюстратор

Эдуард МАЙДЕНБЕРГ

Фотограф

Валерий КОРЧМАРЬ, Юрий ГЕРАЩЕНКО

Дизайн

**Издательский Центр «Наследие», Александр Сава, Ольга Дерезинская,
Александр Зингалюк**

Вёрстка

Вячеслав ЗАДЗИК

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317

E-mail: nashepokolenie@pisem.net

www.nashepokolenie.com

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена.
Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать
в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

Георгий КАЮРОВ

О чём следует писать

Лекция №2

Зачастую мы скептически относимся к заявлениям автора, что он может написать о чём угодно. В большинстве случаев оказываемся правы в своём недоверии.

Занимаясь подготовкой материалов для публикации в журнале «Наше поколение», я всегда стараюсь познакомиться с автором, по возможности, пообщаться с ним. Хочется для себя уяснить глубину познаний предмета, о котором рассказывает автор в своём произведении. Познакомиться с внутренним содержанием автора, с его отношением к миру, к обществу, к конкретному человеку, и может, даже к конкретному чувству или черте характера.

Внутреннее содержание автора очень важно, и по его глубине мы можем прогнозировать продолжительность писательского пути. Прошли времена, когда советская система общества выступала заказчиком писательского труда и сама же затем популяризировала писательский труд. Десятками, а то сотнями тысяч выходили тиражи книг и литературных журналов. Сегодня писатель должен самостоятельно идти к читателю и предлагать те темы, которые востребованы обществом в целом и отдельным читателем. Вот тут как раз и важно внутреннее содержание автора. Если оно имеется, но очень невелико, то круг тем писателя ограничен, он начинает повторяться и, как говорят, исписывается. В подобной ситуации никакая лекция или совет, или компьютер и даже учебник не помогут. Поможет лишь новое внутреннее обогащение, новые идеи, чувства, переживания, наблюдения. Еще два десятка лет назад, во времена советской системы, государство направляло писателей и поэтов на различные комсомольские стройки, на целину, в экспедиции по тайге и океанам. И как результат рождался роман или цикл рассказов и очерков, или приличная подборка стихотворений. Подобные творческие командировки позволяли писателю обогатиться и посмотреть на мир масштабно. Увы, давно канули в лету подобные благоприятные для писателя времена. Сегодняшний автор зачастую тонет в мелкотемье, самокопани, а то и самолюбовании. Молодые авторы совершенно не тянутся к познанию окружающего их мира, а избирают путь вымысла, погружаясь в придумывание каких-то, доходящих до абсурда, миров и человекоособей, но почему-то привычки их героев, поступки, эмоции – наши, земные. Кто-то упрекнёт меня – мол, а о чём писать? Обо всём уже давно всё написано! От себя добавлю – о любви говорят столько, сколько существует человечество, но всё равно, можно не сомневаться, и вновь родившийся будет говорить тоже о любви. Итак, о чём же писать современному автору?

Отвечаю. Писать можно о чём угодно и обо всём на свете! Важно, чтобы внутреннее содержание писателя, его отношение к теме, толкование её и подход были свежими, оригинальными и, добавлю, – соответствовали времени писателя.

Как пример возьму произведения классиков – «Война и мир» Льва Николаевича Толстого и «Война и мир» Владимира Владимировича Маяковского или «Кавказский пленник» Толстого и «Кавказский пленник» Александра Пушкина. В каждой паре произведений тема одна и та же, но представлена автором по-своему. Неодинаков будет и вывод, делаемый читателем после прочтения каждого из произведений.

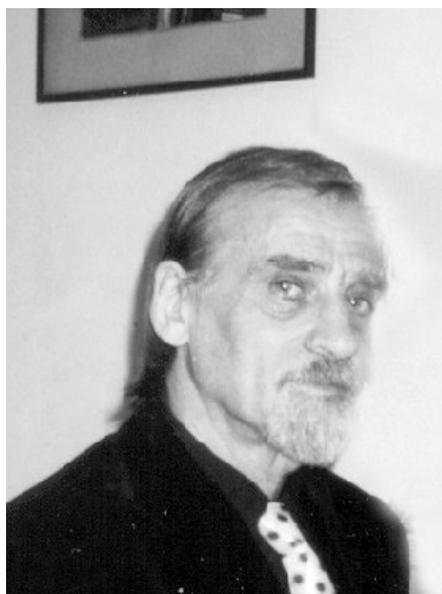
«Для себя» никто никогда не пишет. Если человек садится за стол и берётся за ручку с желанием описать увиденный случай, пережитые потрясения или эмоции – это уже потребность с кем-нибудь поделиться своими мыслями, чувствами, наблюдениями, наконец. Находить общество, для которого будут интересны мысли писателя, – это значит, иметь своего читателя. Не каждый писатель-современник может похвастаться кругом своих читателей, тем более обширным. Для писателя это и есть первостепенная задача – идти к читателю, искать своего читателя, вести с ним диалог. Каждый автор должен помнить о важности писательской миссии и в каком значении. Всегда можно найти читателя, читающего литературу для приятного времяпрепровождения, и таких большинство. И очень хорошо! Но есть более серьёзный читатель, ищущий в литературе ответов на волнующие его вопросы, ищущий разрешений и выхода охватывающим его чувствам, ищущий освещения «вопиющих» фактов из жизни общества или конкретно взятой личности. Это особый читатель, мы, писатели, в какой-то степени даже в ответе за такого читателя. Выбирая темы и вынося своё мнение либо суждение о том или ином событии, писатель должен либо подкрепить своё изложение фактически достоверным материалом, либо его мнение должно быть аргументировано логически, чтобы читатель мог оппонировать. Всё это говорит о том, что темы писатель должен выбирать из жизни, развивать и развёртывать их на фактах, близких к современному обществу.

Итак, тема писателем выбрана, всё постороннее, не относящееся к ней, отмечено. Но как развить и развернуть сюжет, и в каком порядке повествовать выбранные сюжеты или события?

Об этом мы поговорим в следующих лекциях.

Пояснение: Идея, тема, сюжет, фабула – это неотделимые составляющие произведения. Фабулой мы называем развитое содержание рассказа (факты, персонажи, происшествия и прочее). Сюжет – способ изложения фабулы, но не смешать того и другого в повествовании не представляется возможным. Оговоренное деление сделано условно, для удобства разбора текста и изучения техники писательского изложения.

Ефим ГАММЕР

Родился в 1945 году в Оренбурге (Урал), вырос в Риге, окончил Латвийский госуниверситет. Живет в Иерусалиме. Автор 14 книг стихов и прозы, изданных в Иерусалиме, Москве, Риге. Лауреат Бунинской премии (Москва, 2008), премии «Добрая лира» (Санкт-Петербург, 2007), Золотое перо Руси (Москва, 2005), «Петербург. Возрождение мечты» (Москва – Санкт-Петербург, 2003). Удостоен 15 золотых и серебряных медалей. Его стихи, повести, романы печатались в израильских, французских, американских, российских журналах и газетах, в русском Интернете, переводились на иностранные языки. В частности, в русскоязычных литературных альманахах, изданных в США, «Встречи», «Побережье», в журналах «Слово\Word», «Стрелец» и др., в западно-европейских и российских журналах «Мосты», «Настоящее время», «LiteraruS» – «Литературное слово», «Российский писатель», «Вестник Европы», «Урал» и др., в израильских альманахах «Литературный Иерусалим», «Литературный Иерусалим улыбается» и т.д.

С-В-А-Л

(Самая Востребованная Аллегория Личности)

Роман

1

Комсвал, благообразный старик с мертвыми глазами на тщательно выбритом лице, сидел за скобоченным столом на отполированном вечностью чурбачке, попивал чай из фарфоровой пиалы, грел ноги живым теплом мальчишеского тела.

– Ты знаешь, Объеднар, что...

– Что? – охотно спросил малыш и еще плотнее прижался к ногам, отдающим подвальной сыростью.

Комсвал бережно обнял пиалу ладонями, вобрал в ноздри пахучие испарения чая, медленно, почти неслышно начал:

– В бездонном колодце времени сипнут события. Простуженными голосами, едва-едва различимыми, переговариваются между собой. И нет им, детям полузабытого прошлого, дела до настоящего. Они все еще живут давним. Они все еще верят, что ими живет человечество. Но не высунуть им голову из колодца, не расслышать голоса новых событий, которые, полные животной силы, громяхают ныне. Громяхают, как жесть на ветру. Громяхают, лишённые элементарного понятия, что ждет их такая же печальная участь.

– Да, это так, – малыш согласно кивнул, клюнул носом в колени Комсвала. – Ты сегодня оратор.

– Сегодня? А вчера? А неделю назад? Мальчик мой, я всегда оратор! Коменданту свалки, имеющему дело с отбросами жизни, нельзя не быть оратором. Где, скажи мне, как не на свалке, видишь воочию весь круговорот вещей? Каждая вещь, некогда дорогая чьему-либо сердцу, по истечении срока превращается в ничто. Уступает свое место в сердце хозяина другой вещи. Посмотри, например, на эту пиалу, – он поднял пиалу на уровень глаз, покрутил ее в пальцах. – Чем не совершенство? Однако кто-то погнался за модой и нашел ей замену. Он выбросил эту пиалу на помойку. Я подобрал ее с помойки, как подобрал бы человека. И теперь она служит мне.

– Как я, – малыш преданно задышал в ногах у Комсвала.

– Да, мой мальчик, как ты. До смерти.

– До смерти! – эхом откликнулся малыш.

– Я знаю тебя, Объеднар, до самых потаенных извилин твоего мозга. Я знаю, ты ведь не хочешь в спецшколу Повелителя, где непосильной муштрой выбьют из тебя все человеческое, сделают Третьим, Вторым или Первым солдатом, безликим существом, по сути – биороботом.

– Не хочу!

– Знаю. Ты хочешь мыслить.

– Да-да, – подтвердил малыш, глядя снизу вверх на Комсвала вдумчивыми глазами преданного пса.

– Пока ты мыслишь – ты существуешь.

– Существуую...

– Пока ты существуешь – ты можешь стоять над схваткой.

- Над схваткой...
 - Пока ты стоишь над схваткой – ты волен быть самим собой.
 - Самим собой...
 - Пойдем, Объеднар, на обход нашей свалки, – сказал Комсвал тем же ровным гипнотическим голо-
сом, поднимаясь с чурбачка. – Будем свободны. Будем самими собой. Будем мыслить над схваткой.
 - Пойдем, – встрепенулся малыш, звякнул цепью, приклепанной к медному ошейнику.
- Не спеша, с неторопливостью сытно пообедавших людей, они вышли из ветхой хибарки наружу.

2

- Солнце дымилось над свалкой.
- Фиолетовые мухи роем носились над кучами мусора.
- Пчелы сходили с ума над вылизанной бочкой из-под меда.
- Люди с холщовыми торбами и сумками, облаченные в потрепанные одежды, ковырялись в хламе.
- Смотри, – сказал малышу Комсвал, показывая на них пальцем. – Вот к чему приводит разобщенность. Каждый сам за себя. Каждый готов перегрызть глотку другому. Лишь бы выгадать. Что выгадать? Подумай. Капельку радости. Мгновенье восторга. Мимолетное наслаждение жизнью. У них нет в запасе вечности, поэтому им нужно так немного. Глупцы.
 - Согласен, – кивнул малыш, прозвенев цепочкой. – Самые настоящие глупцы.
- Глупцы взревели от спонтанной ненависти. И всем скопом навалились на самого, надо считать, глупого, ибо в доказательство того, что дуракам – счастье, он отыскал под кипой бумаг початую бутылку бренди. Однако бестолковость его оказалась превыше счастья. Пожадничал, бедолага, поторопился – не припря-
тал бутылку: на виду у менее удачливых приятелей воткнул ее горлышком в рот, и давай хлебать-прич-
мокивать. Он не отпил и четверти, как был разодран на сувениры: одному бутылка, второму его холщовая сумка, третьему его наручные часы со сломанными стрелками. Четвертый не поспел к дележу, припозд-
нился. И злой на собственную нерасторопность, содрал с самого глупого запятнанную краской куртку.
- Комсвал! – малыш натянул поводок, напрягся. – Позволь помочь несчастному, а то эти голодранцы убьют его.
 - Зачем? Мой мальчик, мы над схваткой. Нам нет смысла пачкаться в нечистотах людской вражды.
 - Извини, Комсвал, – малыш шмыгнул носом и, чтобы прикрыть свое смущение, утерся кистью руки.
- Я погорячился.
- Ничего, мой мальчик. Это по молодости простительно. Я тоже был молодой и тоже иногда горячил-
ся. А почему? Потому что был, так сказать, разобщенный. Одна половина моего «я» рвалась на помощь людям. Вторая вела отвлеченное философствование. Я разобрался в себе и полностью вошел во вторую свою половину. Этого жду и от тебя.
 - Я постараюсь, Комсвал.
 - Постарайся. И ты достигнешь высоты своего имени. Вслушайся в его звучание, Объеднар, и пойми: ты необходим мне как Объединенный Народ. Подавлять бунты в раздвоенной личности не по мне. Я не усмиритель, а философ. Я нуждаюсь в понимании твоём. Следовательно, и во всенародном. В понима-
нии, ровном, глубинном, питающим меня вдохновением, но отнюдь не во вспышках эмоций в закоулках
неблагодарной души.
 - Да, конечно, – безропотно согласился малыш.
 - Пойдем дальше, мой мальчик. Прочь от этих людей, лишенных самопознания и первозданности
чувств. Будем свободны. Будем самими собой. Мыслить будем над их бессмысленной схваткой. Сколько
лет провели в междуусобицах, воюют-воюют. А что отвоевали? При сотворении человеку принадлежал
весь мир, а через тысячи лет бесконечных войн – отдельные территории, замкнутые границами. И после
этого величать себя венцом творения? Что за дикое безумие?
- И они пошли дальше, к виднеющемуся у ограды, неподалеку от заброшенного кладбища сараю из
гофрированного железа.

3

- Глупцы разгребали хлам палками, недовольно ворчали. Из словесной каши вываливались отдельные
комья.
- Дожили...
 - Нате вам, опять свалка!

– Не трепещи, Змий! Выползем еще на солнышко!

– Гнилое это солнышко.

– А ты сам не гнилой?

– И я гнилой, и ты гнилой, и все люди гнилые. Но мы гнием сердцем, а они мясом, растущим на костях.

В этом наша сила, а их слабость. Мы еще умоем их гноем своего сердца, когда поведаем о сути вещей и мыслей.

Самый глупый в компании оборвышей оказался и самым недовольным.

– Суть? Подай им суть! – бубнил он, почесываясь под мышкой. – Вся суть в бутылке! А вы, гады, гнилые сердцем, лишили меня сути! Кто я теперь – трезвое стеклышко? Не хочу быть стеклышком! Не хочу быть прозрачным и ясным! Хочу быть непонятым и замутненным! Отдайте бутылку, дьяволы! Я приткнусь на ее дне, никому не мешая. Запечатаясь сверху сургучной печатью – и прочь от жизни! Буду джином. Изгоните меня потом, попробуйте, искусители!

– Не трепись, Осел! – обладатель его перепачканной краской куртки смазал самого глупого презрительным взглядом.

– Не приставай, Свин! – отмахнулся Осел. Его тело колыхнулось, интуитивно выискивая в жировых складках бывшие узлы мышц.

Свин ткнул его пальцем в живот.

– Не влезешь в бутылку!

– Влезу! Дай бутылку, докажу.

Свин призывным свистом собрал вокруг себя остальных глупцов. Сказал, упершись в бока:

– Братцы, сейчас будет цирк! Смертельный номер – ослиные фокусы. Посмотрим?

– Посмотрим, – откликнулись глупые братцы, охочие до развлечений.

Осел искусно задвигал ушами, засекая момент всеобщего внимания.

– Сообразите по бутылке, из заначки, – рискнул с предложением. – Я выберу самое крупное – по фигуре моей – горлышко...

– И?

– Все будет по уговору. Полезу в бутылку.

– Заспиртуем Осла?

– Спиртуйте меня, спиртуйте! – воодушевленно потел Осел. – Но, пожалуйста, поскорей.

– Тащи заначку! – провозгласил Свин.

Из холщовых торб, из присыпанных песком ящиков, из вдавленных в мусор корзины выползали заплесневелые бутылки, выстраивались рядами на перевернутом вверх дном кузове грузовика.

Осел, играя пальцами, откупоривал их, придирчиво изучал величину очередного горлышка, принимаясь к содержимому, морщась и блаженно размазываясь.

– Скоро ты уже? – не выдержал самый нетерпеливый глупец.

– Не спеши, Бык. Все там будем.

– Больно нужно мне туда! – возмущенно процедил Бык.

– Туда всем нужно. И когда больно, и когда сладко... от яда, – озорно подмигнул Осел всей своей братии.

– Не пора ли поближе к сути? – усмехнулся очкарик в черном, протертом до лунного блеска смокинге.

– А ты не гнуси, Змий! Повыдержаем кусачки! – пригрозил Осел.

– Не угрожай, пижон! – Змий облизнул быстрым языком бескровные, будто бы закаменелые губы. – Кого пугаешь?

– Тебя! И не гоношись, пока священнодействует Осел! Дай человеку хоть в чем-то представить себя Человеком, – раздельно, акцентируя неприязнь каждым словом, произнес, надвигаясь на Змию, невесомый, воздушный халат в набивных цветах с выпорхнувшими из рукавов щипцами.

– Испугался тебя, Голубь! Как же! – прошипел Змий и с деланной боязнью прикрылся плетью рук от приплясывающих у носа щипцов.

– Испугаешься! Ключу в лоб – мозги высыпятся!

Осел с наслаждением обнюхивал ведерной емкости бутылку, беременную спиртом. И хоть очень был занят, не применул встрять в перепалку:

– Ключнешь его... Мозги просыпет... Нельзя переводить добро. Какая польза склерозу от пустого черепа?

– Э, да ты уже поумнел. Не приложился ли тайком от товарищей? – Змий изворотливо вывернулся от

оскаленных щипцов и придавил Осла к кузову грузовика.

Осел обхватил бутылку, как баба на сносях живот, и ногами, больше дурачась, чем всерьез, стал отбиваться от Змия.

– Лезь в бутылку! – донимал его Змий.

– Лезь, лезь! Сразу лезь! – ворчал Осел. – Не могу же я лезть в полную. Изольется. Жалко.

– И то правда, – поддержал его Бык. – Где вы видели джина в спирту? Захлебнется – утонет.

– В пустой бутылке он не заспиртуется.

– Спиртуйся сам! – психанул Осел. – В полную не полезу!

Бык вскинул над головой кулак, требуя тишины. И рявкнул:

– Освободить для джина посуду!

Осел на радостях пихнул Змия бутылку в поддых и, пока тот глотал по-рыбьи воздух, успел перелить весь спирт в бочку из-под меда. Бутылка – на землю, а сам к кузову грузовика, за дополнением.

– Освобождай посуду! – и назад к бочке, лить туда ликер и вермут.

Глупцы поддались призыву и в считанные секунды наполнили объемную емкость чуть ли не до половины такой адской смесью, что дух забирало.

– Вот тебе посуда, Осел, – весомо сказал Бык, кинув руку к опорожненным бутылкам. – Теперь не отвертись. Лезь!

– Лезу! – тяжело дышал от беготни Осел. – Смотрите и завидуйте! Смертельный номер! Джин в бутылке!

И, резко выдохнув воздух, как парашютист перед броском с борта самолета, Осел рванул с места. И в бочку – плюх.

– Куда? – раскатисто громынуло над свалкой, вспугнуло пригревшийся на отбросах мышинный рой.

– Джин знает – куда! – заколыхался Осел от смеха, устраиваясь поудобнее на дне бочки. – Джина нельзя изымать из бутылки, даже если это и вовсе другая посудина. Ха-ха, кролики. Опасно для жизни!

– Ах ты, хитрая скотина! – Змий пыхнул зажигалкой, сунул ее в бочку. – Тащить тебя? Сам выскочишь как ужаленный.

Но? Востроносый огонек зашипел и погас.

– Джин не горит!

Осел нежился, как на пляже, пускал фонтанчики в лицо Змию.

Солнце парило. Бочка благоухала. Компания веселилась.

– Мы тебя выудим!

– Удите! Я не против, – дурачился Осел. – Вот вам удочки.

Он выволок из кармана горсть коктейльных трубочек, бросил их глупым братцам. Те расхватили пластиковые соломинки и ну спасать приятеля, утопающего в удовольствиях жизни.

– Пейте! Пейте, ребята! – мычал Осел от щекотки. – Лучший в мире коктейль! Джин в бутылке!

Оборвыши пили коктейль короткими, легкими глотками, навалиясь на бочку, как на стойку бара.

4

Малыш ввел Комсвала в смастеренный из гофрированного железа сарай.

Внутри он был почти пуст. Ни столов, ни стульев. Вся мебель – три массивных, красного дерева трибуны.

Комсвал с малышом на поводке пошел к задней стене сарая, обклеенной газетами с портретами Повелителя и его приближенными Главтеора, Пракиспола, Гениза, Худнаста и Храмуза.

– Вот они, твои выдвигенцы, – заметил малыш, помогая Комсвалу взойти на трибуну. – Живут сииминутностью. Не ведают, что творят.

– Правильно, мой мальчик. – Комсвал погладил Объеднара по его пышной шевелюре. – Живут и не ведают. А сииминутность – это страшный порок.

Комсвал оперся о трибуну левой рукой, правую опустил вдоль туловища, чтобы малышу было удобнее, без болезненной затяжки ошейника на горле, лечь у него в ногах.

– Никакая Власть, кроме власти свалки, не бывает вечной. Поэтому я – комендант свалки – был, есть и буду. До них, при них, после них. А они – лишь тот промежуток времени, пока свалка не подготовит им смену. И тогда снова на свалку. А тех, кто на смену – со свалки во дворец. Такова природа власти, взятой насильно или изощренной хитростью.

– Святые слова, Комсвал.

– Ты прав, мой мальчик. Святые. Мне, паломнику вечности, незачем прозябать в грязи сегодняшнего дня, греться у чужого костра, выхватывать из него угольки довольствия и славы. Мне не к чему идти в народ и выходить из народа, быть его слугой или стоять над ним, как на постаменте. Мне достаточно этой трибуны. На ней я могу быть, кем пожелаю. Повелителем. Вождем. Царем. Но я предпочитаю оставаться Комсвалом. Ибо и Повелитель, и Вождь, и Царь – всего лишь винтики в механизме власти. Все их величие на острие таинственной отвертки по имени Судьба. Повернется ствол этой отвертки влево, и винтик, притертый, казалось бы, намертво к величию, внезапно выпадет из своего гнезда. И – бесславие, забвение, душевный разлад. Отсюда вывод. Будь свободен! Не владычь над миром. Мир, на самом деле, владычит над тобой.

5

Глупцы вычерпывали бочку, наливались до багрового сияния коктейлем Джин в бутылке.

– Кто мы? – всхлипывал Бык. – Люди или скоты?

– Люди! – хмельно хрюкнул Свин, держась за край бочки.

– Скоты! – возразил со дна бочки Осел.

– Врешь! – погрозил свинчаткой кулака Бык.

– Мы не скоты. Мы люди, – проворковал Голубь.

– И поэтому нам ничто человеческое не чуждо, – проскользнул в паузу Змий.

– Даже скотские поступки! – потруднивал над глупыми братцами Осел.

– Пусть так. Пусть даже скотские поступки, – кивнул Свин и чуть было не свалился под тяжестью подбородка в бочку. – Но хотелось бы знать, почему они скотские?

– Потому что человеком не рождаются, – прошипел Змий. – Человеком становятся.

– Скидывают одежды звериных инстинктов и становятся человеком, – забавлялся игрой ума Голубь. Голубю – игра ума. Ослу – приволье для воображения.

– Не хочу щеголять голым! Хочу жить по моде! Хочу укрываться инстинктами!

– Долой инстинкты! – взревел Бык. – Будь человеком, Осел!

– Не буду! Ослом быть удобнее. Ослиной воле – никаких ограничений. Хочешь быть покладистым, пожалуйста! Тащи непосильный груз. На то ты и рабочая скотина. Хочешь быть строптивым – сделай одолжение! На то ты и Осел.

– Ты выйдешь в люди?

– Нет! Да здравствуют скоты!

– Ах так? Тогда... Ату его! Бей скота! – Пена брызнула из пасти Быка.

В воздухе вспыхнули кулаки, ухнули в глубь бочки.

Искры шампанского взметнулись над Ослом.

Гнилое солнце закрашивало их, пропитывая цветом крови.

– Будь человеком!

– К черту людей! Останусь, как и вы, скотиной. А то съедите.

– Что? Мы скоты? Мы не скоты!

– Бей его! Бей!

– Ой, забили совсем, – простонал, прикрываясь руками, Осел.

– Ну, теперь скажешь – кто мы? – донимали его глупые братцы. – Люди мы или не люди?

– Свин, признаю, – человек. Кулаки его звучат гордо. – Осел поглаживал рассеченную бровь, хлюпал разбитым носом. – А другие – не знаю!

Он вобрал голову в плечи, скрутился на дне бочки.

– Бей его! Бей! – взбесились обиженные кулаки.

– Ой, убедили! – дохнуло из бочки живую болью. – Свин и Бык – человеки. Змий? Сдаюсь, тоже не тварь подколодная.

– А Голубь?

– И он – как Свин.

– Качай Осла! Он – мудрец-голова!

Осла вытащили из бочки, помяли по-дружески, распределяясь, кому за какую конечность вцепиться, и подкинули высоко-высоко.

Пари в небе, приятель, дрыгай ногами, не находя там опоры, и помни: матушка-земля не прощает блудного сына. Никуда не денешься, вернешься! А вернешься – хорошенько стукнешься!

6

На краю свалки, у ограды, стояло странной формы надгробие, напоминающее женский бюст, с узорчатой, выбитой в камне, надписью «РОДЖЕН».

Комсвал поднялся на могильную плиту, как на трибуну.

– Здесь, подо мной покоится Роджен, – сказал малышу, отогревавшему его ноги от потусторонней промозглости. – Она была родиной и женой для многих. Мальчик мой, заметь, разве человеку по силам такое раздвоение личности?

– Думаю, нет! Можно быть родиной. Можно быть женой. Но нельзя быть и тем и другим одновременно.

– И Роджен была такого же мнения, пока оставалась моей малышкой, чистой и целомудренной. Однако я не уберег ее от пагубного влияния дурных людей.

– Ты? Комсвал!

– Да, я, мой мальчик. Я не уберег ее, ибо я не вправе вставать против течения жизни. Я отстраненный философ, наблюдатель. Мне ли насильственно изменять человеческую природу, нагуливающую неподконтрольные гормоны, если я противник любого вида власти?

– Ты совершенно прав, Комсвал. Не тебе...

– Не мне... И значит, участь ее была предreshена. Она умерла у моих ног.

– Как умру я, – торопливо вставил малыш.

– Да, как умрешь ты, Объеднар. – Комсвал окинул малыша печальным взглядом и вновь замкнулся в себе. – Она умерла из-за внутренней раздвоенности. Каждой клеточкой организма хотела быть родиной. Но женское начало победило родину, и Роджен стала женой для тех бродяг, которых вместо могилы прибрала свалка. Жена – это душевные травмы, ревность, болезненная мнительность. А в итоге – неприятие отстраненного мировоззрения, явный интерес к низменным проявлениям жизни, плотским утехам и скотским удовольствиям.

– О, неблагодарность!

– Да, Объеднар, неблагодарность. Я вложил в нее Знание. Она передавала это Знание вместе со своей любовью – и это у моих ног! – порочным, недостойным людям. И они использовали это Знание для своих корыстных целей.

– И Повелитель?

– И Повелитель.

– И Главтеор?

– И Главтеор. И Пракиспол. И все-все прочие наши, так называемые, вожди.

– Те, что над свалкой?

– Да, во дворце.

– А ты?

– Я не в претензии на них, мой мальчик. Они добились власти, выйдя со свалки в большой мир, осуществили свои мечты, выношенные здесь у моих ног. Но что власть? Разве она сделала их счастливыми? От счастья не убегают. А сколько раз этот их Повелитель сбегал из дворца – сюда, на свалку, томясь настоящим, как некогда, в моей хибарке, несостоявшейся жизнью. Я уверен, они, все эти нынешние вожди, завидуют себе, канувшим в прошлое, когда были просто односвалчанами. И ради эфирного возвращения молодости меняют раз в году личину, будто берут отпуск от власти, и под видом бродяг появляются здесь, чтобы вдохнуть целебный воздух свалки, дающий бессмертие.

– Ты бессмертен, Комсвал?

– Да, я бессмертен, мой мальчик. Они – нет. Свалка – не женщина. Свалка не терпит измены. И мстит каждому: морщинами, сердечной недостаточностью, склерозом и старческим маразмом.

– Метко подмечено, Комсвал.

– Согласен, метко. И еще скажу. Раньше они извратили Роджен. Родину и жену превратили в подстилку. Потом извратили память о ней. Теперь в их сказаниях Роджен нечто вроде символа юности, вечного зова Несбывшегося. В день ее смерти они неприкаенно мечутся по дворцу, забиваются в щели своего настоящего. Ищут и не находят себя, пока не осознают: их «я» погребено вместе с Роджен на свалке. И тогда они тащатся сюда – на вечный зов их Несбывшегося. Стоит, мой мальчик, кликнуть кого-либо из них, и он...

– Я здесь, Комсвал, – не кричи, не надрывайся, – сказал Повелитель, грустно сказал, с припухшей на краях губ усмешкой, выйдя из кустов к могильному холмику. Он был бос, в разодранной рубаше, на плече его, грифом вниз, висела гитара.

- Малыш вскочил на четвереньки, дернулся с поводка, щелкнул зубами.
 - Успокойся, – похлопал его по загривку Комсвал.
- И он успокоился, не уловив в голосе хозяина напряженности или волнения.

7

Тело Осла, упавшее в кучу мусора, подняло на крыло мириады мух. Они растеклись по небу фиолетовой пленкой, закрыли солнце.

– Затмение! – пьяно вскрикнул Бык, бросился со страху неведомо куда. Но поскользнулся на кожуре банана, рухнул лицом вниз в какой-то бумажный хлам из коробок и газет, прикрыл затылок руками.

Змий метнулся к нему – фалды смокинга на отлете. Сел возле, торкнул острым мыском лакированной туфельки в бок.

- Ну, Бык, будешь говорить?
- Уберите затмение. Хочу к свету.
- Без самоочищения нельзя к свету.
- Хорошо, обчисти меня. Опять за старое, да? – повернув голову к Змию, поскрипел зубами Бык.
- Даже подурачиться не даешь. Как на свалку, так сразу – в розыски. Я тебе и раньше говорил, что о смерти Роджен мало осведомлен. Знаю, умерла от инфаркта. Вот и все!
- Бык, разве ты врач-диагност? Ты не врач. Ты – свидетель.
- Какой из меня свидетель! – возмутился Бык. – Да, помню, как она схватилась за горло, захрипела, потянулась к сердцу. И все! Подробности спрашивай у Комсвала. Он сидел на кушетке. И видел все.
- Комсвал ничего не скажет. Он выше жизни и смерти.
- Тогда потроши Свина. Он дал Роджен воды, а в стакане была – я помню четко – какая-то таблетка. Роджен хлебнула и тут же забилась в судоргах. А я... я махнул из хибарки. Иначе бы сам скопытился от переживаний. Я же любил ее, родину и жену.

Бык кинул руку к глазам, чтобы смахнуть слезу, но Змий перехватил его за кисть, напрягся, тяжело выдохнул:

- Выходит, Свин?
- Он! Он! Не я!

8

Комсвал настороженно изучал Повелителя, будто выискивал в его облике нечто, таящее опасность. Появившийся перед ним мужичок, конечно, ничем уже не напоминал прежнего, прицепленного к поводку малыша, а вот от Доброго человека-разбойника, повесы и пьяницы, поднявшего некогда на восстание односвалчан, в нем пребывало еще достаточно.

– Мой мальчик, – раздумчиво сказал Комсвал, медленно опуская ногу с надгробной плиты, – я верил: ты придешь. Пресыщение властью всегда гонит к могильным холмикам.

- Ты прав, Комсвал.
- Он всегда прав! – запальчиво воскликнул Объеднар.

Повелитель пожал плечами.

- Может быть, и всегда. Кто его знает?
- Я! – вновь выкрикнул малыш.
- Его никто не знает. И ты тоже.
- Не трогай Объеднара. – Комсвал натянул поводок, малыш послушно лег на пол. – Лучше скажи мне, странник, вышедший со свалки в Повелители, в чем смысл власти? Полагаю, ты уже додумался.
- Додумался, Комсвал. Власть, как и ты, учит думать. Смысл власти, старик, в одном: или ты мыслишь кому-то шею, или тебе намыливают веревку.
- Мальчик мой, ты дошел до истины. Я тебе больше не нужен.
- Ты еще понадобишься мне, Комсвал.
- Хорошо. Я буду в хибарке.

9

Глупые братцы приводили в чувство Осла: натирали уши мыльным камнем, скребли слоистый затылок. Осел лежал ничком, нос воткнут в песок, руки безвольно раскинуты.

- Допился, – поставил диагноз Свин, сидя на закорках у Осла. Он отбросил мыльный камень в сто-

рону, да так ловко, что угодил в бочку, вытащил из бокового кармана куртки перочинный ножичек, попробовал лезвие ногтем, удовлетворенно хрюкнул и поспешно перевел свой невразумительный хрюк на общедоступный язык. – Надо прочистить Ослу мозги. Иначе он не поднимется. Закупорил, бедняга, свой черепок винными пробками, ни одна мыслишка в него не протиснется. Даже такая простая, что...

– Пора выходить из обморока, – закончил за него Голубь.

– Точно!

– А вот и не точно, – заметил якобы с того света Осел. Во всяком случае, голос его походил на загробный. – Эта мысль давно мне в гости напрашивается. Но принять ее негде. Голова как чужая.

– Врешь, Осел! – шлепнул его по затылку Свин. – Голова твоя – ослиная. По ушам видно.

– Это вам видно. А мне своих ушей не видать, как вам столицы, пока вы на свалке.

– Помочь? Натянуть глаза на уши?

– Нет! Эта операция болезненная.

– Может, уши натянуть на глаза? – допытывался Свин.

– Это нечто новое. Попробуй, авось вернешь меня к жизни.

Свин попробовал, более того, постарался: цепко прихватил Осла за уши и...

– О-о-ой! Вижу! – выкатил мутную слезу Осел. – Уши вижу! Пальцы твои вижу! Жизнь возвращается! Будем жить, как живут поэты. Без жены, без гроша за душой. Будем песни слагать про это и про то, как себя не нашел.

– Не лезь в поэты, балда, даже если говоришь стихами! – разозлился Свин, трахнул пятками Осла по ребрам. – Будешь жить, как живут ослы, твердо зная, где встать, где лечь. Будешь ниткой в ушке иглы, чтобы уши свои сберечь.

– Не устраивай тут поэтический турнир!

– Больно надо. Из тебя поэт, как из меня...

– Мне это без интересу! – Осел дернулся, отважно встал на дыбы, скинул с себя тяжеловесного наездника. – Вот вам, пожалуйста, сначала требуют: «Будь человеком, Осел!» Потом, наоборот, гонят назад – из людей в ослы.

Голубь щелкнул его по носу, ловко, вытрезиванно. И сопроводил свой легкомысленный поступок весомыми словами:

– Быть человеком можно и в ослиной шкуре.

– А ослом в человеческой? – массируя нос, спросил Осел.

– Конечно!

– Да я тогда велик! Един в двух ликах!

– Не только ты.

– Вот это здорово! Да здравствует новая порода человеко-ослов! Подать мне сюда второго такого осли, собрата по разуму! Хочу на него посмотреть.

– Смотри, не жалко, – вставил Свин, направляя палец на Комсвала, идущего с малышом на поводке по разбросанному там и сям хламу, размеренно, неторопливо идущего, точно по излюбленной аллее парка. – Вот он, второй.

– Комсвал не осел!

– Но и не человек! – возразил Голубь.

– Он как Бог, – сказал Свин. – Все видит и ни во что не вмешивается.

– Бог не Бог, но нечто непостижимое, – добавил Голубь.

– Верую! – Вдруг впал в экзальтацию Осел. Побежал от глупых братцев к Комсвалу, упал перед ним на колени. – Верую в тебя, Комсвал. Благослави!

Объеднар, умиленный зрелищем, лизнул коленопреклонного Осла в лоб.

Комсвал брезгливо убрал руки за спину, подальше от мокрых губ Осла.

– Я не могу благославить тебя. Ты человек. А человеку свойственно извращать даже слово Божье. Уйди с дороги.

– Ты отступаешься от человека, Комсвал? Позор! Прими тогда во мне не человека, а осли.

– Ослу не к чему благословение.

– Как же мне быть, Комсвал?

– Прежде осознай себя кем-то. «Быть» – это уже потом.

– Подскажи, сделай милость, кем себя осознать? Человек извращает слово Божье. Значит – к черту человека! Ослу не к чему благословение. Значит – к черту и осли. Кем мне быть?

- Самим собой.
 - Комсвал, но кто же я?
 - Найди себя, узнаешь.
 - Где?
 - В себе.
 - Научи, как искать, Комсвал?
 - Изгони из себя человека. Изгони из себя осла.
 - Что останется?
 - Ты
 - Не я, Комсвал! Пустое место!
 - Это пустое место и заполни собой.
 - И что в результате? Опять человеко-осел?
 - Человеко-осел, если тебе нечем заполнить пустое место.
- Комсвал дернул малыша за поводок.
- Пойдем, мальчик мой.

Они обошли Осла, неохотно поднимающегося с колен и отряхивающего песок с брюк, и по-прежнему размеренно, в ритме прерванной беседы, двинулись дальше, к хибарке.

– Комсвал, ты прав, – говорил малыш. – Испачканный лист бумаги не отбелить. Первозданная чистота дана ему только с рождением.

- Да, это так.

10

Повелитель сел на могильный камень. Понуро опустил голову. Задумался.

– Вот я и вернулся к тебе, Роджен. Родину потерял. Жену не нашел. Тошно мне, тошно. Ты блаженствуешь где-то там, и нет тебе дела до моих горестей и тревог. Я, должно быть, уже стар. А тебе сейчас в том потустороннем мире нет и тридцати. Ты живешь себе, веселишься. А появишься я, не признаешь. Если бы ты знала, Роджен, как я хочу обнять тебя, прижаться к тебе и плакать, вымалывать прощение. Мне ничего не страшно. Страшно только сознавать, что я не сберег тебя. По сути дела, убил своим ненормальным поведением. Убил тебя и породил чудовище-государство. Теперь я изменил государству, как прежде изменял тебе. Но государство – не ты, оно не умрет от инфаркта, оно умертвит меня. Как, подскажи, забыться?

Он опустился на колени. Взрезал ножом дерн у основания надгробной плиты. Копнул раз, другой. Стальное лезвие издало скребущий звук. Осторожно, чтобы не разбить бутылку, высвободил ее из глубокой ямки, отряхнул комья земли, отвинтил металлическую пробку.

– Этот коньяк, Роджен, мы пили с тобой. Помнишь? С тобой его и захоронил. Загадал: буду умирать – выпью. Думаю, пришла пора. Хотя-хотя... весь я не умру. Никому не скажу, но тебе... по секрету... Есть у меня возможность переметнуться, как на тот свет, далеко-далеко, в иную человечесью личину. Гений не зря работал все эти годы. Гений чего только не изобрел! Так что мы еще поживем, хотя и обозначимся в смерти для прохвостов-односвалчан. Пусть говорят: «Скопытился». Главное, чтобы не отыскивали в новом теле.

Повелитель жадно пил коньяк и быстро, непривычно для себя, пьянел. Поставив пустую бутылку на могильный камень, он взял гитару, тронул струны.

- Спою-ка я тебе по старинке, ту самую...

Хрипло, с клочковатой пеной в душе затынул:

- Только черта, поверь, не хватает нам,
чтоб до звезд дотянуться рукой...

Пробежал пальцами по грифу, хлопнул ладонью по деке.

– Помнишь, Роджен? Спеть тебе ее по старинке? А-а, догадываюсь, скажешь теперь: «Ничего новенького, значит – исписался». Не исписался я, Роджен. Не исписался. Правда, чаще писал не я, а жизнь... жизнь по мне. Жизнь, однако, не Леонардо. Взгляни на меня, Роджен, и все поймешь без слов. А слова... Слова... Лучшие слова отдаю песне.

И затынул:

- Когда бы не родина, а жена, –
детей родила бы, и ладушки.
- А так – хоть упейся вусмерть вина –

*живешь, словно послан по матушке.
 Ни сына, ни дочки, ни внуков – изгой...
 Изгой в окружении подданных.
 И хочешь – не хочешь, но властвуй толпой.
 А сам как толпою затоптанный.
 Когда бы не родина, а жена...
 Когда бы жена, а не родина...
 А вместе, известно, одна сатана...
 Беременно время бесплодием...*

11

Бык притащил к Змию, в его укрытие, расположенное за кучей мусора, Свина. Для того чтобы тому было сподобнее двигать упрямыми ножками, заломил ему руку за спину.

- Привел отравителя, – доложил Змию.
- Я не отравитель!
- Докажи, – сказал Змий и обтер влажные ладони о смокинг.
- Ты не веришь мне на слово?
- Слово не воробей. Впрочем, и воробья в свидетели не призовешь.
- Отпусти меня, Змий! – взмолился Свин. – Я ни в чем не виноват.
- Отпустить? Что ж, отпустим. Но на расправу к Повелителю. Слышишь? – Змий приложил ладонь рупором к уху. – Гитара! Это он там поет! Ты имеешь понятие, чем кончаются песни на кладбище, на могиле родины и жены?
- Он из тебя сделает отбивную! – подбодрил Свина Бык, все выше заламывая ему руку. – Выкладывай, мозгляк, как на духу. Мол, я – да! Отравил – да! Указанную в протоколе женщину по имени Роджен – да!
- Не было этого!
- А что было? – солнечные очки Змия блеснули антрацитным огнем.
- Я хотел спасти Роджен!
- От этой жизни?
- Нет! Нет! Я не давал ей яда! – оправдывался Свин. – Таблетку дал, это признаю. Но таблетка ведь эта проверенная – от сердечных болей.
- Кем проверенная? На ком испытана? Кто тебе сказал, что она от сердечных болей? – допытывался Змий.
- Осел.
- Много Осел понимает.
- В этом Осел понимает. У него тогда были сердечные припадки.
- От пьянки!
- Не важно от чего! Были! И поэтому он всегда держал при себе таблетки.
- Змий задумчиво поправил очки на носу.
- Бык мне не говорил, что Осел был в тот момент с вами.
- Он не был с нами в хибарке. Он валялся за ней, пьяный в стельку.
- И? Продолжай, мы слушаем.
- Когда у Роджен начался припадок, я побежал на поиски лекарства.
- И вместо лекарства нашел Осла?
- Твоя правда. Нашел и сказал: «С Роджен плохо. Сердце!» Осел дал мне таблетку. Я бросился назад в хибарку. Плеснул воды в стакан. И...
- И? Продолжай, мы слушаем.
- И... Роджен умерла, выпив все это.
- Выходит, Осел? – Змий облизнул бескровные губы. – Подать сюда Осла!

12

Пока приятели бегали за Ослом, Змий взобрался на вершину мусорной кучи. Вынул из-под дырявого, перевернутого вверх дном ведра полевой бинокль. Навел его на дальнюю ограду. И ему открылось кладбище с десятком почти неприметных могильных холмиков, надгробие Роджен и Повелитель, перебирающий струны гитары.

- Еще не дошел до кондиции, – подумал Змий и вернулся назад к друзьям-односвалчанам.
- Привели на расправу, – доложили они, толкнув брыкающегося Осла к Змию.
- А-а, явился? – шаг в сторону, взгляд исподлобья. – Дай-ка на тебя погляжу, разлюбезный Осел.
- Смотри. За осмотр денег не берем. Не в музее.
- Твои деньги, Осел, мне без надобности. Они пригодятся тебе. На оплату адвоката.
- Трепло! Чем грозишь, судом?
- Смертью.
- Ослы умирают стоя! Нам смерть не страшна, – попробовал отшутиться подследственный, но в поджилках его скакнуло, предательски, гадко, тошнотой отмахнуло в горло.
- И нам смерть не страшна, в особенности, чужая, – процедил Змий, весь из себя гляцевый, как породистая кобра. – Жить ты мог по-скотски – это право твое. А умирать придется по-человечьи.
- Напугал!
- Напугал или не напугал – это забота твоя. Мне нужны не твои эмоции, а информация. Кто отравил Роджен? Улики указывают на тебя.
- Напраслина! Я с уликами не дружил-не знался. Чего им тыкать пальцем в меня?
- Быстрый язычок Змия скользнул по губам, стер с них усмешку, моргом размеченную.
- Ты дал Свину яд для Роджен?
- Не давал!
- А таблетка?
- Какая, Змий?
- Та самая, которая якобы «от сердца»?
- Почем я знаю?
- Кто же знает, если не ты?
- Голубь! Голубь знает!
- Голубь?
- Да-да! Он всучил мне эти таблетки! И сказал: «От сердца».
- Он?
- Кто же еще? Разве у меня лишние деньги были – по аптекам шастать?
- А у Голубя?
- Да что это, право? У вас тут у всех память отшибло? Зачем ему покупать таблетки? Он же алхимик: сам их и мастерил!
- Выходит, Голубь?
- Нужны подробности? Пожалуйста. В ночь перед смертью Роджен он притащил мне новую партию таблеток. С перепоею, сказал, в самый раз – движок не остановится.
- Но... ты... ведь... не отравился.
- Не хрумкал их. Мне полегчало после опохмелки. Вот и не отравился. А затем.... Как умерла Роджен, я таблетки эти со страху выбросил.
- Чего же молчал столько времени?
- Скажи вам, Змий, шкуру на барабан натянете.
- И то правда, – промычал Бык. – Тогда, под горячую руку...
- Где Голубь? Подать мне Голубя! – взвился до шипучего визга Змий.
- Кому я нужен? Что за нетерпез? – поинтересовался Голубь, подходя к глупым братцам. – Змий, что это с тобой сегодня? Перетаскал тишком всех, а мне ни гу-гу. Неужели плетете силки на меня?
- Сейчас тебе будет «гу-гу». Мы кое-что вспоминаем...
- Напару со склерозом?
- Без склероза. Напару с совестью.
- Ого-го! Что-то новенькое! Змий заговорил о совести!
- И Змий не чурается совести, если пахнет ядом.
- Каким, позвольте спросить?
- Это ты... ты, алхимик, назовешь нам этот яд.
- Вспомнили мою прежнюю кличку? Что ж, спасибо, что не забываете меня, прежнего, когда свалка была еще не для избранных.
- Плевать на твою кличку! У нас – у каждого – по десять кличек! Ты мне яд назови! Припомни, какие таблетки всучил Ослу перед смертью Роджен?

– Ага – на дурака! Вы думаете, это я погубил Роджен? Однако подозрение не по адресу. Она умерла не от таблетки – это точно! Я догадываюсь, но боюсь сказать. Не проверено на все сто процентов.

– Увиливаешь?

Голубь плотнее запахнулся в халат, будто его пронял озноб.

– Нет, не увиливаю. Просто кое-что напомним вам, братцы, если вы не склеротики.

– Не склеротики.

– Тогда слушайте. Рецептуру лекарств составлял я – это верно. Но кто поставлял компоненты для лекарств, а?

– Ты имеешь в виду меня? – затрясся от пролитой в печень желчи Змий.

– Тебя, дорогой. Ты был у нас добытчик. Ты очень даже мог подсунуть вместо одного порошка другой.

Ведь и ты у нас специалист, правда, по ядам.

– Тварь подколотная! – пыхнуло из глоток.

– Стойте! – Змий перекрыл галдеж поднятой рукой. – Я поставлял порошки, не отказываюсь. Ты, Голубь, составлял рецептуру – гонял меня на добычу химикалий. Но прессовал-то таблетки...

– Он! Повелитель! – вымахнуло на простор свалки и сникло, будто задохлось в испуге.

– Он не сознается. В этом...

– И снимет с нас голову!

– Ох, Роджен, Роджен! Что же ты натворила?

– Постойте! – напрягся Змий, прислушиваясь.

– Идет? – настороженно спросил Свин.

– Тише! – Сколько Змий ни прислушивался, он не улавливал тягучего всхлипывания гитары. «Созрел, – понял он. – Насосался и теперь лыка не вяжет».

– Коллеги! – сказал друзьям-приятелям. – Расследование откладывается. По-моему, Повелителю сейчас уже не до потусторонней тайны Роджен. Впрочем, полагаю, сейчас ему вообще не до государственных дел. К слову, сейчас он уже, по моему разумению, чувствует себя вовсе не Повелителем. Сейчас он, как встарь, изображает из себя доброго человека со свалки. Пойдем-навестим доброго человека, а?

– Сделаем ему сюрприз! – довольно хохотнул Бык и утер проступившие слезы натруженным кулаком.

13

Змий не ошибся. Повелитель и впрямь дошел до кондиции. Забыв гитару на надгробной плите Роджен, он шатко, ныряя корпусом и спотыкаясь, бродил меж могильных холмиков, трухляво бормотал:

– Где же вы, друзья-односвалчане? Забились в землю, в самые укромные уголки. И живете на том свете тихо, без памятников на этом. Как искать вас Там, если вы ушли не по расписанию? Эх, старая гвардия! Мне Там у вас – смерть, или вновь на свалку, чтобы дерг-подерг да выдернуть мозговитую идейку, сбить вокруг нее воинство и двинуть – раступись, господа хорошие! И по камушку! Разнести все к чертовой матери! Ради праздника! К едреной фене придуманный мной в молодости для промывки мозгов «звездный час», который якобы дается человеку один раз в жизни. Не оправдал себя, гадина! Сочиним что-то попроще, подходчивее, не для творческой публики, для народа. Например, вся жизнь – праздник! И действительно, друзья-односвалчане, зачем уродоваться десятки лет ради одного звездного часа? Раскатаем этот звездный час танковыми гусеницами – на целый век растянется. Пображничаем! Каждый день – праздник! А? Подходит идейка, бездельники? Так вставайте из потусторонних убежищ. Что вам, сорванцы-белопузики, в скуке маяться? Отрепетируем и новый спектакль поставим. Все как в жизни – гарантирую. Реализм фантастический! Кровь, слезы и вселенское счастье! Подмостики? Весь Земной Шар! Здорово, а? Что же вы не откликаетесь? Почему молчите? Кто вас лишил права голоса? Смерть? Правомочна ли смерть лишать человека права голоса? Выявитесь, скажите...

– Нет, не правомочна! – хором отозвались боевитые братцы, выползая на простор новой идеи из-за барханов мусора. Чумазые, пропитанные пахучим душком свалки, в гнойниках и ссадинах, но такие родные, милые, воспринимающие свежие веяния и не прощающие никому.

– Гении свалки! – восхитясь, плакуче воскликнул Повелитель. – Вас в гроб, а вы в холодильник, для сохранности. И как новенькие! Рожи – во, зубарики – в полный рот, кулаки – на месте, живехонькие! Да вы ли это, друзья-односвалчане? Или мне померещилось?

– Мы самые!

– Ожили? По призыву из земли восстали?

– Восстали! И еще восстанем! С тобой! Веди нас, начнем все заново!

– Э-э, – пьяно сверкнул недоверием Повелитель. – А вдруг вы всего-навсего привидения? Можно я вас пощупаю?

– Щупай, родной, хоть за вымя! Вот тебе Осел. Признаешь? У него, если помнишь, телесной оболочки на двоих. Щупай в свое удовольствие.

Повелитель пошлепал Осла по бокам, потискал за плечи. И когда уверился, что он человек, размахнулся и... Однако не довелось ему припечатать ладонь по-богатырски к спине старого друга. Нырнул старый друг под руку его, силушкой все еще богатую, и отпрянул в сторонку. А Повелитель, промахнувшись, потерял равновесие и носом рыть землю. Поднялся, весь из себя сконфуженный, в голосе неуверенность, в глазах недоверие.

– Да вы, братцы, обманщики! Какой же он человек? Сплошной воздух – привидение!

– Он человек!

– Осел – человек! Пусть так. А вы?

– Повелитель! Не крути нам мозги! Говори прямо – тебе нужны привидения? Если тебе нужны привидения, мы – привидения!

– Мне нужны люди. Привидениями и без того полон мир.

– Тогда мы – люди!

– Люди – это хорошо! Это звучит гордо!

– Для кого?

– Для тех, кто из холопов метит в люди. Но как вы постарели, дорогие мои холопы.

– Люди!

– Дорогие мои.

– И ты тоже не помолодел, добрый человек.

– Со мной все понятно: не от хорошей жизни. А вы отчего?

– Мы – не от хорошей смерти.

– Выходит, нет смысла и в смерти?

– Никакого! Ни для холопов, ни для людей.

– А вы разве умерли?

– Как прикажешь...

– Тогда – да здравствует жизнь!

– На том и на этом свете! – глупые братцы начали топтать могильные холмики, приплясывать, надирать песней, проснувшейся во всех разом, песней «Величие свалки», сочиненной Повелителем в незапамятные времена.

Дай нам жезл. Наденем ранец.

В бой пойдем. Нам нет оков.

Сбцаем еще мы танец

На костях своих врагов!

14

Комсвал был тих, как омут, в котором водятся черти.

Он пек пресные лепешки на электроплитке. Обмазывал сковородку гусиным пером, смоченном в топленом масле, выливал на раскаленный чугун жидкое тесто из фаянсового чайничка с побитым горлышком, размышлял вслух.

– Когда я мыслю, я живу. Когда не мыслю, умираю.

– Не умирай, – просил малыш.

– Я не умру. Успокойся, мой мальчик. Я вечен. Но ты, Объеднар, не вечен – вот в чем беда. Сегодня ты объединен, как положено народу. Завтра, как тот же народ, раздроблен.

– Не беспокойся, Комсвал! Я не раздробся, будь во мне уверен!

– Не раздобишься? Это мы увидим завтра, мой мальчик.

– До завтра, как я понимаю, надо еще дожить.

– Доживем. Я в себе. Ты... Практически народ нельзя объединить на веки вечные. Каждый раз входят умники, которые встают поперек объединения. И народ под их влиянием дробится на части. А потом одна часть народа идет войной на другую.

– Со мной такого не случится, Комсвал!

– Не заверяй меня, мой мальчик. Пойми, это даже не ты говоришь. Это говорит через тебя твоя наивность.

– Но я ведь впитал твою мудрость, Комсвал!

– Мудрость ты впитал. Не всю, разумеется, а отдельные ее проявления. Но мною тебе не стать.

– Для этого нужна вечность, Комсвал.

– И внутренняя убежденность.

– Есть у меня убежденность, есть! – горячился малыш, выгребая из сковородки лепешку и запихивая ее, обжигающую язык, в рот.

– Бесспорно, убежденность у тебя была, мой мальчик. Но с появлением Повелителя...

– А что изменилось, Комсвал?

– Пока ничего. Доживем до завтра, увидим...

Малыш проглотил лепешку, запил ее стаканом студеной воды. Перевел дыхание, робко спросил у Комсвала.

– Ты сомневаешься во мне?

– Нет, мой мальчик! Ты умрешь, как положено народу, у ног вечности. Но кем ты умрешь? Моим учеником – Объеднаром или предателем?

– Я не умру предателем!

– Почему?

– Предатели не умирают своей смертью, как я знаю. Их уничтожают.

– Ты прав, мой мальчик. Но позволь тебя спросить, почему их уничтожают?

– Потому что, – начал малыш и запнулся, не найдя разумного ответа.

– Не знаешь?

– Не знаю.

– Слушай меня.

– Я слушаю, Комсвал.

– Запомни, мальчик мой. Народ, как только разъединят его, тут же дробится на отдельные личности. На предателей и патриотов. Но что смешно, патриотов – при отвлеченном философствовании – вообще не существует, остаются только предатели.

– Почему?

– Поясню. Если смотреть на патриотов из противоположного лагеря, они – предатели. Положим, у тебя левые взгляды. Ты предатель для тех, кто стоит на правом фланге – другой идеологической платформе. Если же ты правый, то опять ты всего лишь предатель для сторонников иного мировоззрения. И в результате, тебя уничтожают как слева, так и справа. Убойным словом, ядом, дубиной, пулей – в зависимости от того, что в данный момент позволено.

– Что же у нас получается, Комсвал?

– А получается, мальчик мой, вот что: каким бы ты ни стремился слыть патриотом, быть тебе в конце концов предателем.

– Не хочу быть предателем!

– Значит, будешь патриотом... для Повелителя. Для меня же останешься предателем.

– Тогда... тогда хочу быть предателем! Не хочу быть патриотом! Ой, Комсвал! Я, кажется, оговорился. Как же – предателем? Предателей уничтожают! Хочу быть патриотом – не предателем. Ой, извини меня, я ничего не понимаю. Я не имею понятия, кем хочу быть. Подскажи! В отвлеченной философии преуспел ты – не я.

– Ты хочешь быть полезным мне, мой мальчик?

– Святая правда, Комсвал!

– Но ты предашь меня...

– Никогда!

– Что же мы имеем, мой мальчик? А имеем мы, что ты не метишь в предатели...

– Клянусь!

– Выходит, ты метишь в патриоты, не так ли?

– Что ты, Комсвал! Патриот – тот же предатель, если смотреть на него из противоположного лагеря, как говоришь ты.

– Где же твой выбор, Объеднар? Кем ты хочешь быть?

Малыш уронил лицо в ладони, поскреб ногтями виски, задышал часто, прерывисто.

– Комсвал! – взвизгнул, находясь чуть ли не в истерике. – Ты запутал меня! Я не постигаю твоей мысли! Я теряюсь в самом себе, не улавливаю себя! Падаю в какую-то пустоту, схожу с ума!

Комсвал погладил малыша по голове, вплеп пальцы в его шелковистые кудряшки, грея руку живым теплом растревоженного мозга.

– Я запутал тебя сознательно, мой мальчик. И помни: распутываться тебе придется самому, без моей помощи. Единственный тебе совет: обрети себя прежде, чем начнешь выкарабкиваться из этой паутины.

– Как же мне выкарабкиваться, Комсвал, если я обрел себя в тени твоей?

– Одухотвори тень. Теперь, с появлением Повелителя, тебе иначе нельзя.

– Но это невозможно!

– Невозможно быть равным Богу. Все остальное возможно.

– Но как одухотворить тень, когда она предназначена быть неодухотворенной?

– Спроси у обитателей свалки – этих, вполне одухотворенных теней Повелителя.

– Но я на цепи!

– Мальчик мой, тень постоянно на цепи. Однако это не мешает ей стать при случае одухотворенной.

– Господи, помоги!

– Бог тебе не поможет. Он такой же отвлеченный философ, как и я. Он не вмешивается в дела человеческие с той поры, как создал свой образ и подобие. Ему интересно наблюдать, на какие несуразности был бы способен он сам в образе и подобии биологического робота, изначально обладающего путеводной нитью и, несмотря на это, плутающего по жизни как слепец. Мой мальчик, не рассчитывай на Божеское вмешательство.

– Кто же мне поможет?

– Ты сам.

Продолжение следует.

Владимир УЛАНОВ

Продолжение. Начало в №10-12(2013), №1(2014)

Княжеский крест

Исторический роман

6

Назревали великие события в татаро-монгольской империи. Готовилась смена власти, вновь наступали выборы великого хана. На этот раз Бату решил не упустить решающего момента, чтобы добиться преобладающего влияния в Каракоруме. Здесь, можно сказать, решалось все, не только его положение в огромной империи, но и собственная власть и даже, скорее всего, жизнь. Так как знал, в случае победы на выборах сторонников Огул-Гамиш он может лишиться всего. Поэтому решил

направить на выборный курултай в Монголию сына Сартака и брата Берке, но в последний момент передумал и пожелал сам возглавить этот поход. Уж больно была высока ставка, и здесь не должно произойти никакой ошибки. Нужно было действовать решительно и быстро. После недолгих раздумий Бату-хан решил в ближайшее время отправиться в поход. И его хан задумал стремительным. Было решено всех воинов посадить на самых лучших лошадей и в придачу дать по два сменных коня, чтобы, почти не делая остановок, без отдыха мчаться к месту выборов.

Уже перед походом утром хан был сильно озабочен предстоящим путешествием. Отдавал последние распоряжения. Сартак и Берке сидели на ковре в юрте Бату, ели мясо, обильно запивая кумысом, и неспешно обсуждали предстоящий поход. В это время у входа появился сотник Анкур, подойдя к хану, он повалился ему в ноги, поцеловал край халата, стал говорить:

– Великий хан, у входа находится католический монах Гавино, срочно желает встретиться с тобой. Он говорит, что у него есть для тебя очень важное сообщение.

Батый с раздражением спросил:

– Что же он такое желает мне сообщить, даже прерывая мою трапезу?

– Он не говорит. Но сказал, что если ты его не примешь, то очень потом пожалеешь, – выпалил татарский воин.

– Пусть заходит. Но предупреди его, если сообщение будет пустой болтовней, то отсюда монаха вынесут со сломанным хребтом.

Анкур задом удалился из шатра. И уже через минуту вошел приглашенный в черном плаще, подпоясанном веревкой. Он упал на колени перед ханом. Не успел Гавино еще даже рта открыть, как Батый грозно спросил:

– Что же таковое ты мне желаешь сообщить, даже не побоявшись смерти?

Монах от такого приема сразу же смутился и некоторое время молчал, собираясь с мыслями.

Бату опять, еще с большим раздражением произнес:

– Ну! Говори!

Наконец овладев собой, монах стал говорить:

– Великий хан. Я прибыл к тебе с очень важным сообщением из города Владимира, где сейчас правит князь Андрей.

– Ну и что из этого? Он и его брат от великой ханши получили ярлыки на правление княжествами, – вставил Бату, прерывая рассказ католика.

– Но вы не знаете самого главного, великий хан. Галицкий князь Даниил, владимирский князь Андрей, тверской князь Ярослав создали союз для борьбы с тобой. В этот союз входят и другие князья и бояре.

– Откуда тебе все это известно? – перебив монаха, спросил Бату.

– Это все мне рассказали владимирские бояре, которые враждуют с князем Андреем.

Бату-хан от сообщения монаха даже посерел лицом, на скулах заходили желваки. Глаза еще сильнее сузились в щелочки. Хотя он изо всех сил пытался сдерживать себя, не давая разразиться гневом, стараясь, видимо, успокоить себя внутренне. Он долго молчал, только кисти рук то сжимались, то разжимались. Наконец он грозно в упор поглядел на доносчика. В глазах его играли злые огоньки, губы побелели, хрипло произнес:

– А что князь Александр? Он тоже с ними?

От грозного взгляда католик весь съежился и не на шутку испугался за свою жизнь, дрожащим голосом ответил:

– Нет, как раз Невский большой противник этого союза. Они даже из-за этого очень сильно рассорились. Александр вернулся в Новгород и, говорят, там заболел.

От этого сообщения лицо хана посветлело, и он велел монаху удалиться. Когда католик вышел, в юрте наступила тишина. Хан Бату молчал, видимо, собирался с мыслями. А присутствующие тоже пока помалкивали на всякий случай, чтобы неверным словом не вызвать на себя гнев.

– Наш уход на курултай надо оставить в тайне, чтобы никто не знал, что меня нет в Сарае, – распорядился хозяин юрты и продолжил: – Тебе, Сартак, придется остаться здесь, а то может случиться так, что русские, прознав, что мы в отъезде, могут собрать силы и напасть на наш город. Поэтому после нашего ухода тебе, Сартак, нужно поручить темнику Неврюю вместе с военачальниками Катянном, Алабугой привести воинов в боевую готовность, чтобы они могли выступить против русских в любое время.

Сартак сидел, сгорбившись, но когда услышал наказ отца, расправил плечи, гордо поднял голову, довольный тем, что ему поручается такое важное дело. Он, преданно глядя в лицо отца, произнес:

– Слушаю и повинуюсь!

Великий хан, немного помолчав и оглядев всех, сообщил:

– Сартак будущий наследник моего престола, и ему нужно учиться управлять царством.

Услышав эти слова, Берке посерел лицом. Он много раз в мыслях представлял себя великим ханом и думал, что Бату наследует ему престол, а не этому нерадивому Сартаку. В его душе бушевала буря, но он всеми силами постарался овладеть собой и мысленно себя успокаивал: «Ничего, пусть Сартак поцарствует, посмотрим, как он справится с этим делом. Еще не все потеряно!».

От внимательного и пронизательного взгляда Батыя не ускользнуло состояние души его брата, и он решил ободрить его:

– А ты, Берке, нужен будешь в моем стремительном походе. Такого багатура и полководца, как ты, мне нигде не сыскать.

Брат Батыя действительно взбодрился от похвалы великого хана, лицо его посветлело, он, улыбаясь, ответил:

– Я готов, мой брат, выполнять все, что ты прикажешь. И готов пуститься в путь хоть сейчас.

А Бату-хан, обращаясь к своему сыну, приказал:

– Сегодня же пошли людей к Искандеру Невскому. Пусть он явится в Орду как можно скорее. Я его назначаю великим князем всей русской земли. И как только князь появится здесь, сразу же незамедлительно пошли Неврюю, пусть идет на Русь, особенно во Владимир, пусть поучит их уму-разуму и уничтожит под корень весь их Союз. Мы не должны ждать, когда они сами к нам придут. Александру же не сообщай, что ты послал войско на Русь. Подержи его в Орде, пока Неврюй разорит это вражье гнездо, а затем вручи ему ярлык великого князя всей Руси и Владимирского княжества.

Сартак, преданно глядя на отца, воскликнул:

– Слушаю и повинуюсь, великий хан! Все выполню, как ты велишь!

Батый долго молчал, смотрел на присутствующих в юрте невидящим взглядом, что-то обдумывая. Сартак и Берке пили кумыс, ожидая, что же еще скажет хан. Но вот его черные глаза ожили, и в них загорелся дьявольский огонек, это говорило о том, что он готов к решительным действиям. Он взял в руки серебряную пиалу с кумысом, отпил несколько глотков и заговорил:

– Правь Ордой, сын мой, принимай послов из других земель, выслушивай их. Старайся узнать, с какими намерениями они к нам приехали и чего хотят. Ну и врагов не щади. В то же время помни, что вчерашний враг может стать другом, но и вчерашний друг может стать смертельным врагом. На свете нет вечных друзей, а также вечных врагов. Все на свете меняется. И мы тоже пустимся в путь, чтобы изменить наше положение в империи в лучшую сторону.

* * *

Стать великим ханом для Мункэ было заманчиво, но сейчас он очень боялся за свою жизнь. Сторонники Огул-Гамиш и его соперник Ширамуна, внук Угэдэя, представляли большую опасность для него. Он знал, что ради власти они способны на все. Им уже один раз удалось оттянуть выборы хана на полтора года, но сейчас они были настроены решительно. Мункэ понимал, что вступил в очень опасную борьбу и выйти из нее победителем будет сложно. Хотя его сторонники, такие как Уряхгадай и особенно Бату-хан, который уже спешил ему на подмогу с несколькими туменами воинов, были надежной опорой. Кроме того, вдова Толуя Соркуктани-бэги привлекла на сторону Мункэ Белгутэя, пользующегося большим уважением среди татаро-монгол. Но и враждебные силы партии Угэдэидов и Чигатайдов, особенно сын

Угэдэя Кадана, не дремали, они тоже надеялись победить в борьбе за власть. Нарождалась династическая смута, которая могла привести к длительной междоусобной войне.

Мункэ Менгу в последнее время старался как можно реже выходить из своей обширной юрты, которая была плотно окружена лучшими нукерами, неусыпно охранявшими будущего великого хана. Мункэ, внук Чингисхана, сын Толуя, был опытный и бесстрашный воин. Он был участником Европейского похода, взял Киев и дошел до Венгрии. Он не боялся смерти, для него была большая честь погибнуть как воину в бою. И было бы очень обидно, особенно сейчас, умереть от меткой стрелы или яда своих соперников. И не в его правилах было прятаться от стрел за чужими спинами. Поэтому он предпочитал некоторое время отсидеться в своей юрте под надежной охраной и руководить подготовкой предстоящего курултая. Со временем отошедший от беспокойных походов и смертельных битв 43-летний Менгу заметно пополнился. Лицо округлилось, а и так узкие глаза заплыли жирком. Тонкие усики и острая бородка были реденькими. Беззаботная и сытая жизнь дала отпечаток на внешний вид хана и его физическое состояние. Он был малоподвижен и полноват, хотя постоянно вспоминал былые походы и мечтал о новых.

В это утро хан Мункэ проснулся без настроения. Предстоящие выборы и страхи за их результат его полностью измучили. От дум и тревог у него начались головные боли, а по ночам снились кошмары. Сегодня ночью ему как наяву приснился его дед Чингисхан. Снилось ему степь яркая и нарядная, как весной, покрытая сочной изумрудной зеленью и цветущими красными маками. Чингисхан подъехал к нему на гнедом жеребце. Грива у коня свисала почти до земли. Конь раздувал ноздри, стриг ушами. Когда великий полководец поравнялся с Мункэ, он протянул ему повод рядом гарцующего такого же гнедого коня со словами:

– Садись, внук Мункэ, на своего коня и ничего не бойся. Тебя ждет другая дорога. Я должен передать тебе этого коня.

Мункэ вскочил на резвого жеребца и стал просить Чингисхана взять его с собой в путь, на что ему дед ответил:

– Тебе, Мункэ, еще рано со мной пускаться в путь в вечное царство покоя. Ты должен пройти свой путь, и он будет длиться восемь лет, тогда мы встретимся с тобой. А сейчас тебя ждет своя дорога. Только не забудь взять с собой мой род Чингизидов и не обижай их.

Сказав это, Чингисхан тронул своего коня и медленно, не оглядываясь, стал удаляться в степь.

В это время у Мункэ вся душа разрывалась на части. Он тронул коня, чтобы догнать великого хана, но конь как будто врос в землю, затем встал на дыбы и галопом помчался в другую сторону. У Мункэпо щекам катились слезы. Ему так хотелось догнать деда, но, как он ни старался развернуть коня, тот не повиновался и продолжал свой путь. От бессилия и страха Мункэ крикнул:

– Дед, погоди! Я хочу с тобой, мне страшен этот путь!

Слезы градом катились из его глаз. Мункэ стал пытаться спрыгнуть с коня. Но какая-то сила навалилась на него. Ему нечем стало дышать. Мункэ закричал:

– Дед, помоги! – и открыл глаза. Рядом стоял преданный ему нукер с обнаженным мечом, с которого стекали капли крови. Невдалеке лежало безжизненное тело слуги, который постоянно находился с ним в юрте, прислуживая ему.

Мункэ сел в постели, хватая ртом воздух и кашляя, не понимая, что же произошло. Наконец успокоившись, спросил у нукера:

– Что тут было, зачем ты убил моего верного слугу?

Воин вставил в ножны острый меч, повалился на колени, преданно глядя на Мункэ, сказал:

– Твой слуга, видимо, подкупленный твоими врагами, хотел тебя удавить во сне. Я услышал крик и возню в юрте и поспешил тебе на помощь.

Монгольский воин наклонился над трупом, сунул руку за пазуху слуге и вытащил кожаный мешочек, набитый золотыми монетами, бросил его к ногам хана Мункэ со словами:

– Вот вся преданность твоего слуги.

Будущий великий хан ногой оттолкнул кошелек с золотыми в сторону воина со словами:

– Забери все это себе, и вытащите отсюда эту дохлую собаку! Отрежьте ему голову и посадите ее на кол. Пусть все знают, как я жалею предателей!

* * *

Бату-хан со своими туменами бесстрашных воинов спешил к месту выборов. Он боялся не успеть. Ибо знал, что их соперники в борьбе за власть дремать не будут и с Мункэ может произойти все что угодно.

Оставалось уже совсем немного до Каракорума, еще один небольшой переход – и воины Бату должны подойти к городу. Лошади и люди устали от длительного пути. Сам великий хан уже дремал в седле, но остановиться на небольшой отдых не давал приказа. Воины стали уже роптать. Некоторые, заснув в седле, даже падали с лошадей.

Потеряв терпение, Берке обратился к брату:

– Бату, давай дадим и коням и людям отдохнуть. Все равно мы ничего от этого не выиграем, если явимся в Каракорум усталые и не отдохнувшие. А вдруг наши противники захотят нам оказать сопротивление? Давай сделаем небольшую остановку и дадим нашим нукерам сварить пищу и немного поспать. А к ночи двинемся в путь. До города осталось немного. Под покровом темноты подойдем незаметно к Каракоруму и обложим его со всех сторон, да так, чтоб даже муха без нашего ведома не смогла проскочить мимо.

Великий хан нахмурил брови, желваки на скулах заходили ходуном. Это показывало, что в его душе нарастал гнев за вмешательство брата в его дела. Но даже разгневаться по-настоящему у него уже не было сил. Батый огляделся по сторонам и, увидев небольшую речушку в ложбинке, вдруг изменил свое решение, с улыбкой глядя на Берке, сказал:

– Ты, брат мой, прав. Распорядись. Пусть воины располагаются у реки, отдыхают, варят горячую пищу и готовятся ночью двинуться в путь. Нам действительно пора отдохнуть, набраться сил.

Вскоре нукеры расположились вдоль реки. Некоторые сразу же легли на зеленую траву и мгновенно заснули. Другие же воины, которые могли даже спать верхом, принялись готовить пищу. В каждой десятке татарских воинов обязательно имелся человек, обязанный готовить на всех пищу. Вскоре запылали костры, благо, что вдоль реки в зарослях кустарников и ивняка было много сухих сучьев. Хоть и короткий отдых, но он был как никогда нужен, для стремительного наступления.

Настала ночь. Воины Бату-хана, уже восстановившие свои силы, двинулись в путь, чтобы незамеченными подойти к Каракоруму и окружить его. И диктовать на выборах свою волю.

Все небо было усыпано яркими звездами, из-за горизонта поднимался огромный диск яркой луны. Было достаточно светло, и огромное войско рысью мчалось к столице своей огромной империи.

Батый, взглянув на бездонное звездное небо и обращаясь к Берке, с надеждой произнес:

– Наверно, наш дед Чингисхан смотрит на нас и радуется, довольный тем, что мы спешим на помощь его внуку Мункэ, чтобы восстановить справедливость и не дать распространиться междоусобице между ханствами. И стать во главе монголо-татарской империи.

Берке ничего не ответил Бату, а про себя подумал: «Придет еще мое время, и я тоже стану великим ханом».

Бату-хан подошел к Каракоруму значительно раньше, чем предполагалось, видимо, положительно сказавшись короткий отдых. И тумены Батые уже к утру взяли в кольцо столицу империи.

Просыпался город, уже полностью плененный пришедшими с берегов Итиля воинами.

Батый ввел в город личную гвардию уланов, взял под охрану имперский дворец, городские ворота и дозорные вышки. Остальные же воины находились за стенами Каракорума, зорко охраняя подступы к столице. Без разрешения Бату никто не имел права войти или выйти из города.

7

Недаром говорят на Руси: «Пришла беда – открывай ворота». Вот и у князя Александра стало происходить то же самое. Не успел он оправиться от своей болезни, как навалились заботы по управлению княжеством. С наступлением осени очень рано похолодало, и урожай на полях не удалось убрать. Всю осень шли дожди, а затем рано выпал снег. На Новгород наступал голод. Смерть протянула свои костлявые руки к новгородской земле.

Невскому пришлось напрячь все свои силы и возможности, чтобы не допустить этого несчастья. Срочно в соседние княжества были оправлены люди по закупке зерна и других продуктов питания. Учтены все старые запасы хлеба, а также стали привлекать иностранных купцов, чтобы они везли в Новгород зерно. В своих постоянных хлопотах по управлению княжеством он даже не замечал, что происходит в его собственной семье.

Утром как обычно Александр Ярославич сел за стол и стал ждать, когда выйдет завтракать жена. Не находясь в отъезде, он старался трапезничать с княжной Александрой. Но сегодня что-то ее долго не было. Наконец Невский, потеряв терпение, послал служанку, которая прислуживала за столом, чтобы она поторопила хозяйку дома.

Князь, облокотившись на стол, задумался. А подумать было о чем. За время его отсутствия в Новгороде и болезни многое изменилось. Не чувствуя властной руки Невского, шведы, немцы и литовцы не прекращали посягать на новгородские земли. Они постепенно стали прибирать к рукам финские и карельские территории, насильно обращая население в католиков. А Александр не мог допустить, чтобы эти земли ушли к его врагам. Это, прежде всего, потеря сборов дани с населения и различных доходов в казну князя. Нужно было содержать немалую дружину, свою семью, делать дорогие подарки татарским ханам, а для этого он должен иметь постоянные доходы в княжескую казну.

В городе назревал голод, и людей надо было спасать от неминуемой смерти. Росло недовольство простых горожан. А в это время противники его, бояре, плели новый заговор, пытались столкнуть князя с народом, созвать вече, хотели обвинить Невского во всех неудачах и изгнать его с княжеского стола. Тем самым освободиться от властного князя и творить свои делишки. Самим править Новгородом или посадить безвольного князя и беспрепятственно руководить им.

Все это приходится разгрести Александру, а чтобы навести порядок, требовались немалые усилия. Это его беспокоило, а иногда выводило из равновесия. Он стал раздражительным, ему иногда приходилось с большим трудом сдерживать себя, чтобы не показать людям свое бессилие при решении довольно сложных государственных вопросов.

Наконец служанка торопливо подошла к Александру и взволнованно произнесла:

– Александр Ярославич, пойдем быстрее в опочивальню к княжне, она сильно заболела! У нее жар. Она почти без сознания. Надо звать лекарей.

– Немедленно разыщите лекаря Алана и Анастасию, – потребовал князь и торопливо направился в спальню к жене.

Когда он подошел к кровати, там уже хлопотали служанки. Они намочили полотенца в холодной воде и положили на пылающий от температуры лоб женщины. Почувствовав облегчение, больная открыла глаза. Слабо улыбнулась мужу и прошептала:

– Что-то плохо мне стало, всю трясет как в лихорадке. Я полежу немного, и мне станет легче.

Сурово взглянув на служанок, Невский спросил:

– Что случилось с ней? Почему она вдруг заболела? Ведь вчера была совершенно здорова.

Одна из служанок, потупив голову, тихо проговорила:

– Вчера печи в ее покоях подтопили, и княжне стало жарко. Она открыла окна, вот ее, наверно, и прохватило сквозняком. А сегодня, видно,хватила ее лихотманка.

Вскоре появился Алан, а за ним почти вбежала запыхавшаяся Анастасия.

Ученый лекарь пощупал пульс у княжны, внимательно осмотрел ее лицо. Приложил руку к ее лбу. Затем приставил трубочку к груди княгини и долго ее прослушивал.

Закончив осмотр, Алан, покачав головой, произнес:

– Вах! Вах! Ой беда! У княжны сильные хрипы в груди, наверно, воспаление легких. Сейчас наступил кризис. Молитесь богу, князь, чтобы она его пережила.

Александр схватил за руку лекаря, да так крепко, что тот скривился от боли. Князь с мольбой произнес:

– Сделай же что-нибудь, Алан! Ты ведь меня от смерти спас и жену спаси! Озолочу, если сможешь!

– Все, что смогу, пресветлый князь, то и сделаю. Но ничего обещать не могу, все в руках Аллаха! – и, высвободив ладонь из железной хватки расстроенного князя, обратился к Анастасии:

– Неси травы и снадобья, будем лечить княжну.

Но что бы ни делали Анастасия с Аланом, Александре становилось все хуже и хуже.

Князь Александр распорядился пригласить уже и иноземных лекарей, те, осмотрев больную, качали головами и отказывались ее лечить, объясняя это тем, что уже все бесполезно. Только Алан с Анастасией продолжали хлопотать у постели больной.

Были приглашены священники. Они расположились у изголовья княжны Александры, читали молитвы. Просили бога помиловать болящую и освободить ее от болезни.

Невский весь день провел у постели жены и даже забыл, что с утра он так ничего и не ел. Совсем утомившись, не замечая ни времени, ни людей, он сидел за столиком, обхватив руками голову, уставившись отрешенно в одну точку, молчал, лишь изредка, как бы придя в себя, спрашивал у лекарей:

– Ну что там у вас? Как она себя чувствует? Лучше ли ей стало?

Анастасия, с жалостью поглядев на князя, сказала:

– Потерпи, князь пресветлый, может, и лучше будет. Мы уж ее отварами трав напоили. Вроде бы за-

снула. Если Господу будет угодно, может к утру и оправится. Ты бы шел, князь, отдохнул, а то целый день тут пробыл. Шел бы потрапезничал. Все бы легче было.

Невский поднял голову, посмотрел на Анастасию невидящими, потухшими глазами, ответил хриплым голосом:

– Какая там еда. Кусок в горло не ползет, пока Александра болеет. – И, стукнув кулаком по столу, в сердцах произнес: – И как же я недосмотрел за ней. Даже к ней в покой из-за своих дел не заходил. Ни разу не поинтересовался, как она. Никогда себе не прощу!

– Иди, Александр Ярославич, отдохни, может, что и поешь, а так ослабнешь от горя да снова заболешь. На кого тогда нас всех оставишь!

Князь медленно встал и направился к выходу. В это время в покои вошел митрополит Кирилл. Он вплотную подошел к Александру, одной рукой обнял его и, взглянув в лицо князю горящими глазами, произнес:

– Мужайся, великий князь! Господь нас не оставит! Если Богу будет угодно, то все сложится хорошо и княжна Александра снова станет нас радовать своим живым характером и любовью к жизни. А сейчас иди отдохни, а я помолюсь Господу, попрошу для нее здоровья.

Придя в свои покои, Александр бросил на широкую лавку бобровую шубу, прилег и забылся тяжелым сном.

Среди ночи к князю прибежала Анастасия, тронула спящего за плечо, тревожно сообщила:

– Александр Ярославич, вставай.

Невский открыл глаза, какое-то время приходя в себя. И тут же тревога и душевная боль резанули князя по сердцу. Он соскочил с лавки, с беспокойством спросил:

– Что случилось? С княжной, наверно, что-то?

– Ничего пока, великий князь, не случилось. Княжна Александра пришла в себя и велела тебя срочно звать.

Князь заспешил в покои своей жены, где церковнослужители вместе с патриархом Кириллом читали молитвы у изголовья больной. Горели свечи, в опочивальне пахло воском и ладаном. Княжна полулежала на высоких подушках. Глаза ее были полузакрыты, веки подрагивали. Как только муж подошел к постели, она вскинула на него голубые глаза, попыталась улыбнуться, но улыбки не получилось, лицо ее скривилось в горькой гримасе.

Александр наклонился над женой, стал ей целовать руки, лицо, с надеждой говоря:

– Наконец-то, голубушка, тебе стало легче! Ты выздоравливаешь!

Болит ли что у тебя, моя милая княжна?

Женщина неотрывно смотрела на своего мужа, в ее глазах светились тоска и боль. По щекам катились крупные слезы. Она беззвучно шевелила губами. Потом, все-таки сделав над собой огромное усилие, заговорила громче:

– Я, Александр, позвала тебя для того, чтобы проститься. Я уже скоро уйду в другой мир и хотела бы попросить у тебя прощение за то, что не всегда тебя понимала, не всегда поддерживала твои деяния, а иногда мучила тебя размолвками.

Александр, целуя руки жены, шептал ей:

– Прости ты меня, Александра! Не ты у меня должна просить прощение, а я! За то, что был к тебе невнимателен, мало уделял внимания из-за своих дел.

Тревога в душе князя нарастала. Он стал понимать, что жена его пригласила проститься. Горло его сжал комок, по щеке покатила скупая слеза, и Невский ее не стеснялся, он целовал жену в губы, в щеки, шепча ей нежные слова:

– Женушка моя, милая, держись, не уходи от меня, выздоравливай! Как же я без тебя буду жить?

Княжна открыла глаза, они были полны слез, губы ее что-то шептали. И как князь ни пытался услышать, что она говорит, так ничего и не мог разобрать, только лишь смог уловить последние слова жены:

– Прощай, милый!..

Тело ее дернулось. Она глубоко несколько раз вздохнула и расслабилась, лицо стало бледным, открытые голубые глаза подернулись поволокой, стали неподвижны.

Митрополит Кирилл закрыл глаза Александры, истово перекрестился. С мольбой произнес, обращаясь к Богу:

– Господи, прими светлую душу Александры в царство небесное!

Невский упал на грудь холодеющего тела жены, плечи его сотрясались от рыданий. Он в отчаянии

несколько раз произнес:

– Господи, за что же мне такие испытания?! За что ты наказываешь меня, забирая самое дорогое, что у меня есть?!

* * *

Зима в этот год выдалась снежная, почти не переставая шел снег и завалил все дороги. В городе люди не успевали расчищать себе пути и дорожки, а иногда просто откапываться, чтобы выбраться на улицу. Все это приостановило торговлю и всю деловую жизнь Новгорода и еще больше усугубляло и так нелегкое положение людей. Некоторые голодали, не зная, как перебиться зиму. Хотя князь Александр старался как мог помочь вольному городу. Рассылал по ближним городам своих людей за хлебом и другими съестными припасами. На реках и озерах организовал ловлю рыбы, привлекая к этому делу опытных рыболовов. Но продовольствия всем не хватало, и некоторые все-таки голодали.

Город находился на грани бунта и проведения вече. Удерживала людей от всего этого злая непогода. В такую вьюгу бунтовать или собирать вече не пойдешь. Как никогда зашаталась власть новгородского князя Александра Ярославича. Его недруги и откровенные враги, которые не хотели сильной власти, стали искать пути, чтобы заставить Невского покинуть город. Это были в основном богатые бояре, желающие сами свободно править городом на свое усмотрение. Сами заключать торговые договора с иностранными купцами, торговать новгородской землей, за которую иноземцы, как и за предательство, платили золотом. Не нравилось новгородским боярам, что Невский притесняет их, требует аккуратно платить подати, а за неповиновение и долги лишал их своих земель, покосов и раздавал своим сторонникам.

В один из зимних вечеров тайно собрались бояре, недовольные правлением князя Александра, в хоромаш Анания Федоровича, чтобы обсудить, что им делать дальше. В гостевой палате ярко горели восковые свечи. Бородатые, дородные гости чинно восседали за столом, где красовались резкие меды в ендовах и даже заморское вино с хорошей закуской. В блюдах стояли зажаренные месячные поросята и отварная осетрина. Для любителей сладостей горками лежали румяные пирожки, печатные пряники, ватрушки и булочки. В палате стоял дурманящий аромат съестного и благоухание восточных приправ.

Ананий Федорович, сухощавый, подвижный, с серыми бегающими глазами, с хитровой улыбкой, восседал во главе стола. По всему было видно, что это человек сам себе на уме. Недаром он взялся объединить бояр против князя Александра, требующего беспрекословного подчинения от привыкших к вольнице бояр.

Ананий обратился к гостям со словами:

– Надо нам что-то решать, иначе, если так будет продолжаться, Невский вообще не даст нам свободно дышать.

– Правду говоришь, Ананий, он у нас перехватил северные новгородские земли, где мы всегда собирали богатую меховую дань, – перебивая хозяина, подал голос Илья Андреевич, дородный боярин.

– И верно вы говорите, везде нас притесняет, возложил на нас обязанность по всему пути следования своих поборников давать на погостах корма лошадям и подводы, – добавил Михаил Степанович, знатный и уважаемый в Новгороде человек.

– Надо что-то предпринимать, гости мои дорогие. – И, сделав паузу, Ананий Федорович продолжил свою речь: – Вот что я думаю, бояре. Давайте начнем переговоры с братом нашего князя, Ярославом Ярославичем, и будем приглашать его на наш княжеский стол.

– Согласится ли он? Ведь дело рискованное. Не испугается ли он своего грозного брата? И потом, братия мои, если Александр прознает про наши дела, ждут нас большие неприятности, сами знаете, как крут князь. Поэтому все делать надо тайно. Необходимо послать человека к Ярославу, чтобы он осторожно выведал у него, согласен ли он будет сесть на новгородский престол. А то как бы не попасть нам впросак, бояре, – предостерег всех Илья Андреевич.

8

Курултай прошел не в пользу угэдэидов и чигатайдов и их выдвигенца Ширамуна, внука умершего великого хана Угэдэя. Не приди вовремя со своими туменами хан Бату, все бы могло быть по-другому.

Мункэ провозгласили великим ханом, а вернее, императором огромной империи. Сегодня хан Мункэ торжественно восседал на троне в золотом шатре. Рядом за столиками сидели его приближенные, это, прежде всего, ханы Бату, Урянхай, Бельгутэй и другие его сторонники. Они все уже были навеселе от из-

рядно выпитого вина. Ели руками мясо, жир стекал по рукавам, капал на стол. Ханы на это не обращали внимания, все они были в хорошем настроении.

В шатер по одному заходили татаро-монгольские ханы и послы. Они падали на колени перед вновь избранным ханом, поздравляли его и подносили дорогие подарки. Мункэ доброжелательно улыбался посетителям, но чигатайдов и угэдэидов после приношения могучие воины выводили на задний выход из шатра и им тут же ломали хребты.

Бату-хан сидел задумавшись и не поддерживал оживленный разговор присутствующих. Обратив внимание на то, что Батый находится в невеселом расположении духа, великий хан решил немного его порадовать.

– Бату, ты на выборах признан главой золотого рода борджигинов, и поэтому улусы Чигатая и Угэдэя мы поделим между собой. Отныне ты будешь ими владеть на западе, а я на востоке.

Бату поднял голову, его взгляд оживился. Он поклонился императору, приложив руку к сердцу, произнес с улыбкой:

– Я рад, великий хан, что мои старания были замечены и ты решил меня отблагодарить.

– Моя благодарность тебе, мой брат, безмерна, и твою услугу я буду помнить до самой смерти. Если бы ты не пришел на выборы со своими туменами, то вряд ли бы мы сейчас сидели в шатре, пили вино и кумыс. Огул-Гамиш со своими сторонниками меня бы уничтожили. Они уже покушались на мою жизнь. Только у них ничего не вышло. Может, ты жалеешь наших врагов как своих родственников. Не жалея, Бату. Они бы нас не пожалели.

– В этом ты прав, великий хан. Только вот я о чем думаю, ведь мы одного племени и наше начало идет от деда Чингисхана. Он всегда хотел, чтобы татаро-монгольская империя расширялась и мы завоевывали все новые и новые земли. Наверно, нам всем бы этих земель хватило и мы могли дружно и согласованно править нашим государством. Только вот жадность, стремление к власти, желание повелевать всеми, захватить как можно больше земель и богатства погубили их. Наверно, сейчас Чингисхан, глядя на нас с небес, не очень-то рад всему этому, – ответил Бату.

В это время в шатер вошел воин Анкур, он упал на колени перед великим ханом, поцеловал полу халата и заговорил:

– По твоему велению, великий хан, и велению моего господина Бату-хана я со своими нукерами разыскал Огул-Гамиш. Она с ближними людьми и воинами пустилась в бегство на юг.

– Много ли с ней воинов? Почему ты не схватил ее и не доставил сюда? И где она сейчас? – грозно сдвинув брови, резко спросил Мункэ.

– Воинов у нее не так уж много, наверно, сотни две будет. По вашему велению мне было приказано доставить их живыми, но этого не получилось, потому как Огул-Гамиш со своими людьми засела на скале и отчаянно обороняется.

– Так что же вы за воины, если не можете их взять на этой скале? – еще раздраженной спросил великий хан.

– Взять-то мы бы могли, да битва была бы жестокой, а им терять нечего, они будут биться до последнего. Поэтому я велел пока не штурмовать скалу, а взять ее в осаду. А если мы будем брать штурмом наших врагов, то едва ли они выживут.

Мункэ задумался на некоторое время. Потом резко встал и спросил:

– Далеко ли это место, где наши враги?

– Нет, великий хан, – ответил Анкур.

– Тогда иди и вели немедленно оседлать коней, – обратился Мункэ к военачальнику.

Воин быстро удалился, а Мункэ распорядился, обращаясь к присутствующим:

– Снаряжайтесь в доспехи, берите оружие, и когда я выйду из шатра, чтобы вы уже сидели в седлах.

Путь к скале на самом деле был не так уж близок, и на него понадобилось затратить несколько часов.

Бату и Мункэ ехали рядом. Хан Бату молчал, хотя Мункэ постоянно вел разговоры:

– Расправлюсь с Огул-Гамиш и ее сторонниками, займусь другими ханами и военачальниками, со всеми теми, кто был на стороне угэдэидов и чигатайдов. Я им никогда не забуду, как они меня хотели уничтожить. Я их теперь сам погублю и вообще всех тех, кто не хочет подчиниться великому хану, всех тех, кто думает свое ханство сделать независимым.

Услышав эти слова, Бату-хан поднял голову и внимательно посмотрел на Мункэ, подумал: «Он так и до меня доберется. Хорошо, мой улус далеко от Каракорума. Надо обязательно оставить при дворе великого хана своих людей, чтобы они тут были моими глазами и ушами. Через них я буду знать, что задумал мой брат Мункэ».

Бату, слушая болтовню и похвальбу новоявленного императора, загляделся на степь. Степь была его стихией, его домом, она вскормила и вырастила его, приучила к свободе. А степь в это время была прекрасна. Изумрудная зелень и красные маки заполняли ее от края и до края. Хотя уже наступала жара, но она еще не успела высушить равнину и сделать ее желтой.

Бату-хан перевел взгляд на небо, оно сегодня как никогда было бездонным, будто из голубого хрустала. В небе летал орел, единственный обладатель этого необъятного пространства. Он, широко расправив крылья, парил, даже порой казалось, что птица остановилась на месте, высматривая добычу.

Батый, глядя в парящего в небе орла, подумал: «Свободная, вольная птица. Она ни от кого не зависит, летит куда хочет, охотится за кем хочет. Эта птица напоминала его самого. Он всю свою жизнь стремился к свободе, чтобы ни от кого не зависеть. Поэтому, даже после похода к последнему морю, пройдя Русь и Европу, он не вернулся назад, в Каракорум, а самовольно сам организовал свое ханство вопреки желанию великого хана. Он утвердил себя сам, сам основал Орду, где является полновластным хозяином и не даст никому посягнуть на свою независимость, пусть это даже будет Мункэ».

Словно разгадав мысли своего брата, великий хан сказал:

– Слушая меня, Бату, ты, наверно, подумал, что я буду посягать на твои улусы? Так знай, я твою улугу буду помнить до самой смерти, поэтому царствуй в своем улусе как хочешь, я тебе мешать не буду. Только меня не забывай, что я твой великий хан и что существует Каракорум, колыбель нашей империи.

Вдали стала виднеться скала, на которой засели противники. Бату-хан, увидев ее, обращаясь к рядом ехавшему брату, сказал:

– Смотри, Мункэ, а скала-то и вправду неприступная, трудно ее будет взять.

– Ничего, наши нукеры и не такие крепости брали, а уж эту скалу возьмем, – уверенно ответил Мункэ.

Когда отряд во главе с великим ханом приблизился к месту, где засела Огул-Гамиш со своими людьми, прискакал на взмыленной лошади Анкур, он резко остановил коня, так что тот встал на дыбы.

Осадив лошадь, сотник сообщил, обращаясь к великому хану:

– Великий хан, я думаю, что крепость не надо брать.

– Как это так? – подняв бровь, спросил Мункэ.

– Надо располагаться и отдыхать, а они скоро сами сдадутся.

– Почему ты так решил, что они сдадутся без боя, ведь им терять нечего, и они знают, что их ждет. Я думаю, они будут сражаться до последнего, – вмешался в разговор хан Бату. – От Огул-Гамиш к нам уже перебежало около десятка человек и рассказали, что у них нет там ни воды, ни еды. Мы их преследовали по пятам, так что они не успели запастись, а лошадей мы у них сразу же угнали, – ответил воин.

– А ведь он верно говорит, – согласился великий хан и заметил: – Сегодня как никогда жарко, а в доспехах дышать нечем, так они накалились. Прикажи своим воинам, чтобы они вели обстрел стрелами людей Огул-Гамиш, да так, чтобы они не смогли даже высунуться.

– Слушаю и повинуюсь! – выкрикнул Анкур, развернул коня и помчался выполнять приказание хана.

Мункэ некоторое время задумчиво смотрел на скалу, затем обратился к слугам:

– Поставьте шатры и приготовьте пищу. Пора бы и нам немного отдохнуть.

Вскоре воины установили шатры, разожгли костры, а не занятые штурмом люди расположились на отдых, кто где может.

Ханы удалились в шатер, стали пить кумыс, разливая его из бурдюков, который хоть и был тепловатый, но все-таки бодрил.

Слуги вскоре подали только что сваренное баранье мясо. Все присутствующие, несмотря на жару, с удовольствием взялись за пищу. Только Батый не притронулся к еде, молчал. Его одолевали размышления: «Все в этом мире меняется. Сегодня твой близкий человек и даже друг вдруг становится твоим врагом. И если ты его не уничтожишь, то он тебя уберет со своего пути. Ведь с Огул-Гамиш они росли вместе и были влюблены друг в друга, а вот сегодня он вынужден ее преследовать, и, скорее всего, великий хан повелит ее казнить. А все оттого, что этой женщиной овладела алчность: захватить все и прибрать все богатства империи под себя, даже переступая через трупы своих родственников. И его она пыталась уничтожить, подсылала к нему людей, чтобы отравить, но благодаря тому, что у него при ее дворе были свои люди, он знал обо всех ее коварных намерениях, которые она затевала».

Мункэ с аппетитом уплетал мясо. Как у всех полных людей, желание вкусно поесть у него было всегда, что бы ни происходило. С насыщением пищей настроение его менялось в лучшую сторону. Великий хан улыбался, подшучивал над сидящими за трапезой ханами. Заметив, что хан Бату не ест и напряженно о чем-то думает, улыбаясь, заметил:

– Что это ты, Бату, загрустил? Никак жалко тебе Огул-Гамиш? Наверно, будешь просить, чтобы я ее помиловал?

Бату с надеждой поглядел на своего брата, спросил:

– А что, помилуешь, если я попрошу?

– Нет, Бату, я это сделать не смогу. Если я так поступлю, то все мои остальные враги будут думать, что их могут простить и опять станут творить зло против нас. Я их казнь мучительной смертью у всех на виду. Их завернут в коровьи шкуры, а остальным велю срубить головы.

В шатер вошел Анкур и, преклонив колени перед ханом, спросил:

– Что будем делать с перебежавшими к нам воинами Огул-Гамиш?

– Всех казнить! – жестко распорядился Мункэ.

– Может, все-таки их помиловать? – вмешался в разговор Бату.

– Нет, это будет нарушение законов, которые установил наш дед Чингисхан. Всех предавших и бежавших с поля боя нужно карать смертью. Что скажет наш дед, если мы нарушим его законы? Он ведь наблюдает за нами с небес. А если мы не будем соблюдать его заветы, он перестанет нам посылать удачу, – ответил великий хан.

– Слушаю и повинуюсь! – произнес воин и вышел из шатра.

Мункэ подозвал к себе одного из слуг, приказал:

– Верни мне сотника назад.

Вскоре Анкур опять предстал перед ханом, и Мункэ, обращаясь к сотнику, велел:

– Сдавшихся воинов казнить так, чтобы этого со скалы не было видно, а то они не будут сдаваться.

Видя бесполезность сопротивления, уже к вечеру Огул-Гамиш со своими людьми решила сдаться на милость великого хана. В шатер, где уже на лежанках после сытной трапезы отдыхали ханы, вновь явился Анкур и сообщил, что Огул-Гамиш хочет сдаться и просит ее принять для важного разговора.

Выслушав все это, Мункэ усмехнулся и заявил:

– Раньше надо было вести разговоры, а теперь уже поздно. Теперь ее с ее приближенными и родственниками ждет смерть. Но ты им этого не говори, а скажи, что я готов их выслушать.

Когда военачальник вышел из шатра, великий хан приказал слугам зарезать несколько коров и ободрать с них шкуры, мясо же щедро раздать воинам для приготовления пищи.

Прошло совсем немного времени, и Анкур привел в шатер к ханам Огул-Гамиш и ее сподвижников Ширамуна и Кадана. Они вошли в шатер, низко опустив головы, тут же упали на колени, стали целовать полу халата и сапоги Мункэ. Тот, презрительно взирая на них, жестко произнес:

– Что, приползли пощады просить?! А что вы раньше думали, когда хотели отравить хана Батыя и убить меня?!

– Пощади нас, великий хан! – в голос просили плененные.

– Не убивай нас, пощади! – обливаясь слезами, умоляла Огул-Гамиш.

Мункэ подозвал сотника, спросил:

– Готовы ли шкуры от коров?

– Готовы, великий хан.

– Веди их туда, а мы сейчас подойдем.

Когда ханы вышли из шатра во главе с великим ханом, то все воины стояли полукругом и молча смотрели на лежащих, связанных по рукам и ногам пленников, а рядом были разостланы три коровьи шкуры.

Великий хан подошел к Анкуру и коротко повелел:

– Начинай.

Дюжие воины положили пленных посередине коровьих шкур, запеленали их, крепко обмотали кожаными ремнями. Огул-Гамиш кричала и плакала, просила Мункэ пощадить их.

Но великий хан был неумолим. Только Ширамун и Кадан мужественно молчали, понимая, что им не миновать мучительной смерти. Умоляющий плач ханши, перешедший в истерический визг, видимо, раздражал Мункэ, он приказал Анкуру:

– Да замотайте им головы шкурами! Заткните им рот!

Некоторое время пленные, задыхаясь в шкурах, дергались, извивались всем телом, а затем затихли.

Так печально закончилось правление татаро-монгольской империей угэдзидами и чигатайдами, к власти пришел золотой род борджигинов.

На этой казни Мункэ не остановился, он продолжил свои репрессии над врагами, им было казнено и сослано более 300 человек должностных лиц империи из угэдзидов и чигатайдов.

9

Недаром говорят: «Время лечит». А времени у князя Александра на все дела не хватало. Некогда было убиваться над своим горем. Нужно было жить и выполнять поставленные им перед собой задачи. Любыми путями удержать запад от посягательства на территорию Руси и влияния и распространения католической церкви в княжествах. Необходимо было налаживать связи с татаро-монголами, но для этого надо было хотя бы внешне проявлять покорность хану Бату и дарить дорогие подарки золотом, мехами и ювелирными украшениями. Невского устраивало то, что татары не претендовали на территорию Руси, с уважением относились к православной вере и разрешили в Орде открыть храмы. А это было очень важно. Даже некоторые татарские ханы хотели окреститься и молиться Иисусу Христу.

Образовался своеобразный треугольник: с одной стороны татаро-монголы, с другой стороны русские с православной верой и западники с католической верой. Между католиками и православными завязалась негласная борьба за влияние на татар и возможность обратить их в свою веру. Александру приходилось всячески привлекать на свою сторону церковнослужителей, и он для этого делал многое: раздавал землю и имущество неугодных бояр, строил храмы, а они, в свою очередь, поддерживали его политику сохранения территории и верования на Руси. Кроме того, немало времени отымали и внутренние дела княжества – это сбор налогов и податей с населения, ведение судов и разбирательств среди бояр и простого населения. Все это приносило немалые доходы для того, чтобы содержать княжеский дом и дружину.

В 1251 году князь Александр решил вступить в переговоры с Норвегией. Им были отправлены послы к норвежскому королю Хакону, чтобы он запретил своим подданным грабить земли саамов и карелов. А в знак закрепления договоренности и союза отдать свою дочь Крестину за сына Невского, молодого князя Василия. Норвежский король со всем этим согласился и прислал в Новгород послов для переговоров.

Александр норвежских послов принимал до обеда. Он сидел в приемной палате на княжеском троне при всех своих регалиях власти. Вел неторопливую беседу с приближенными боярами и придворными, которые восседали на лавках, расставленных вдоль стен. Здесь же присутствовал епископ Кирилл с церковнослужителями.

Дверь в палату отворилась, вошел дворецкий и торжественно объявил:

– Послы из Норвегии Амундсен Ингвар и Боргер Улаф.

В палату вошли королевские послы. Они низко поклонились князю. Один из них высокий, худощавый, с длинными волосами до плеч, развернул свиток грамоты и начал читать:

– Его величество король Хакон получил грамоту от посланных князем Александром послов с предложениями о мирном и дружеском существовании наших государств.

Норвежский король Хакон согласен с русским новгородским князем Александром о заключении договора в виде «Разграничительной грамоты», по которой необходимо описать границы сбора дани с саамов норвежцами и карелами, а также определить нормы сбора дани.

А также король Хакон согласен выдать дочь Крестину за князя Василия и все условия брака в подробностях оговорить с послами.

Посол еще читал грамоту норвежского короля, а Невский, слушая послание Хакона, думал о другом: «Вроде бы с северным соседом все складывается неплохо, создается союз в противовес Швеции. И все бы хорошо. Вот только известия из Владимира его не радовали. Его брат Андрей почти не занимался княжеством, а казалось, как бы умышленно разрушал то, что он с таким трудом добивался в политике с западом и татарами. Он вел праздный образ жизни, занимался охотой, а княжеские дела старался поручить своим приближенным, а когда что-то у них не получалось, часто менял своих помощников. Мало того, до Александра доходили слухи, будто брат вел разговоры среди князей, что он проданся татарам, что стал им прислужником. Кроме того, Андрей вел активную деятельность по формированию сопротивления татарам, готовился к военным действиям. Все это не могло оставаться незамеченным татарами, которые внимательно наблюдали за всем происходящим на Руси. Среди бояр и даже князей находились люди, которые доносили татарам о действиях русских и их настроении по отношению к татаро-монголам. Больше всего этим был обеспокоен князь, так как знал, что все это неминуемо приведет к новому нашествию на Русь. И тогда уже татары разрушат государство до основания, и восстанавливать придется все это десятками лет.

Одолеваемый своими мыслями Александр на какое-то время отвлекся и даже не заметил, как норвежский посланник закончил читать грамоту от короля. Посол деловито свернул грамоту в свиток, перевязал золотой ниткой и с поклоном вручил великому князю.

Невский взял в руки грамоту и передал ее писарю Бориславу, затем встал и, обратившись к послам, сказал:

– Я рад, что его величество норвежский король Хакон с пониманием отнесся к нашим предложениям о заключении мира. Я думаю, более детально все условия договора мы обговорим отдельно. Ну а сейчас я вас всех приглашаю отобедать нашего русского угощения.

В обширной трапезной княжеской палате были богато накрыты столы, на которых красовались в серебряных и золотых блюдах зажаренная целиком дичь, красная и белая рыба. В чашках красовалось жареное мясо, издавая дурманящие аппетитные запахи. В кувшинах и ендовах стояли заморские вина. Сладости и пироги были уложены красивыми горками на фарфоровых и стеклянных тарелках.

Князь Александр сел во главе стола, по левую руку усадили послов, а по правую расселись близкие и приближенные князю бояре и придворные. Слуги быстро наполнили кубки всем сидящим гостям, послам были преподнесены особые объемистые золотые кубки с крепким заморским вином.

Великий князь встал, поднял кубок и провозгласил:

– Гости мои и все близкие люди, которые сегодня здесь находятся в этот ответственный и важный момент, давайте выпьем за его величество норвежского короля Хакона и дружбу между нашими государствами, а также за мирный договор между нами!

После выпитого вина за столом началось оживление. У бояр и придворных развязались языки. Слуги принесли первую смену блюд – уху из семги. Она была отменна, с большими кусками мяса, янтарная по цвету от жира и издавала изумительный аппетитный аромат.

Послы, хлебая уху, от удовольствия покрякивали и причмокивали губами, лопоча что-то по-своему. Рядом сидящий с ними Михаил Романович подливал им заморского вина, давая запивать из ендовы резким медом.

Князь Александр, глядя на все это, улыбнулся и, погрозив своему сотнику пальцем, предупредил:

– Михаил, смотри, не спой наших гостей, вино вместе с медами для них вредно, и они быстро свалятся с ног. Пусть посидят за столом, отведают наши блюда, а то так ничего и не увидят и им не о чем будет рассказать своему королю, как их встретили в Новгороде.

Через некоторое время слуги опять сменяли блюда, после ухи подавали каши, а к ним мясо и рыбу. Гости, выпив несколько чарок, еще больше заговорили, даже кое-где заспорили.

По знаку Александра в палату вошли скоморохи и шуты, заиграли сопели, застучали накры и бубны, сливаясь с мелодичным звоном гуслей. Закрутились в веселом вихре пляски скоморохи и шуты.

Норвежцы, прилично выпив, громко друг с другом разговаривали, а затем обратились к князю, показывая пальцем на скоморохов.

Переводчик сразу же перевел:

– Великий князь, ваши люди не только хорошо бьются на поле боя, но и умеют веселиться.

Князь, улыбаясь, закивал головой, ответил:

– Таков русский народ, за что ни возьмется, все делает от души.

Михаил вновь наполнил гостям кубки с вином, придвинул блюдо с запеченным гусем в розово-золотистой аппетитной корочке.

Невский обратился к Михаилу:

– Михаил Романович, иди, сядь со мной рядом, поговорить надо.

Сотник уселся около князя, ожидая, что тот скажет.

Князь, выпив вина, сказал:

– Сейчас меня, Михаил, очень волнует то, что происходит во Владимире, а оттуда приходят далеко не утешительные вести. Брат мой почти не занимается управлением княжеством, а в основном занят охотой и увеселениями. И почти открыто готовится воевать с ханом Батыем. Видите ли, он не желает быть под пятой татарской. И я уверен, что об этом уже знают татары. И самое страшное то, что он накличет новую беду на Русь. Узнав обо всем, хан Батый может в любой день послать армию, а может, и не одну, как было прежде, и они опустошат наши земли.

– Что же нам предпринять, как нам отвратить эту беду? – спросил сотник.

– Думаю отправить тебя с грамотой во Владимир к Андрею, где буду просить его, чтобы он одумался и не ввязывался воевать с татарами и не втягивал нас в новую беду. Возьмешь сотню дружинников и завтра же отправляйся. Самому мне никак невозможно ехать, много дел, да и в самом Новгороде беспокойно, противники мои бояре плетут сети заговора. До меня дошло, будто хотят заменить меня и пригласить на мое место другого князя, поэтому мне нужно быть здесь.

– Хорошо, Александр Ярославич, я все сделаю, как ты велишь, и постараюсь отговорить князя Андрея от действий против татар. Ведь если придут татары, Андрею не справиться с ними будет. У него нет военного опыта, как у тебя. Он даже не участвовал ни в одной битве, не говоря уже о руководстве армией. Его самоуверенность и нежелание прислушаться к разумному совету может крепко подвести. Мы с тобой, князь, знаем, какова мощь татарской армии и опыт их полководцев. Они всю жизнь проводят в седле и в войнах.

В это время шведские послы, напившись заморских вин, изрядно разбавив их сладкими медами, запели на своем языке песни. Один из них, уронив голову в блюдо, заснул, другой порывался встать, но не мог.

Князь, посмотрев на своих гостей, улыбнулся, сказал:

– Наши гости уже наугощались. – И, обратившись к Михаилу, распорядился: – Попроси слуг, пусть их отведут в отведенные им покои и уложат спать. Завтра одарить их дорогими подарками на память о нашем щедром приеме.

В это время к князю подошел дружинник Михей и сообщил:

– Александр Ярославич, прибыл посланник от самого Батыя, говорит, что должен срочно вручить тебе грамоту.

– Где он сейчас? – сменившись в лице, спросил князь и тут же добавил: – Ну началось! Батый по пустякам не будет беспокоить. Наверно, что-то произошло.

– Не знаю, что произошло. Сейчас гонец разговаривает с писарем Аланом. Но о чем-то серьезном ничего не сообщает, так что может так, по каким-нибудь делам явился татарский посланник, – попытался успокоить дружинник князя.

– Пошли, Михаил, послушаем, что нам скажет гонец Батыя, – пригласил Александр сотника.

В приемной палате Алан и ханский посланник еще не успели толком поговорить, так как у посла был и к княжескому лекарю разговор по поручению татарского хана, как вошли Невский и Михаил.

Татарский посол встал, низко поклонился и на русском языке сказал:

– Великий князь, я прибыл к тебе по поручению сына Бату-хана Сартака.

Князь с удивлением поднял брови, спросил:

– А почему от Сартака, а где же хан Батый?

– Бату-хан сейчас в Каракоруме, он уехал туда на выборы нового императора, а за него остался его сын и наследник престола Сартак.

– И кто же теперь будет великим ханом? – поинтересовался князь.

– Теперь великим ханом будет Мункэ.

– Так что же велел передать мне хан Сартак?

– Велено тебе, Александр Ярославич, немедленно прибыть к нему для решения очень важных дел, которые уже нельзя отложить.

– Что же это за дела, за которыми нужно ехать за тридевять земель. Если ты знаешь, гонец, то скажи, зачем меня хан вызывает?

– Мне это неизвестно, великий князь, – опустив глаза, ответил татарин.

Александр понял, что посланник знает, зачем его вызывает Сартак, поэтому решил все-таки хоть что-то узнать. Он вытащил из-за пояса приготовленный норвежским послом кожаный мешочек с золотом. Подкинул его в руках, спросил:

– Ну, хоть что-нибудь вспомнил?

Татарин с жадностью посмотрел на мешочек с золотыми и сказал:

– Многого я не знаю, но хан к тебе неплохо расположен и хочет тебе вручить новый ярлык. Поэтому и велел приехать как можно скорее и вместе со мной.

Князь лихорадочно пытался сообразить, какой же все-таки ему хочет вручить ярлык татарский хан. Так и не сообразив, к чему этот срочный вызов, решил для себя, что надо ехать.

10

Начиналось лето. Ночи стали короче, а дни длиннее, как говорится, заря с зарею сходится. Дождей еще не было, стояли сухие теплые деньки. Леса оделись в яркую молодую зелень, еще клейкие листочки издавали аромат, который бывает лишь раз в начале лета, когда растения набирают жизненную силу. Природа жила своей жизнью возрождения и радовала все живое вокруг. Весело щебетали птицы, перелетая с дерева на дерево. Не видно было черных крикливых ворон, они убралась куда-то в темные леса. Белки шныряли с дерева на дерево, озабоченно хлопотали, исполняя свои неведомые людям дела.

Сотня дружинников во главе с князем Александром и небольшим обозом, который сопровождало еще

человек двадцать слуг и необходимых людей в пути, быстро двигалась по лесной дороге. Путь князю был знаком, так как он не в первый раз уже ехал в татарский город Сарай по приглашению ханов.

Несмотря на то что вокруг была красота наступающего лета, князь ее не замечал, он был погружен в свои мысли о том, что же его ждет в татарском логове: или честь татарская, которой не обрадуешься, или опала из-за военных приготовлений брата Андрея. Он был уверен, что татарские ханы уже знают о заговоре русских князей и его срочный вызов, видимо, по этому поводу. Что его ждет, одному богу известно, и о каком ярлыке говорил татарский посланник. Сколько он его об этом ни спрашивал, получал лишь один ответ, что он ничего не знает. Может, и знает, но, видимо, не велено под страхом смерти рассказывать об истинных намерениях хана, а может, действительно ему ничего неизвестно. И еще волновало его, что к назначенному сроку к нему не вернулся сотник Михаил, которого он послал с письмом к брату. Почему он не присоединился со своими людьми к нему в назначенном месте?! Там его прождал три дня, а он так и не появился. Князь вынужден был отправиться во Владимир в сопровождении священнослужителя Азария и двух дружинников, чтобы они узнали, что же там происходит. Времени ждать не было, и, более не останавливаясь, продолжил свой путь. Александр знал пристрастие татарских ханов к дорогим подаркам, а особенно к золоту, драгоценным украшениям и мехам. Этого добра он вез с собой две телеги, надеясь задобрить в первую очередь Сартака и его приближенных.

Что ждет Невского, знал только один человек – это Алан, и срочный вызов князя в Сарай был организован не без его участия. Через него татарские ханы многое знали, что происходит в Новгородском княжестве, а также что говорит и даже думает князь в отношении татар. После того как Алан вылечил князя, он завоевал большое уважение Невского и стал одним из приближенных его двора. Да и сам восточный лекарь привязался к этому мужественному, сильному, справедливому, храброму, а порой жестокому к своим врагам полководцу и незаурядному политику. Ему нравилось, как Невский умело управляет княжеством, и, несмотря на те несчастья, которые постигли новгородцев и его самого – смерть его жены и брата Константина, он находил в себе силы держать в руках власть над вольнолюбивым, а порой и неуправляемым Новгородом. Но, несмотря на все свое уважение и преклонение перед силой, мужеством и умом Александра, он всегда помнил, кто все-таки его хозяин и у кого в руках власть, чьи воины прошли от моря и до моря, кто покорил почти весь мир, и поэтому верно и преданно служил монголо-татарскому хану. Им были доложены сведения, что князь Александр не нарушает и не собирается нарушать союз между Батыем и им, что он, наоборот, уговаривает своих братьев князей сохранять мир с татарами. Он желал добра князю, как он считал, сообщая все сведения татарам о том, что происходит при дворе Александра. Алан искренне считал, что это всего лишь ниспослание русским воли Аллаха. И его сообщения принесут русским пользу, что и происходило уже сейчас. Ведь по его воле Невский едет получать ярлык на правление Владимирским княжеством. Княжеством, о чем он, наверно, тайне мечтал, и о чем он, Алан, давно догадывался. Так оправдывал себя восточный лекарь и просил всевышнего простить его за его предательство.

* * *

В Сарай русское посольство прибыло ближе к вечеру. Еще за городом Александра с людьми уже ожидал отряд из двухсот нукеров, которые их сопроводили до отведенных для проживания юрт.

Татарский сотник, препроводив русских, расставив воинов вокруг русского лагеря, в котором расположилось прибывшее посольство, соскочил с коня, подошел к князю, поклонился ему, чем вызвал немалое удивление у Александра, сказал:

– Наследник великого хана Сартак завтра же примет вас для важного разговора, а сегодня отдыхайте, пейте кумыс, ешьте мясо, оно уже варится в котлах.

Военачальник еще раз поклонился князю и удалился.

– Вот видишь, великий князь, с каким уважением встречает тебя наследник, какую честь тебе оказывают. Знать, ждать тебе от Сартака милостей. Так что, князь, не скупись на подарки, все окупится сторицей, – произнес рядом стоящий Алан.

– То-то я смотрю, что в пути нам никто не чинил препятствий и даже подарков не требовали, – с удивлением отметил Невский.

* * *

Как только хан Сартак узнал, что новгородский князь прибыл в Сарай, он тут же приказал собраться у себя в юрте своим приближенным и военачальникам. Вскоре в юрту к хану Сартаку явились все, кого потребовал наследник. Они расселись на скамьях в довольно просторной юрте, ожидая, что скажет вре-

менный правитель ордынского ханства. Сартак сидел, задумавшись, на возвышенном помосте, в удобном, из дорогого красного дерева, изукрашенном золотой инкрустацией, наподобие трона, кресле. Он был худощав, небольшого роста и походил на своего отца Бату. Его жиденькие усики с сединой и такая же бороденка свисали, не касаясь груди. Узенькие глазки были почти закрыты и от этого превратились в щелки. Желтое лицо было неподвижно и со стороны похоже на маску. Но по беспокойному движению рук, которые у него лежали на коленях, становилось ясно, что ум его занят чем-то очень важным, что в душе у него шла внутренняя борьба и, по всей видимости, он решал какую-то очень важную проблему.

Приглашенные наблюдали за ханом, боясь что-то сказать, так как знали его вспыльчивый характер. Чтобы не накликать на свою голову беду, присутствующие молча ожидали, когда Сартак соберется с мыслями и сам сообщит, зачем он так срочно вызвал всех.

Наконец наследник, оторвавшись от своих мыслей, внимательно посмотрел на смиренно сидящих приближенных и военачальников. Его глаза оживились, засветились каким-то особым блеском. Видимо, то, что он хотел сообщить, было очень важно не только для него и всех присутствующих. После длительной паузы наследник заговорил:

– Великий хан Батый, отправляясь на курултай в Каракорум, мне приказал исполнить одну очень важную его волю. – Сартак сделал опять паузу, затем продолжил: – Завтра же царевич Неврюй, темник Олабуга – храбрый и воевода Котья выступают в поход на Русь против Владимирского княжества.

Все приглашенные оживились и зашептались между собой. Для многих это заявление было полной неожиданностью.

Сартак сдвинул брови и пристально посмотрел на оживившихся соплеменников. Сразу же все стихли. Тогда наследник заговорил снова:

– Поход уже обсуждался с моим отцом и военачальниками. Наши воины готовы к походу. А вызвано это тем, что на Руси князья объединились в союз против нас и готовятся воевать. Пока они еще слабы, мы должны нанести первыми мощный удар и сломить их желание сопротивляться нам. Пора им показать, кто сейчас хозяин на их земле. Мы вновь должны пройти огнем и мечом по Руси и Владимирскому княжеству. Кроме того, там нужно поставить великим князем всем известного Александра Невского, и я его вызвал, чтобы вручить ему ярлык на правление не только Владимирским княжеством, но и всей Русью. Этот князь выражает нам полное послушание, хочет с нами заключить союз против его давних западных врагов.

Хан замолчал, видимо, думая, что еще сказать. В это время царевич Неврюй, крепкого телосложения, с широким круглым лицом и живыми бегающими глазами, воспользовавшись паузой, спросил:

– Хан, когда будем выступать на Русь?

– Я давно уже распорядился вам подготовиться к походу. Мы ждали Невского, и теперь он здесь. Надо, не теряя времени, сразу же и выступать. Но так, чтобы ни один русич не знал об этом, – ответил Сартак.

– Никто не узнает, наши тумены уже семь дней как отведены от Сарая и пока расположились на берегу Итиль. Мы только ждем твоего указания, хан.

– Тогда завтра же выступайте в поход.

– Слушаю и повинуюсь! – ответил царевич.

Все находящиеся заговорили, обсуждая новость, о которой даже некоторые и не знали.

В это время в юрту вошел татарский воин и сообщил:

– Прибыли послы французского короля Людовика.

Сразу же в юрте смолкли все разговоры.

Сартак встал со своего креслица, тем самым показывая, что беседа закончена. Военачальники в низком поклоне, задом, стали удаляться из юрты, а наследник подозвал поближе к себе воина.

Тот упал на колени перед ханом, ожидая, что тот скажет.

– Так что там за послы от короля?

– Это, великий хан, монахи францисканцы, старший из них назвался Гаймомом Рубруком, двое других назвались Григорио и Густаво, а говорят они, что прибыли к тебе с миром и любовью.

Сартак заносчиво улыбнулся и пробурчал:

– Все они идут с миром и любовью, только подарков мало несут.

– Они жаловались, что будто по дороге в Орду наши воины многое у них отобрали.

– Они еще выражают недовольство, да они должны считать за честь, если татарский воин взял у них то, что ему понравилось. Татарскому воину не вправе никто отказать в его желании взять что-нибудь для себя, – недовольно высказался хан и тут же потребовал: – Пусть войдут, послушаем, что они нового

скажут. – И вновь сел на кресло, сделав непроницаемое лицо.

Монахи несмело вошли в юрту. После яркого солнечного света они не сразу определились, где сидит хан. А когда увидели сидящего на помосте наследника, подошли ближе и преклонили колени.

Сартак молча и внимательно разглядывал посланцев, а те не знали, что им делать, то ли вставать, то ли продолжать стоять на коленях.

Заметив замешательство гостей, хан чуть улыбнулся и, указав на скамью, которая стояла поближе, пригласил их сесть. Два монаха сели на указанное место, а Рубрук продолжал стоять напротив хана.

Сартак посмотрел на посланца, ожидая, что он скажет. Рубрук низко в пояс поклонился и сказал:

– Прежде чем вести нашу беседу, я хочу преподнести великому хану подарки, которые мы с большим сбережением везли из далекой Франции. Это подарки от нашего короля Людовика.

Двое монахов тут же встали со скамьи, вышли из юрты и через некоторое время внесли объемистый сундучок, кованный серебром и с рисунком, отделанный золотой инкрустацией.

Сундук поднесли к ногам хана, а Рубрук нажал на нем небольшую кнопку, крышка сундука с музыкальным звоном поднялась, открывая доступ к драгоценностям. Здесь сверкали золотые и серебряные украшения с драгоценными камнями.

Сартак так и впился глазами в содержимое сундука, лицо его подобрело и расплылось в масляной улыбке. Он три раза хлопнул в ладоши. Тут же вошли слуги, внесли на золотых подносах пиалы с кумысом. Хан, оторвав взгляд от сокровищ, посмотрел на монахов, произнес:

– Вы, наверно, были долго в пути и очень устали, а наши степи встретили вас жарой. Испейте нашего прохладного кумыса. Он вас освободит от усталости и вернет потерянные силы.

Монахи уселись на скамейку, осторожно стали пробовать напиток. Так как отставить его нельзя было, поэтому больше делали вид, что с наслаждением пьют содержимое из пиал.

Наследник, от удовольствия щурясь,пил прохладный кумыс, затем, оторвавшись от чаши, спросил:

– С чем же вы пожаловали к нам так издалека и что бы вы хотели нам поведать?

Рубрук, перебирая четки, смиренно опустил глаза, стал говорить, а один из монахов, зная татарский язык, переводил:

– Преодолели мы такой длинный путь не ради любопытства или утех. Прибыли мы к вам с миром, для того чтобы заключить союз, а также принести к вам знания нашей веры, чтобы вы поклонялись Господу всемогущему, Богу Иисусу Христу.

Сартак улыбнулся и задал коварный вопрос:

– А союз заключать вместе с вами мы будем против кого?

– Дошли до нас сведения, что русские, такие как князь галицкий, князь владимирский, князь новгородский, князь литовский и другие готовят войско, чтобы воевать с вами. А мы предлагаем вместе – вы с востока, а мы с запада – разбить этих князей и поделить меж собой княжества.

Хан от удивления поднял брови, потом рассмеялся, чем обескуражил собеседников. От такого поведения Сартака они даже растерялись, не зная, что им и думать: то ли радоваться, то ли опасаться коварства татар, о котором они много слышали.

Наконец, сделав серьезное лицо, Сартак ответил:

– Вы меня, католические монахи, немало удивили. Зачем нам завоевывать то, что мы уже давно завоевали, и еще брать веру вашу, чтобы потом подчиняться вашему римскому папе и французскому королю. А если там где-то, кто-то готовится с нами воевать, то мы с ними сами справимся. Стоит только послать тумены с воинами, и все наши враги присмирят. И еще радуйтесь, что мы пока не двинули своих нукеров на ваши земли. Пора и вас обложить данью.

Озадаченные монахи, сменившись с лица, молчали. Рубрук даже побледнел.

Наследник, изучающе оглядев гостей и поняв, что нагнал на них страху, добавил:

– Еще нам не нравится то, что вы оговариваете доброго рыцаря князя Александра. Он не собирался и не собирается воевать с нами и прибыл к нам по нашей просьбе для переговоров и вручения ему ярлыка на правление всей Русью.

Монахи переглянулись, смиренно опустили головы, сосредоточенно перебирая четки. После этих слов хан встал, давая понять, что беседа закончена, монахи низко откланялись. Сартак строго им повелел:

– Пока поживите у нас, монахи, отдохайте, а мы подумаем, что с вами дальше делать.

нул с ответом на письмо брата. По прибытии в город сотник сразу же вручил грамоту великому владимирскому князю. Тот развернул свиток и стал читать, а когда прочитал, скривился от недовольства и бросил:

– Мой брат, как всегда, поет одну и ту же песню. Держать мир с погаными татарами и пугает меня, как ребенка, страшными сказками про монголо-татар. Знаю я этих татар. А потом, почему это я должен подчиняться Александру, а не он мне? Я фактически на Руси великий князь, а он должен со мной советоваться в первую голову. Да по мне лучше остаться без княжеского трона, чем зависеть от какого-то никчемного хана Батыя. Я не изменю своего решения и как был ярым противник татар, так им и останусь.

Михаил поклонился князю, сказал:

– Великий князь, я буду ждать письменного ответа. Без него моя поездка к тебе будет пустой, и Невский останется очень недоволен.

– Недосуг мне грамоты писать, дела у меня всякие. Да и свое решение драться с татарами я не изменю. Можешь ему об этом сообщить. А если хочешь, чтобы я ему написал грамоту, то подожди.

– Нет времени ждать, великий князь. Ведь Александра вызвал к себе хан Сартак в Сарай, а по пути мы с ним должны в определенном месте встретиться, чтобы продолжить путь к татарам.

Князь Андрей от этого сообщения сразу же завелся:

– Вот-вот, поехал братец за свои же подарки Русью торговать, а по пути, наверно, и меня продаст татарам. Уж больно их любит. А я вот им никогда не подчинюсь, со мной почти все князья заодно и также мой тесть князь Галицкий.

– Эх, князь Андрей, зря ты так на своего брата. Он же за тебя печется. Хочет помочь не только тебе, но и думает, как всю Русь от бед избавить. Не помышляет он ни о каком предательстве. Он добра тебе желает. Ты сам много говоришь о своей готовности воевать с ханами. Если ты думаешь, что они ничего не видят и не слышат, то глубоко ошибаешься. Я ведь в Сарае долгие годы прожил и знаю, как они действуют. У них в каждой покоренной ими земле подсылаются много людей, которые сообщают им обо всем, что там происходит. Они проникают туда в виде купцов или странников, а сейчас еще монахи с запада шастают везде и сообщают ханам все, что происходит у нас на Руси. Я уверен, что они уже обо всем знают, что вы тут задумали, и давно уж о тебе сообщили ханам. Поэтому и послал меня к тебе Александр Ярославич, чтобы оградить твое княжество от бед, а ты не внемлешь.

Андрей задумался, и по его лицу даже пробежало сомнение, что не ускользнуло от внимательного взгляда Михаила. Князь ответил:

– Хорошо, Михаил Романович, я обо всем подумаю и напишу Александру письмо. Ну а ты пока отдохай после дальней дороги. Сам помойся и помой своих людей в баньке, а также можешь с нами поехать на охоту в наши леса. Кроме того, скоро будут гости из Переславля. Приедут родственники, устроим пир горой.

– Некогда, Андрей Ярославич, мне развлекаться. Мне спешить надо, – ответил сотник.

Но время шло, а Андрей, озабоченный охотой и пирушками с родственниками и друзьями, забыл про посланцев от брата. Михаил уже стал нервничать, так как время уходило и потом нагнать русское посольство в Орду станет трудным и даже невозможным. Потому что пайцзы, которая давала беспрепятственный пропуск на проезд по территории татар, у него не было, и он терял покровительство самого великого хана и с ним в пути могли татарские отряды сделать все, что захотят, вплоть до пленения в рабы. А сотнику уж очень не хотелось повторять все снова. И теперь ему уже ничего не оставалось, как ждать возвращения князя Александра во Владимире.

В Борисов День утром Михаил решил еще поговорить с князем Андреем, чтобы он его отпустил с грамотой к Невскому. Сотник пошел в трапезную, где должен был завтракать великий князь, но дружинник, который охранял вход в княжеский дворец, преградил ему путь со словами:

– Велено никого не пускать. Князь еще отдыхает.

– Пропусти, братец! – взмолился сотник.

– Не могу, Михаил Романович, при всем уважении к тебе. За послушание князь очень крут, сразу же изгонит меня из дружинников. А потом вчера великий князь сильно бражничал со своими друзьями, а сегодня, наверно, голову не может оторвать от подушки. Так что приходи после обеда, может, придет в себя, если снова не опохмелится.

Михаил в расстройстве плюнул, пробурчал:

– Видно, мне не успеть теперь присоединиться к князю. Придется ждать его здесь. – Развернулся и хотел уже идти на подворье, где он проживал со своими дружинниками.

В это время к крыльцу дворца на полном скаку на взмыленной лошади влетел дозорный дружинник.

Он резко натянул поводья, гнедой жеребец встал на дыбы. Воин соскочил с седла и направился в княжеские хоромы, но стражник преградил ему путь.

- Пусти, Илья, к князю!
- Зачем тебе?
- Срочно надо сообщить ему, что к городу подступили несметные полчища татар.
- Ты, что, шутишь? Откуда они взялись? – изумился охранник.
- А мне почем знать?! Вот об этом и хочу доложить князю. А то неровен час...

Стражник, оставив свой пост, помчался во дворец, чтобы рассказать князю о происходящем.

Михаил сначала даже растерялся, но уже через некоторое время успокоился и подумал: «Опять мне повезло, опять с татарами биться придется. – Потом задал себе вопрос: откуда же все-таки взялись татары? Наверно, узнали, что князь Андрей собрался с ними воевать, вот и пришли его предупредить. Теперь сожгут город, сравняют его с землей».

На колокольне ударил набат. Бум, бум, бум – плыл над городом тревожный звук, предупреждая людей об опасности, призывая их к оружию.

В городе от нежданно нависшей беды на какое-то время все замерло, а потом дружинники побежали закрывать ворота.

Вскоре на крыльцо выскочил князь Андрей. Видно было, что он собрался второпях и даже забыл пристегнуть к поясу оружие. Великий князь тут же взволнованно обратился к Михаилу:

- Откуда татары-то? Где они сейчас?
- Не знаю. Сам пока не видел. Только слышал от дозорного, что они уже стоят под городом.
- Надо посмотреть с дозорной башни на стене. Пойдем, глянем, правда ли это, – предложил князь сотнику, и они заспешили к стене города, где уже крепко-накрепко были закрыты ворота.

Когда они поднялись на стену, то им представилась неутешительная картина. Вдалеке маячило огромное татаро-монгольское войско. Они пока не спешили под стены брать в осаду город. По всему было видно, что татарские воины остановились и разбивают лагерь. Так как они уже устанавливают шатры, а кругом запылали костры, от которых поднимался дым. Все вокруг до самого горизонта было занято татарскими воинами.

Увидев все это, Андрей сник, он понял, то, что ему предрекал брат, о чем ему говорили сведущие люди, свершилось. Хотя это было начало, а что будет, можно только предполагать.

Срочно посылать гонцов к князьям за подмогой было бесполезно, они бы не успели, да и, по всей вероятности, были бы пойманы, так как уже повсюду вокруг города, пока на почтительном расстоянии, уже рыскали небольшие татарские отряды.

Вглядываясь вдаль, Андрей с тоской произнес:

- Что называется, взяли тепленькими. Что теперь они предпримут?
- Сразу они, конечно, на стены не полезут. А пришлют послов, чтобы сдались без боя. А потом это дикое племя начнет грабить, насиловать и убивать, сжигать дома, – ответил Михаил.
- Что же делать? – в растерянности спросил Андрей. По всему было видно, что он деморализован и нуждался в поддержке.

Сотник, проживший в татарском плену и участвующий во многих сражениях с татарами, посоветовал:

- Тут, великий князь, одно из двух, либо защищать до последнего город и тем самым обречь себя на смерть. Так как если татары возьмут город в осаду, то уже выбраться из него будет скорее всего невозможно. Мы все будем обречены на гибель. А помощи ждать нам неоткуда. Ты сам не хуже меня, князь, знаешь, как русские тяжелы на подъем. Пока придет подмога, нас уже не будет в живых.

– А второе? – с нетерпением спросил Андрей.

- А второе – это пока еще город не взяли в осаду, нужно выводить отсюда дружину и всех, кто может держать оружие, и спешит к Переяславлю, к твоему брату Ярославу Ярославичу, и организовать ополчение, созвать на помощь других князей. – И с иронией добавил: – Если, конечно, получится. Или просто сдать город без боя на милость татарам.

– Хорошо, я сейчас же организую отход дружины. Выведу из города бояр, свою и их семьи. А ты, Михаил, создай видимость, что люди готовятся к защите города, а потом ночью, кто хочет, пусть бегут в лес и спасаются. Татары наших лесов не любят и за ними не пойдут.

– Сейчас поганые после перехода будут отдыхать. Пошлют послов, наверно, только к обеду, которые будут запугивать и требовать сдачи города. Поэтому, князь, я тебе советую, чтобы ты поспешал, пока они еще не напали, решай, что будешь делать. Но сейчас выводить дружину из города нет смысла, их

разъезды завяжут с вами бой, и вскоре примчится татарская конница, и от вас останутся рожки да ножи. Уводить людей надобно ночью и сегодня же, иначе будет поздно.

– А что будем делать, если придут послы? – озадаченно спросил князь.

– Обещать, что посоветуемся с народом, и если придем к единому мнению сдаваться, то откроем ворота.

– А если татары начнут раньше штурм?

– Не начнут, они будут ждать сдачи города, а если откажемся сдаваться на милость победителя, тогда уж никого не пощадят.

От этих слов Михаила у князя захолодело в груди и засосало от страха под ложечкой. Действительно, после обеда дозорные сообщили, что к воротам города подъехали три татарина. Они были без оружия, в ярких полосатых халатах и потребовали впустить их для переговоров с князем.

Андрей засомневался, впускать или не впускать послов, но сотник посоветовал:

– Андрей Ярославич,пусти татар, пусть тебе обскажут, чего они хотят. Обойдись с ними милостиво, выслушай их и одари подарками, а ответ дай, как я тебе посоветовал. Скажи, что завтра к утру уговоришь горожан согласиться открыть ворота. Они подождут до утра. Им нет резона штурмовать город, когда его можно так взять и разграбить.

– Может, их подвесить за ноги на воротах? Пусть татары знают, – загорячился князь.

– Вот как раз этого делать нельзя, ибо татары не любят, когда убивают послов, и сами этого не делают. Иначе они убьют за это всех горожан, а город сравняют с землей, как это сделали с Киевом.

Выслушав совет Михаила, который в это трудное время стал ему первым советчиком как опытный воин и человек, знающий татар и их законы, князь Андрей отправился в палату, чтобы встретить как положено гостей, дабы не показать, что владимирцы напугались огромного татарского войска.

Через некоторое время в приемную палату привели татарских послов. Они с любопытством рассматривали княжеские хоромы с приценивающим видом, как бы прикидывая, где находится самое ценное в княжеском дворце, чтобы потом безошибочно идти и грабить.

Послы в пояс поклонились князю, и один из них по-русски заговорил:

– Наш царевич Неврюй послал нас к тебе, великий князь, чтобы передать вам, без боя сдать нашему хану. А за это мы не будем разрушать ваш город. Если же вы окажете сопротивление, то наше войско ваш город сожжет, сравняет его с землей, а людей всех угонят в плен.

Прерывая послов, князь Андрей спросил:

– Чем же это мы так провинились перед царевичем Неврюем, и почему он на нас привел такое огромное войско?

– В чем провинились, вы знаете сами, – вкрадчиво ответил посол и продолжил: – А теперь пришло время за свои деяния рассчитываться. Завтра к утру, если ворота не будут открыты и ты, князь, со своими боярами не выйдешь встречать царевича и не сложишь к ногам его коня свое оружие, то начнется штурм города, а там пощады не будет никому.

На эти слова посла Андрей даже сменился с лица, что не предвещало ничего хорошего для татар. И эта встреча окончилась бы для них очень плохо, но Михаил, который находился тут же, рядом, удержал его и зашептал на ухо:

– Я тебя очень прошу, великий князь, стерпи все, если же ты им сейчас покажешь свою злобу и они поймут, что мы не собираемся сдавать им город, то они сегодня же обложат со всех сторон Владимир, а может, даже прямо сегодня начнут штурм. Успокойся, сдержи себя.

Князь Андрей, немного успокоившись, с дрожью в голосе ответил:

– Я думаю, завтра утром мы мирно обо всем договоримся с вашим царевичем. Так ему и передайте, – а сам подумал: – Нам бы день простоять да ночь продержаться.

12

Невский проснулся, когда еще рассвет только-только забрезжил. Спал он эту ночь тревожно, неоднократно открывал глаза, в голову лезли всякие думы. И первое, что у него промелькнуло в сознании, это мысль, что завтра ему в обед встречаться с ханом Сартаком. Что ему принесет встреча с наследником Батыя? Он не знал, как он к нему отнесется. Другое дело Батый, с ним отношения как бы урегулированы, и князь уже мог предсказать, как все обернется, а тут совершенно другой человек, с которым он никогда не общался. Он успокаивал себя, что все будет хорошо, и наконец утомленный тревожными мыслями Александр под утро заснул крепким сном. А снился ему довольно странный сон. Будто они с ханом Сарта-

ком, как давние друзья, сидят в обнимку за столиком, пьют вино, а наследник глядит на него влюбленно и все порывается поцеловать его. Александр сопротивляется, а хан все ближе и ближе к нему и вот уже, преодолевая все сопротивления Невского, готовится поцеловать его прямо в губы. Князь глянул на хана и застыл от ужаса, перед ним было перекошенное в злобе лицо с острыми белыми клыками. Сартак протянулся прямо к его горлу, пытаясь в него вцепиться, приговаривая:

– Ты не бойся, князь, я только буду сосать твою кровь, а ты не сопротивляйся.

– Нет! Нет! – закричал Александр, пытаясь оттолкнуть татарина от себя, но тот мощно, как гора, на него надвигался, пытаясь укунить его за глотку.

– Я уничтожу твоего брата и его княжество за неповиновение! – шептал Сартак, прижимаясь к князю все плотнее и плотнее.

Князь руками и ногами уперся, с силой пытаясь оттолкнуть наследника, но тот не отступал, наваливаясь на князя все больше и больше, пытаясь обнять, шепча ему на ухо:

– Если будешь слушаться, я поставлю тебя главным ханом над всей Русью.

– Нет! Нет! – закричал Невский, стараясь освободиться от цепких объятий наследника Бату, и тут же проснулся в холодном поту.

Его трясло, как в лихорадке, он не мог долго успокоиться, в голове заходили всякие мысли, и опять как прежде встал все один и тот же вопрос, одно и то же сомнение: «А правильно ли он все делает? Может, нужно решать с татарами все по-иному? Ведь в битвах он не новичок и никогда не знал поражений: ни со шведами, ни с немцами, ни с литовцами. Почему бы и сейчас не взять меч в руки, собрать и наконец уговорить всех князей да поднять их на татар. Да дать этим поганым такую отповедь, чтобы они знали и помнили во веки веков и никогда не совали носа на святую Русь. Он чувствовал, что есть у него силы, и можно добиться успеха, если бы Русь не была так ограблена и сломлена татарами, а князья не были так разрознены. Если бы все они жили единой мыслью сбросить татар. Эта родственная ненависть князей друг к другу ставила под сомнение все, что он бы стал делать. Прежде всего, предательство друг друга. Он прекрасно знал, как князья ездят к хану Бату, докладывают ему все, правду и неправду, чтобы опорочить ближнего и по его костям залезть на княжеский трон, захватить земли. Надо, прежде всего, объединить всех, заставить их бояться и уважать себя, а для этого нужна власть. А власть могут дать только татары. Для этого он здесь. Он должен попуститьсь многим, переступить через себя, сделаться мудрым, как змея, и простым, как голубь, притвориться преданным и верным слугой Бату. Он должен перехитрить всех. Пусть в глазах некоторых князей и даже собственных братьев он выглядит как предатель. Но если он затеет вражду с татарами, то очень угодит католикам, которые уже давно объявили на Русь крестовый поход, чтобы отобрать земли и навязать свою религию. Недаром папские монахи, как змеи, давно уж крутятся вокруг ханского трона, пытаясь соблазнить Бату, разделить Русь между собой. Но хан, по всей видимости, далеко не глупый политик, он понимает, что на поводу у запада идти нельзя. Для него тут тоже выбор. Или он один будет собирать дань с Руси, или делиться с немцами и шведами, кроме того, а вдруг русские объединятся с западом, и тогда ему придется воевать со всеми. А тут выглядит все просто, разделяй и властвуй. Паписты заискивают и дарят подарки, а русские, мало того, еще и платят дань. Как ему поступить в такой сложной обстановке? Конечно, надо проявить мудрость, выдержку и жить по принципу, притворяясь верным слугой, влиять на своего хозяина. Русскому народу нужен мир, для того чтобы оправиться от татарского разорения, окрепнуть, почувствовать в себе уверенность, а не воевать со всеми. Кроме того, такой сильный союзник как Бату ему будет помогать сдерживать нападение врагов с запада и укреплять его власть на Руси. Татарам нужен сильный князь, который мог бы держать всех в повиновении. Невский видел, как ведут себя завоеватели, как они обращаются с пленными, русскими, и от этого у него сжимались кулаки. Иногда он готов был выхватить меч и крушить всю эту нечисть. Но к чему приведет этот необдуманный поступок? Ведь это сделать проще всего, только погибнут тысячи людей и Русь навсегда исчезнет как государство, как исчезли уже многие страны, по которым промчались татары как ураган, уничтожая все огнем и мечом. Поэтому-то ему необходимо добиться расположения Сартака, и он это сделает, дабы сохранить Русь и свою власть. Отец его был великим князем, и он им будет».

Александр встал с постели, накинул на себя легкий плащ-корзно и вышел из юрты, присел на деревянную лавочку, прислушался. Кругом стояла тишина. Рассвет еще только-только наступал, на востоке начало светлеть, а яркие звезды стали бледнеть и постепенно исчезать. Небо розовело, разгораясь все ярче и ярче. Пробежал легкий ветерок, принося из степи совсем незнакомые запахи, и это князя раздражало, он уже стосковался по своей суровой неяркой природе новгородской земли. Зато там в это время ветер приносил ароматы леса, необыкновенные запахи трав и цветов. Они его всегда будоражили, и в

это время хотелось петь, душа радовалась и вдохновлялась видами новгородской земли. А здесь унылая степь, вытопанная людьми и несметными стадами лошадей и домашних животных.

Вдалеке послышался глухой топот копыт, это, наверно, дозорный татарский отряд помчался в степь, чтобы держать под наблюдением все подступы к городу Сараю.

Александр, увлекшись наблюдениями за природой, даже не заметил, как к нему неслышно подошел митрополит Кирилл, сел рядом, спросил:

– Что, Александр Ярославич, не спится?

– Где уж тут уснешь, когда сегодня идти на встречу с Сартаком. Всякие мысли в голову лезут. Все время думаю, зачем же все-таки меня так спешно вызвал к себе хан?

– А ты, князь, успокойся. Помолись Богу и знай, видно, ему было так угодно.

– Интересно, что задумал наследник Бату? – бросил князь, не глядя на митрополита.

– Тебе же уже сказали зачем.

– Сказать-то сказали, только что-то мне не очень верится. А Андрея куда? – озадаченно молвил Невский. – И потом, думается мне, что татары все-таки разнюхали про то, что часть русских князей решила создать союз, чтобы бороться с татаро-монголами.

– Ладно, князь, гадать не будем, а давай-ка лучше обговорим, как мы будем сегодня представляться Сартаку. Ты, Александр, посмотри, как вокруг ханов вьются западные монахи. И это неспроста. Их папа далеко смотрит вперед, и его, видимо, основная задача склонить татар к католической вере, а затем и влиять на власть ханов. Они уже и в Каракоруме, и здесь в Сарае построили свои костелы, а мы еще этого не сделали. Как бы, Александр Ярославич, не опередили нас инквизиторы и не добились большого влияния на татар.

Пока князь и митрополит разговаривали, солнце уже взошло, его лучи заиграли на башенках золотого дворца Бату. Город как бы сразу ожил, наполнился голосами и звуками. Залаяли собаки, заревели животные, послышались голоса пастухов, выгоняющих в степь домашний скот. Над юртами поднялись столбы дыма, в воздухе почувствовался горьковатый запах от горевших кизяков. Воины небольшими отрядами спешили в степь, чтобы вести дозор и немного обобрать подъезжающих к Сараю многочисленных посланцев, купцов и гостей из различных краев и государств. Этот промысел, когда не было военных действий, был для татарских воинов очень важен, здесь они для себя могли добыть и пищу, и даже драгоценности, отобрав от подъезжающих к городу путников.

Александр встал с лавочки, размял ноги, потянулся и произнес, обращаясь к Кириллу:

– Ну вот и наступил новый день. Он сегодня обещает быть ясным и солнечным, так что я думаю, что для нашего посольства он закончится хорошо.

– Мне-то готовиться с тобой идти к хану? – поинтересовался Кирилл.

– Вчера Алан ходил и узнавал о том, как будет проходить наша встреча с Сартаком. Ему ответили, что наследник желает встретиться только со мной.

Кирилл тоже поднялся с лавочки, перекрестил князя, напутствуя:

– Благословляю тебя на подвиг! И помни, князь, за тобой вся Русь! И от тебя зависит ее судьба!

Сартак и Александр встретились в юрте во время обеда. Хан на эту встречу не стал никого приглашать. Он решил провести беседу один на один, чтобы никто не мешал и не сбивал его от задуманного. Так как знал, что родственники из зависти, что не кого-нибудь, а его Бату оставил управлять улусом, станут сбивать его и нарочно предлагать всякие ненужные варианты во взаимоотношении с новгородским князем или, еще хуже, просто мешать вести переговоры. А в его намерения, как и в намерения русского князя, не входило ссориться между собой, а, наоборот, Сартак искал помощника в управлении Русью и в основном в сборе дани.

Когда князь вошел в юрту, то увидел улыбающееся лицо хана, который сидел на помосте за низким столиком, где красовались разные яства и различные напитки и дорогие вина.

Князь низко поклонился наследнику и произнес:

– Приветствую тебя, великий хан, и желаю тебе здравствовать и править улусом многие годы.

Сартак закивал головой и жестом пригласил гостя за стол.

– Великий хан, прежде чем сесть за стол, разреши мне преподнести тебе подарки, которые мы с великим сбережением везли тебе, – попросил гость.

– Сартак радостно кивнул головой, на его лице промелькнуло любопытство.

В юрту дружинники внесли увесистый сундучок, кованный серебром и украшенный золотой инкрустацией, и поставили у ног хана. Александр открыл сундук, представляя глазам хозяина богатства, которые

сверкали и приковывали своим золотым и разноцветным блеском камней, дорогих украшений.

Наследник от удовольствия зацокал языком и с восхищением произнес:

– Ай да Александр! Ай да Александр! Угодил!

Князь поклонился на слова хана, ответил:

– Для своего друга готовил подарки.

Наследник заулыбался, пригласил гостя к столу и сразу же налил из кувшина собственноручно большую пиалу кумыса, отпил несколько глотков и подал Невскому со словами:

– Давай, великий воин Искандер, выпьем эту круговую чашу нашего восхитительного напитка в знак нашей великой дружбы и братства.

Невский, пересилив себя, взял чашу, решительно сделал несколько глотков. Хотя его от этого обряда поташнивало, даже иногда напиток подступал под самое горло, но князь всеми силами сдерживал себя и с улыбкой пил содержимое чаши, пока не кончилось.

Сразу же слуга внес на большом золотом блюде баранье мясо. Оно пахло аппетитно, и князь почувствовал, что захотел есть. От выпитого кумыса кружило голову и тепло побежало по всему телу.

Сартак сам из кувшина налил кубки с вином и, обращаясь к собеседнику, молвил:

– Искандер, я в знак нашей любви и дружбы вручаю тебе ярлык на правление Владимирским княжеством, отныне ты великий князь всей Руси, и надеюсь, что ты будешь верно служить нашему хану Бату.

От этих слов Александр сменился в лице и сразу же спросил:

– А как же быть с моим братом? Это же поднимется междоусобная война!

– Об этом ты не беспокойся. Брат твой сам откажется от престола князя. Тем более, в связи со сменой великого хана в Каракоруме, все назначенные Угедеем или его сторонниками военачальники, чиновники и ханы будут сняты со своих мест правления, а некоторые даже казнены или сосланы в отдаленные улусы. Так что твоего брата пришлось бы и так убирать с великих князей.

– Что же теперь будет с моим братом Андреем? – с тревогой задал вопрос Александр.

– Сейчас уже на Владимир отправлены тумены воинов под командованием царевича Неврюя. И я думаю, что после его похода ни у кого не будет желания воевать с тобой. А все покорно станут под твою руку. И впредь, Искандер, запомни: твои враги – это и наши враги. Я знаю, как ты озабочен тем, чтобы католики не стали захватывать твои земли. С этих пор никто не посмеет этого сделать, а если кто и отважится, то узнает, что такое татарский меч и волосяной аркан наших воинов.

Александр слушал и не слушал хана, у него в голове крутилась одна тревожная мысль: «Что там сейчас происходит во Владимире?». Зная горячность брата, он боялся, как бы тот не натворил новых бед, так как татары если уж пошли в наступление, то на Владимирское княжество пришла настоящая беда. Если Андрей со своей семьей вырвется из этой передраги, то можно будет сказать, что он родился в рубашке.

Как бы угадав мысли князя, Сартак, улыбаясь, успокоил:

– Ты, князь, особо не горюй. Я думаю, с твоим братом будет все в порядке. Я особо распорядился и просил Неврюя, чтобы Андрея и его семью оставили в живых. А теперь давай выпьем вина за наш успех и твое будущее правление на Руси.

Оба медленно выпили терпкое вино, стали есть мясо. Какое-то время они молчали. Наконец Невский, обращаясь к хану, спросил:

– Я, великий хан, хотел бы узнать вот о чем, можно ли нам в Сарае построить православный храм, чтобы русские люди, которых у вас в городе очень много, могли свободно молиться богу, просить у него прощение и благословение. Чтобы они могли просить бога о процветании хана и молиться за его здоровье.

Сартак внимательно посмотрел на князя, желая убедиться, не лукавит ли он, но, не увидев в его лице ничего подобного, ответил:

– Что ж, Искандер, на это я вам дам ярлык. Стройте свой храм и молитесь во славу нашего хана и улуса. И я тоже хочу приобщиться к вашей церкви, мне нравятся ваши церковные обряды и вера в вашего бога. Я много читал об Иисусе. Сообщи своему митрополиту Кириллу, что я желаю с ним побеседовать о вашей вере, о вашем боге и строительстве вашего храма в Сарае.

Уже вечером в гриднице княжеского дворца срочно собрались князь Андрей, бояре, придворные и сотник Михаил. Решался очень важный вопрос. Что делать? Или защищать город, или уходить в Пере-

славль и там при поддержке князя Ярослава и других князей дать бой татарам.

Прежде всего, чтобы решить этот вопрос, все решили подняться на стену и примерно определить численность подступивших к городу врагов.

Когда все поднялись на стену, то увидели кругом, насколько хватало глаз, с восточной стороны Владимира, горели костры. Их были тысячи. У князя по спине побежали мурашки, а к сердцу подкатил холодок страха. Рядом стоящий Михаил спросил:

– Так что будем делать, Андрей Ярославич?

Князь молчал, по лицу пробежала тень тревоги.

Михаил внимательно глянул на Андрея, подумал: «Спекся наш освободитель и защитник земли русской. Наверно, никогда не бывал в таких переделках и ему не приходилось видеть перед собой такое количество врагов».

– И откуда черт принес этих поганцев? – пробурчал в ответ князь.

– С востока, Андрей Ярославич. Твой брат тебя недаром предупреждал, что с татарами шутки плохи. И письмо он тебе недаром послал, только ты не внемлил всему этому. А надо было прислушаться, что рассудительные люди говорят. А теперь как мы из всего этого выпутаемся? Одному Богу известно!

При упоминании о брате и его правоте Андрея даже передернуло. Но в ответ ему было просто нечего сказать, так как Александр как никогда был прав. В душе он корил себя: «Зря я заершился против татар. Правильно говорил Александр, что не пришло еще время нам с погаными воевать. Несметные силы у ханов. Что я смогу противопоставить им, кроме небольшой дружины и городского ополчения, а их вон сколько. А теперь, наверно, придется бежать из родного города, теряя все, свой княжеский престол и власть». Князь еще раз оглядел огромное пространство, занятое врагом, сообщил:

– Надо срочно собирать городской совет бояр, придворных и всех близких людей и решать, что мы будем делать дальше. Или защищать город, или сдаваться на милость победителя, или этой ночью покинуть город. Если решим уходить, то надо сообщить горожанам, чтобы уходили в леса, иначе татары угонят всех в плен, – обратился к сотнику Андрей.

– Хорошо, князь, я сейчас же разошлю дружинников, чтобы они сообщили всем нужным людям о совете, который состоится в гриднице княжеского дворца.

Уже через час все собрались, ожидая князя Андрея. Вскоре он вышел и сел на высокое княжеское кресло. Одет он уже был в кольчугу и пластинчатые латы, на поясе пристегнут короткий меч.

Князь как-то весь ссутулился, лицом был бледен, задумчиво глядел в пол. Чувствовалось, такой оборот событий отрицательно повлиял на него. Куда-то делась его спесь защитника и освободителя русского народа. Андрей был подавлен. Одно дело было, когда он с особым блеском в глазах горячо всех призывал бороться с татарами, и другое дело, когда несметные полчища неожиданно подошли под самые стены города.

Пристально оглядев собравшихся, стал Андрей Ярославич говорить:

– Наступил час нашего испытания! Сейчас мы должны немедленно решить, что нам делать: или будем защищать город, или пойдем к Переяславлю, где соберем воинов и дадим отпор врагу. Здесь нам помощи ждать неоткуда, слишком неожиданно подошли татары.

После сказанного в гриднице на некоторое время наступила полная тишина, потом всех как будто прорвало. Заговорили враз. Кто призывал защищать Владимир до последнего жителя, кто требовал немедленно покинуть город. Завязались ожесточенные споры.

Андрей некоторое время наблюдал за присутствующими, затем встал и крикнул:

– Хватит спорить! Давайте решать, что мы будем делать. Или умрем все за Владимир, а это произойдет, так как татар несметное полчище. Наверно, вы все побывали на стенах и видели сколько их. Или все-таки сохраним людей и уйдем из города и в Переяславле соберемся все вместе с другими князьями и дадим бой татарам. Я уже сегодня, как стемнело, разослал гонцов за помощью.

С места соскочил боярин Никита Алексеевич, худощавый и очень подвижный человек, и крикнул:

– Не пойду я никуда и не оставляю свой город и дом на разграбление и сожжение! Не успели татары подойти, а вы уже все струсили и собрались бежать. Надо готовиться к битве!

В ответ на запальчивую речь боярина, не вставая с места, спокойно высказался всеми уважаемый тысяцкий Илья Юрьевич:

– Конечно, защищать свой город – это наше святое дело, но какой будет в этом смысл, если мы все тут поляжем, и тогда татары не только сожгут и разрушат все, но и уничтожат или угонят в плен всех жителей. Дружине и ополчению пока есть возможность уйти из города, чтобы сохранить свои силы, а

женщинам, старикам и детям спастись в наших лесах.

После этих слов страсти улеглись и даже самые горячие головы попритихли, понимая, что это самое лучшее, что можно сделать в сложившейся обстановке.

Стоящий рядом с князем Михаил Романович тоже обратился к присутствующим:

– Послушайте меня, горожане! Тысяцкий ведь дело говорит. Завтра татары будут ждать, пока мы не откроем ворота. Если мы это не сделаем, они стенобитными орудиями все равно разобьют стены и войдут в город и уже никого не пощадят, а от них нам не отбиться.

Лучше пока отступить, собрать силы и уж тогда биться с ними. Давайте решать, не теряя времени, как мы будем уходить из города. Это надо сделать уже сегодня под покровом ночи, пока поганцы не окружили город. Днем нам от них не уйти. Уйдем все в западные ворота. Я со своей дружиной прослежу, чтобы все, кто может, ушли из города. Закрою крепко-накрепко все ворота и выйду со своими людьми по подземному ходу. Пока татары утром будут ждать, когда им откроют ворота и разберутся что да как, мы уже будем далеко.

После того, когда совет пришел к единому мнению уходить из города, уже через некоторое время князь с дружиной и все, кто мог носить оружие, стали готовиться к походу. К удаче покидающих Владимир ночь выдалась темная и глухая. Татары, видимо, уверенные в том, что русские никуда не денутся и на следующий день сдадутся на милость победителя, не стали пока окружать город и безмятежно спали у своих костров. Только не спали дозорные, охранявшие их огромный лагерь.

Михаил со своей дружиной помогали жителям уходить в леса, в первую очередь, женщинам, детям и старикам.

Проезжая мимо сотника, Андрей остановился, чтобы еще раз согласовать совместные действия при отходе. В лице его уже не было прежней растерянности, он стал собранней, глаза светились решительным огнем. Князь слез с коня, подошел к Михаилу и заговорил:

– Как только все выйдут из города, закройте все ворота, а сами уходите по подземному ходу. Пусть татары штурмуют пустой город.

– Это мы сделаем, князь, как договорились. Будем прикрывать вас сзади, и как только появится татарская погоня, мы будем их уводить в другую сторону, чтобы они не сразу догадались, что мы ушли на Переяславль. Конечно, это не спасет наше положение, но мы выиграем немного времени, пока ханы определятся, где мы сосредоточились. У татар тактика такая, они делятся на небольшие отряды, рыскают вокруг и ведут разведку, где будут вестись боевые действия. И самое опасное для нас – их стремительность в нападении. Для этого у каждого воина три-четыре лошади, и, постоянно меняя их, они могут скакать долго без отдыха. Скорее всего, то войско, которое мы видели перед стенами города, это часть их армии, обычно они делятся на несколько крупных отрядов и могут стремительно соединиться, чтобы действовать вместе. Поэтому подходить к Переяславлю нужно с осторожением, вполне возможно, что татары уже там.

Князь заметно заволновался, потом произнес:

– А я ведь свою жену и семьи бояр и ближних людей отправил вперед.

– Пока ночь, это не беда, а вот под утро нужно пустить вперед отряды воинов, чтобы узнавали, что впереди, и сообщали.

– Ну что ж, Михаил, будем прощаться. Как все сложится? Увидимся ли скоро?

– Увидимся, увидимся, Андрей. Я как тут управлюсь и сразу же вас догоню.

Князь вскочил на своего жеребца и, не оглядываясь, помчался в ночь.

Уже ближе к утру все, кто мог, покинули Владимир. Михаил со своими воинами вышел из города по подземному ходу, не теряя времени, пустился вдогонку уходящих горожан к Переяславлю.

* * *

Рано утром следующего дня царевич Неврюй проснулся с головной болью и сразу же потребовал, чтобы ему принесли кумыс. Он медленно с удовольствием выпил две чашки напитка, и недомогание прошло. Привыкший к кочевой жизни, он не чувствовал никакого неудобства в походе. Ему даже нравилось набираться новых впечатлений, видеть незнакомые страны и вести боевые действия против народов, сопротивляющихся его воле. Только вот когда он шел уже по русской земле, то не увидел поселений. Повсюду встречались разрушенные города и деревни, в них даже бродячие собаки почти вывелись, и его воинам поживиться было нечем. Только при подходе к Владимиру стали попадаться поселения, но там зачастую он находил немощных стариков и злых собак, а остальные люди, захватив свой нехитрый скарб, уходили

в леса и угоняли скот. От досады татары сжигали деревни и шли дальше. Хотя, отправляя его в поход, Сартак наказывал без надобности не разорять русские земли, так как потом не с кого будет собирать дань. Казалось бы, удачный поход на Русь, но он не дал никакой прибыли ни ханам, ни их воинам. И вот наконец перед ним стоит богатый русский город Владимир. От предвкушения, что здесь можно наgrabить добра, у всех, начиная от хана и до простого воина, чесались руки, все хотели побыстрее войти в город, чтобы отвести душу и пограбить население. Но Неврюй приказал не торопиться, он хотел насладиться ощущением победителя без единого погибшего воина. Поэтому-то он дал русским время на размышление до утра. И вот сегодня все задуманное должно свершиться.

В юрту вошли воеводы Алабуга и Котья. Они низко поклонились царевичу. Тот пригласил их выпить по чашке кумыса. Воеводы уселись и, причмокивая, стали пить любимый напиток. Неврюй внимательно посмотрел на своих гостей, затем спросил:

– Открыли ли русские ворота, чтобы сдать город?

– Пока не открыли. Да и куда им деться, рано или поздно откроют, – с усмешкой заявил воевода Котья.

– Не знаю, не знаю, могут и не открыть. Мне отец рассказывал о том, как он ходил походом на руссов. Они очень стойкие воины и могут до последнего жителя защищать свой город. Он до сих пор рассказывает, как русские воины изрядно потрепали его армию, да так, что у хана Батые уже не было сил захватить западные страны. Русские воины так мужественно и стойко защищали свои города, и поэтому хан побоялся оставлять у себя в тылу такой беспокойный народ. И особо не обольщайтесь, что победа над Владимиром вам достанется легко, – предупредил присутствующих царевич.

– Я внимательно наблюдал утром за городом, и мне показалось, что там никого нет и кругом тишина. Посчитал, что русские стены не стерегут, потому что решили сдаваться, да и какой им смысл это делать, раз не хотят с нами воевать, – сообщил хан Алабуга.

Царевич задумался, затем произнес:

– Неужели русские хитрят? Наверно, что-то задумали? Хотя в их положении едва ли это возможно. И все-таки надо немедленно взять город в кольцо и подтянуть огнемётные и стенобитные орудия. Давайте, ханы, идите и исполняйте мой приказ.

– Слушаем и повинемся, – враз ответили военачальники и вышли из шатра.

Неврюй позвал воина и распорядился:

– Седлайте мне самого лучшего коня.

Уже через некоторое время царевич вышел из шатра в полном военном снаряжении. Он легко вскочил на подготовленного коня и сразу же крупной рысью в сопровождении воевод помчался к воротам города Владимира.

Подъехав к городским стенам почти вплотную, Неврюй внимательно осмотрел все вокруг. На стенах не было видно защитников, стояла подозрительная тишина. Он приказал послать к стенам небольшой отряд воинов и велел им крепко постучать в ворота.

Нукеры мигом исполнили приказ царевича. Стали стучать по воротам, затем кричать. Призывая русских по-хорошему впустить татарских воинов. Но город молчал. Тогда Неврюй приказал подтянуть стенобитное орудие к воротам и взломать.

Вскоре огромное бревно, подвешенное на цепи, татарские воины стали раскачивать и бить по воротам, но они долго не поддавались. Наконец под натиском крепких ударов затрещали, а потом рухнули на землю. Монголо-татары на низкорослых резвых лошадаках ринулись в город и стали растекаться по всем улицам, жажда поживиться добром горожан.

Неврюй в сопровождении воевод и приближенных военачальников подъехал к княжескому дворцу, но и там никого не было. Удивленный и рассерженный таким приемом русских, царевич воскликнул:

– Ай да князь Андрей, обманул меня, вовремя ушел и увел с собой всех жителей. – Затем, нахмурившись жестко, приказал воеводам отдать воинам город на разграбление, а оставшихся жителей, которые попадутся, всех взять в плен, а больных и старых уничтожить, а за русским князем сейчас же отправить тумен воинов. Догнать его и взять в плен.

Татары появились неожиданно, как раз там, где их никто не ждал. Самое удивительное, что их небольшой отряд возник не сзади, а спереди идущих к Твери быстрым маршем русских ополченцев и дружинников.

Андрей к этому времени уже успел соединиться с переяславской дружиной князя Ярослава Ярославича, и решили идти в более укрепленный город Тверь, где надеялись дожидаться помощи от других князей. Русские ратники уже порядочно отошли от Переяславля, а появление татарского отряда сразу же смесало их планы. Михаил, взглянув на передовой отряд татар, обратился к князьям Андрею и Ярославу:

– Через некоторое время надо ожидать татарское войско. Все-таки мы не смогли от них уйти, уж больно прытка их конница. Теперь надо готовиться к бою. Они либо в лоб ударят, либо пойдут на нас с нескольких сторон. Плохо, если они нас возьмут в хоровод.

– А что это такое? – спросил Ярослав.

– А это делается татарами очень просто. Монгольские лучники выстроятся вокруг нас и начнут осыпать градом стрел, а когда они изранят наших коней и расстроят наши ряды, обратятся в бегство. Вот тут-то и кроется их коварство. Если будем их преследовать, то обязательно попадем в ловушку.

– А если не будем их преследовать, тогда что? – спросил князь Андрей.

– Тогда вперед пойдет авангард, а затем ударят с правого и левого крыла.

– Очень жаль, что мы не успели уйти в Тверь, там бы могли отсидеться до прихода подмоги от других князей, – сказал великий князь.

– Если придут... Только мне не особо верится, что кто-то к нам придет на подмогу, – бросил Михаил.

– Что же будем делать? Как будем защищаться? – спросил переяславский воевода Жидослав.

Все молчали, не зная, какое принять решение.

– Главное сейчас отбить первый натиск татар и уходить к Туле, – посоветовал сотник Михаил.

Жидослав оценивающе оглядел местность и обратился к присутствующим:

– Я думаю, необходимо наши силы расположить так, чтобы татары не взяли нас в кольцо. Тебе, князь Ярослав, быть справа, а тебе, Андрей, слева. Я приму на себя со своей дружиной удар авангарда, а тебе, Михаил, очищать дорогу к отступлению на Тверь.

За обсуждением действий во время битвы князь выпустили на какое-то время из виду происходящее вокруг.

Лишь только Михаил зорко смотрел по сторонам и первым заметил скопление татарских воинов с трех сторон и тут же сообщил окружающим:

– Ну, князья, началось. Давайте спешить на свои места, как договорились, пока татары еще примеряются и оценивают обстановку. – Затем, показав на реку, предложил: – Будем идти вдоль реки, она защитит нас справа и даст возможность защищаться только слева, и у поганых не будет возможности взять нас в кольцо. Потому, князь Ярослав Ярославич, всеми силами старайся, чтобы татары нас не оттеснили от реки.

Вскоре татары пошли в бой. Они стали применять именно ту тактику, о которой всем рассказал Михаил, но так как русские уже примерно знали, как татары будут вести бой, укрепили правое крыло, чтобы не дать неприятелю взять свое войско в окружение.

Замысел хоровода у татар сорвался, и они вынуждены были взять русских в полукольцо. Но так как это была не степь, где себя кочевники чувствовали как дома, а пересеченная местность с оврагами, кустами и растущими по берегу реки мощными деревьями, их тактика не состоялась.

Русские воины закрылись щитами, встали за деревья, а некоторые залегли под крутой берег. Тучи стрел, пущенные татарами, не нанесли значительного урона дружинникам, хотя поранили лошадей и некоторых воинов.

Татарские лучники отступили, пытаясь выманить русских на открытую местность, но предупрежденные Михаилом дружинники не двигались с места, а, сомкнув плотно щиты и оцетинившись копьями, ждали наступления монголов. И вот из-за холма с гиканьем и визгом на обороняющихся ринулась легкая татарская конница.

Князь Андрей со своей дружиной и владимирским ополчением первый принял на себя удар. Заметно волнуясь, он выхватил меч и, обращаясь к воинам, крикнул:

– Постоим за матушку Русь и нашу веру! – и первым ринулся в бой. И вот все смешалось кругом. Началась жестокая сеча. Воины с той и другой стороны падали, сраженные стрелами, мечом или копьем. Рядом с князем лихо рубился Михаил. Он решил в трудную минуту побережь Андрея, а татары, заметив князя, большим числом стали наседать на него и вскоре ловко набросили аркан. Еще немного, и великий князь оказался бы в плену врагов, но подоспевший Михаил, вытащив острый нож, быстро его перерезал и, захватив князя сильной рукой, кинул его поперек седла, помчался к берегу реки, на ходу уничтожая подвернувшихся татарских воинов. Прорвавшись к реке, Михаил опустил на ноги Андрея. Князю тут

же подвели нового коня, он вскочил в седло и огляделся. Его дружина почти вся полегла под натиском татар. Лишь только Ярослав и воевода Жидослав яростно отбивались от несметного количества наступающих врагов.

Князь Андрей, взглянув на Михаила, спросил:

– Что делать будем?

– Надо прорываться и уходить к Твери, но прежде поможем Ярославу с воеводой, – ответил Михаил и, выхватив меч, помчался к сражающимся дружинникам, увлекая за собой оставшихся владимирцев и князя.

И вот уже русские с новыми силами навалились на татар. Сотник сражался бок о бок с переяславским воеводой. Изловчившись, он мечом срубил татарина, который уже занес пику над Ярославом, и крикнул, обращаясь к князю и воеводе:

– Отходите к реке, а там в лес надо уходить, иначе поганые нас всех здесь уничтожат.

В это время татарская стрела впиалась в шею Жидослава. Тот пошатнулся, захрипел и упал, истекая кровью.

Русские стали медленно отходить вдоль реки в сторону Тулы, яростно отстреливаясь из луков от наседавших врагов, постепенно углубляясь в густой лес. Татары в густые заросли леса не пошли. Они их панически боялись, так как в нем не могли ориентироваться. Лес для них таил в себе всякие неожиданности. Это либо топи, или болота, где можно было закружиться и никогда не выйти. Кроме того, он их пугал своей таинственностью, и они считали, что там водятся злые духи.

Выйдя на обширную лесную поляну, отступающие остановились, чтобы передохнуть, перевязать раны и подождать отставших. Князя и Михаил присели на сваленное дерево и стали обсуждать, как им быть дальше:

– Теперь нам выходить из лесу нельзя, татары наверняка небольшими отрядами рыскают по всем дорогам, а у нас большие потери и немало раненых. Мы вряд ли теперь справимся с новым нападением татар, – первым заговорил Михаил.

– Я больше всего боюсь того, что татары могут нагнать наших жен и детей, которые хоть и давно ушли вперед нас, но кто его знает. Ведь эти поганцы, как вы уже видели, очень прытки, – в тревоге сказал Андрей.

– Я отправил их с опытным вожаком. Он хорошо знает эти места. И наказал ему держаться ближе к лесу и если что, велел уходить от татар вглубь, подальше от больших дорог, – успокоил всех Михаил и добавил: – Думаю, они уже ушли далеко и недосыгаемы татарам.

В это время к сидящим крупной рысью подъехал воин. Вид его был изможденный, и по всему видно, что он проехал большой путь, не жалея коня и себя. Он буквально сполз с седла, упал перед князьями на колени и со слезами на глазах тихо сказал:

– Мужайтесь, князья, я вам привез очень плохую весть, – и замолчал, низко опустив голову.

Все окружили дружинника, стали в тревоге спрашивать.

– Что случилось-то? Говори, не тяни! – с раздражением спросил Ярослав Ярославич.

Гонец молчал, пряча глаза, даже боясь взглянуть в лицо Ярославу.

Ярослав сердцем почувствовал, что произошло что-то непоправимое, и стал настойчиво требовать от посыльного подробностей произошедшего:

– Да говори же наконец, что случилось с нашими семьями?

Воин встал на ноги, но тут же устало присел на поваленное дерево, заговорил:

– Вначале все шло хорошо. Мы быстро двигались по лесным дорогам в направлении Твери, но дороги были узки и часто попадались сваленные деревья. Приходилось их распиливать, чтобы ехать дальше. В конце концов наш сотник Алексей Иванович собрал всех посоветоваться, как нам ускорить свое движение. И мы всем миром решили выйти на широкую дорогу и более не прятаться в лесах, так как посчитали, что опасность быть захваченными татарами миновала. Так мы проехали довольно большое расстояние. И уже стали радоваться, что скоро будем в Твери. Татарский отряд неожиданно, как ветер, набросился на нас. От такой внезапности нападения многие воины, сопровождающие обоз с княжескими и боярскими семьями, на первых порах растерялись. Поганые мгновенно окружили нас и стали расстреливать из луков и сечь наших воинов. Часть татар билась с дружинниками, а часть стала грабить обоз, хватать наших женщин в плен. Сотник Алексей приказал обозу уходить в лес, а сам повел дружину на татар, чтобы дать возможность обозу уйти.

Я тоже ринулся в битву вместе со всеми, завязалась жестокая схватка. Неожиданно какой-то татар-

ский воин нанес мне по голове удар, и я потерял сознание. Не знаю, как уж закончилась битва, только я очнулся в кустах, которые скрыли меня от взора поганцев, и поэтому я и остался жив. Голова кружилась, в глазах мелькали разноцветные круги. Слышались татарская речь и крики женщин. Я тихонько раздвинул листву и увидел... лучше бы моим глазам этого никогда не видеть. Татары волосяными веревками связывали руки женщинам и привязывали их к общей веревке, чтобы вести их в рабство. Жена Ярослава Ярославича с детьми сидела на земле и горько плакала. Несколько татар подошли к ней, стали срывать с нее одежды, повалили на землю, пытаюсь изнасиловать. Княжна кричала, кусалась, царапала им лица. Так ничего от нее не добившись, они потеряли терпение, тем более их военачальник скомандовал двигаться дальше, монголы попытались связать княжну, но она никак не давалась, тогда один из воинов в злобе выхватил меч и пронзил ей грудь. Женщина охнула и упала замертво. Татары в спешке схватили детей, закинули их как котят в свой возок и двинулись дальше.

Вскоре кругом никого не стало, поганцы ушли, я с трудом выбрался из кустов, подошел к княжне посмотреть, может, еще жива, но она не подавала никаких признаков жизни. Я взял ее тело на руки, унес в лесок и там закопал сердешную. После этого я поймал коня, которые после битвы прибились в лес, и помчался по лесной дороге в сторону Твери. Вскоре догнал уже сильно поредевший обоз с горсткой воинов. Я обо всем рассказал, что видел, как погибла княжна, а ее дети были взяты в плен. Алексей Иванович сразу же повелел мне скакать к вам и обо всем доложить, в надежде, что вы, может, перехватите у татар наших пленных.

Ярослав, выслушав рассказ гонца, стоял бледный, слезы текли по его щекам. Затем он, как бы очнувшись, побежал к своему коню.

Князь Андрей, увидя это, приказал:

– Не давайте Ярославу сесть в седло. Иначе он сейчас поведет за собой оставшихся своих дружинников и погубит себя и своих людей. Мало того, татары догадаются, что мы где-то рядом, накличете и на нас беду.

Несколько воинов побежали вслед за князем, схватили его за руки. Ярослав вырывался, кричал:

– Я должен отомстить поганым! Пусть я погибну, но с ними рассчитаюсь за все! Я вам приказываю, отпустите меня!

Но воины крепко держали князя. Наконец Ярослав, немного успокоившись, упал грудью на землю, сотрясаясь от рыданий, рвал сильными руками траву с корнями.

Окружающие его воины стояли молча, опустив головы, многие из них тоже лишились своих близких и дома. Каждый из них в душе клялся отомстить за все содеянное врагам, в то же время понимая, что сейчас они ничего не могут сделать против коварного врага.

Андрей с болью в сердце оглядел горстку воинов, которая у него осталась после нескольких схваток с татаро-монголами, подумал, казня себя в душе: «И зачем только я все это затеял! Предупреждал же меня брат, я его зря не послушал, а теперь хлебаю свое и чужое горе!».

* * *

Очень удачно сложилась поездка князя Александра в Орду. Можно сказать, он одержал еще одну победу, которая, может, была значительней, чем многие его победы над врагами. Хотя Невский особых иллюзий на татар не питал, он понимал, что они завоеватели, и если русские князья не смогли создать войско, способное защитить свою землю, то теперь им придется кормить чужую армию вместе с ханским двором и разными татаро-монгольскими прихлебателями.

Но самое главное, он получил из рук хана ярлык на правление Владимирским княжеством, а это значит, он стал великим князем земли русской, хотя прекрасно понимал, что противники его так просто не сдадут свои позиции. А как поведет себя его брат Андрей, Невский мог только догадываться. Придется ему объяснять, что в связи со сменой ханской власти в Каракоруме ему все равно пришлось бы уйти. Чем ближе он подъезжал к Владимиру, тем больше в душе его нарастало смутное чувство тревоги. Тем более сегодня ночью Александру привиделся сон, который ему не давал покоя. Как он не отгонял от себя это ночное видение, оно все равно снова и снова возвращалось в его сознание. А снилось ему, что он идет по темному ночному лесу. Подошел к крутому обрыву, огляделся. Вокруг была непроглядная темень. Все его тело стала давить тяжесть. Он даже не мог сдвинуться с места. Им все больше и больше овладевал панический страх, князь попытался уйти от этого бездонного обрыва, но какая-то сила его удерживала, и тут прозвучал голос:

– Смотри!

Александр повернулся и на краю обрыва увидел лежащих людей. Они находились в разных позах, как лежат воины после ожесточенной битвы. Князь подошел еще ближе, взгляделся и увидел распластанное на земле тело брата. Невский наклонился над ним, и в это время глаза Андрея открылись, губы зашевелились, и он прошептал:

– Все для меня кончилось, – закрыл глаза и умер.

– Нет! Нет! – закричал Александр, и крупные слезы покатались по его щекам. Они были горячие, жгли щеки и губы.

Князь проснулся и после этого так и не мог уснуть до самого утра. Уже совсем недалеко было до города Владимира. Все стали радоваться, предвкушая конец изнурительного пути. Александр был занят своими не очень-то веселыми мыслями, думая о том, как же его встретят город и его брат, смутное чувство тревоги все больше и больше овладевало им, он подумал: «Все ли в порядке во Владимире? Не случилось ли что с его братом Андреем?».

– Александр Ярославич! Александр Ярославич! Погляди, что происходит! – крикнул подъехавший к князю дружинник Илья.

Князь поднял голову, и его взору представилась ужасная картина. Татарский отряд гнал по дороге мужчин и женщин, привязанных к веревке, которая была закреплена к седлу татарина. Люди были измучены, оборваны и еле передвигались. Один из пленных, видимо, раненый, упал. К нему подъехал татарин и кнутом стал избивать, чтобы тот поднялся, но этого пленный уже сделать не мог. Тогда татарин выхватил кривой меч и прикончил упавшего.

От увиденного Александр сжал рукоять меча, с трудом сдерживая себя, чтобы не броситься в бой с татарским отрядом. Невский подъехал к пленным и спросил:

– Откуда вас гонят, сердешные?!

Один из пленных поднял голову, узнав его, с укором сказал:

– Эх, Александр Ярославич, где же ты был? Ведь на наше княжество напало несметное полчище татар. Город пожгли, людей взяли в плен. Некому было нас защитить.

– А где же князь Андрей?

– Сбежал он темной ночью из города.

На беззащитный Владимир напали татары, разграбили его, пожгли.

Александр слез с коня и долго смотрел на удаляющийся татарский отряд, который угонял русских людей в рабство на чужбину. И от всего виденного комок подкатил к горлу князя. По щекам его текли слезы от жалости к угнанным людям и от бессилия, потому что ничего он не мог сделать, чтобы сейчас помочь им. Он только в злобе воскликнул:

– Вот она, честь татарская!

Княжеский отряд уже к обеду следующего дня подъехал к стенам города Владимира. Александр, вглядываясь в них, отметил про себя: «Слава богу, что город совсем не разрушили, я уж думал, что татары его превратили в руины, как Киев».

У Золотых ворот князя встречала огромная толпа горожан, которые с уходом татар вернулись из леса и взялись за восстановление города. Митрополит и игумены с крестами в руках встречали князя. Он стоял первый, держа в руках икону Божьей Матери.

Князь слез с коня, подошел к митрополиту, встал на колени и трижды поцеловал икону.

Из толпы кричали:

– Наконец-то вернулся наш избавитель и освободитель!

– Защити нас, князь, от татар!

– Мы хотим, чтобы ты был у нас великим князем!

Продолжение следует.

Александр ТРАПЕЗНИКОВ

Родился 31 декабря 1953 года в Хабаровске в семье военнослужащего. По профессии – учитель русского языка и литературы. Первые публикации состоялись в 1978 году. Работал в издательствах «Просвещение», «Граница», в журнале «Наш современник», преподавал в колледже. Сейчас – обозреватель «Литературной России». К настоящему времени вышло около 50-ти книг прозы. Автор романов «Царские врата», «Великий магистр», «Тень Луны», «Механический рай», «Похождения проклятых», «Загородный дом» и многих других. В последние годы выступает также как литературный критик и публицист. Лауреат премий «России верные сыны», «Золотое перо Московии» и некоторых других. Проживает в Москве.

Человек под лавкой

Повесть

1

Мы с женой присели отдохнуть на лавочку в парке, а под ней оказался человек. Сначала и не заметили. Не то чтобы он совсем уж с землей сливался, но одежда действительно была сильнопятнистая. Жена Евгения здраво рассудила, что место, стало быть, уже занято, надо уходить и искать другое. Я, тоже логически мысля, возразил: одно дело – сидеть на лавочке, и совсем иное – лежать под ней. Это в пространственно-имущественном отношении совсем разные вещи. Мы, как водится, заспорили. Вот всегда так: ссоримся из-за всяких пустяков. Тут человек под лавкой закашлял.

– Извините, что мы вас разбудили, но вопрос уж больно серьезный, – сказал я и нагнулся, чтобы посмотреть на него (это был юноша лет двадцати, с бородкой): – А вот вы как считаете, если, конечно, слышали наш спор?

– Да я не спал. Я думал.

– А о чем, простите за нескромность? – спросила жена.

– О том, где бы поесть и попить чая. Я вообще очень часто и долго думаю на эту тему. С тех пор как перебрался из Твери в Москву. И еще о мироздании тоже много думаю. Но это, когда не голоден, не на пустой желудок.

– И пришли уже к какому-то определенному выводу? – поинтересовался я. – Да вы выбирайтесь, присаживайтесь, а то разговаривать неудобно. И земля в мае еще прохладная, простудитесь.

– Благодарствуйте. Увы, ничего конкретного ответить не могу. Сплошные загадки. Что по первым думам, что по вторым.

Так мы и познакомились. А потом он очутился в нашей однокомнатной квартире на Уральской улице. Мы предложили ему пожить некоторое время у нас на кухне, все-таки поближе к холодильнику, поскольку Юрик был постоянно голоден. Там же и наша собака спала, Лера. Они быстро поладили. Видно, почувствовали родство душ.

Леру ведь мы тоже на улице подобрали, еще щенком. Юрий, конечно же, совсем иное дело, уже взрослый пес, если так уместно выразиться для сравнения, но что-то щенячье бестолковое проявлялось и в нём. Например: зачем из своей насиженной деревни близ Твери вдруг поплёрся в Москву?

История его вкратце такова. Мать пила-пила, да и пропала, отчим, вслед за ней, в алкогольном угаре замерз в сугробе, дедка с бабкой воспитывали-воспитывали, да тоже, в конце концов, спились. Но Юрик по стопам родичей не пошел, школу окончил хорошо, читал много, спортом занимался и даже в церковь ходил каждый день. Пел там на клиросе и выполнял обязанности иподиакона. И вообще мечтал стать монахом. Потом отслужил в погранвойсках и загорелся другой идеей. Заколотив дом в деревне, он, как молодой Растиньяк или Жюльен Сорель, двинулся на покорение столицы. Не имея за душой ни копыя. Авось, вывезет. Вывезло пока что на нас.

– Ты, конечно, понимаешь, – честно сказал я ему на второй вечер, – что долго мы тебя терпеть не станем. Но чем сможем – поможем.

Мы с женой – пара среднего возраста и без особого достатка, она врач, я литератор, детей, кроме собаки, нет. Но Юрик нам как-то пришелся по душе. Хотя это вовсе не означало, что из-за него мы станем

ломать устоявшийся образ жизни. Однако русскому человеку всегда хочется кого-то облагодетельствовать, чтобы потом предъявить это в качестве доказательств на Страшном Суде. Так и мы, наверное. Да и любопытно было просто приглядеться к одному из представителей нового поколения России. А то ведь и не знаем вовсе.

– У меня есть тайна, – объявил нам на те же вторые сутки Юрий. – Даже две.

– Тогда уж лучше ты их при себе держи, – отозвался я. – Это как капитал. Если скажешь – какая же это будет тайна? Девальвированная. А немецкая пословица вообще гласит: что знают двое, знает и свинья. А нас и вовсе трое, не считая собаки. Уж Лерочка-то в каждом дворе всем подружкам разбершет.

– Ладно, молчу пока.

– Нет уж, говори, коли начал, – попросила жена. Она страсть как любопытна. И мы вновь заспорили. Я победил. Тайны свои Юрик решил до поры до времени сохранить. Но вот с этого-то настоящая история и начинается...

2

О тайнах чуть позже, а пока о том, как осуществилась мечта Юрия. Тут надо добавить, что первые трое суток наш незванно-званный гость только отсыпался и ел, хотя и разговаривал тоже, рассказывал о себе прямо и откровенно. А чего скрывать? Всё на лбу написано. Infant terrible нашего времени.

Жена нарадоваться не могла (она врач-психотерапевт, к тому же диссертацию пишет о пороговых изменениях сознания в позднем подростковом возрасте). Да и мне для нового романа типаж подходящий. Словом, свою выгоду мы тут тоже имели. Все при своих, короче. А в конце третьих суток Юрик заявил:

– Еще, кроме тайны, у меня мечта есть. О ней можно?

– Нужно, – сказала жена. А я, как обычно, возразил:

– Вообще-то тоже не желательно, мечты – дело сокровенное, хотя и пустое, – но тут уж и меня любопытство разобрало: – Ну, хорошо, валяй... А дай-ка попробую угадать: небось хочешь стать богатым, как Дерипаска, купаться в лучах славы, вроде Урганта, и жениться на Собчачке, поскольку место рядом с Пугачихой пока еще не освободилось?

– Нет, Александр, ты меня слишком низко ценишь, – серьезно ответил Юрий. А его серо-голубые глаза заволокло легкой дымкой: – Я хочу погрузиться в политику и организовать новое молодежное движение. Которое со временем превратится в мощную силу. Главную в России.

Признаться, даже такие тёртые калачи, как мы с женой, после этих слов несколько опешили. Чего угодно можно было ожидать, но не подобного. Видно, не зря мы выбрали ту лавочку в парке. Это судьба. Она своим извилистым путем свела нас с молодым русским Махатмой Ганди.

– Политика – вещь тёмная, вредная и путаная, – осторожно начал я, стараясь не разочаровывать его в заветных мечтах. – Нужно быть готовым к любым ударам и пакостям. Честным и добрым людям там попросту делать нечего. Но это разговор длинный. А концепция у тебя есть?

– Есть.

– А на кого думаешь опираться? Молодежь ведь электорально разная.

– А я к каждому найду особый ключик. Да и объединяет их всех одно.

– Что же, кроме возраста? – спросила жена, делая пометки в блокнот.

– Безверие. Никто ни во что не верит. Все нынешние идеалы и кумиры – ложные. Все цели – смешны и ничтожны. Вся действительность – мерзка и срамна. Всё будущее – под большим вопросом.

Игорек стал расхаживать по кухне, чётко отмахивая рукой, очевидно, уже примерял на себя тогу оратора в римском сенате:

– А я дам им надежду и веру. Я поведу их за собой и выведу из мрака погибели к свету истины. Я верну им утерянный смысл жизни. И они сами возродятся и воскресат уже почти умершую Россию. Потому что кроме них сделать это больше некому. А у меня есть силы, я чувствую это, чтобы возглавить их. Я, собственно, именно для этого и рожден, и ради этого, ради грядущей борьбы прошел все круги тверского ада.

Мы с женой, честно говоря, заслушались, глядя на него. Даже Лера притихла, не спускала глаз с его рта. Он, несомненно, обладал неким даром. Словесным ли, вдохновенным, духоподъемным, мистическим, – не знаю. Тут жене разбираться, как психиатру. Но то, что он умел говорить, как петь – это уж «яшень пень». А я вот о чем подумал: из него бы и церковный проповедник складный получился. Не случайно он в школьные годы в монахи хотел податься.

Тут Юрик, будто угадав мои мысли, полез в свою суму перемётную и вытащил оттуда бережно свёр-

нутую черную бархатную рясу.

– Вот, во всём отказывал, на последние деньги купил, сшили по заказу, – похвастался он. – Я ведь еще таю надежду принять сан или постриг. И чего хочу – того добиваюсь.

– А как же ты будешь совмещать священничество с политикус? – спросил я.

– А так. Как монах Илиодор, то есть Серёга Труфанов, скажем.

– Он плохо кончил, – напомнила жена.

– Но дорогой шел правильной. Это уж потом его занесло, куда не надо, – отозвался Юрий, примеривая перед нами рясу, чтобы покрасоваться. И впрямь ему к лицу было. Светлые волосы, курчавая бородка, серые глаза с поволокой. Вид у него стал совсем иной, неотмирный, загадочный, просто Алёша Карамазов какой-то или черт-те что ещё.

– А зачем же бархатная, а не обычная? – спросила жена. – Для начала-то сгодилась бы и из простого хлопка или даже дерюжки.

Но этот вопрос Юрий пропустил мимо ушей. Как и мое замечание, что в комплект к рясе надо было бы заказать еще и пудовые колосники в качестве вериг. Зато он с удовольствием продолжил:

– Видите ли, друзья мои, давшие мне столь благодатный приют. Именно сейчас, когда Россия подошла к краю пропасти, Православие не может и не должно стоять в стороне. Поэтому оно, конечно же, совместимо с политикой. Особенно в тяжелейшие и, может быть, даже последние времена. Апостатические, если хотите. На нем лежит исключительная миссия. Но наши первоиерархи этого не понимают. Или понимают, но молчат. Или не молчат, но говорят то, что угодно власти. Высшие церковники сидят за одним столом с кремлевскими служителями Мамоны и едят с ними из одного блюда. А простому люду суют корыто, да и то полупустое. А нужен человек, который порушит этот тлетворный богомерзкий союз, этот симбиоз лжи и зла. Кто воьет новое вино в мехи старые. Кто возьмет на себя смелость открыть вежды слепым и заблудшим. И пусть он даже погибнет на пути своем, но этот человек не отступится.

Мы выслушали спич-арию тамбовского гостя с удовольствием, как зрители в Большом театре. Ну, в Малом, по крайней мере. «Из него непременно выйдет толк. По пустякам не разменивается, сразу берет высшую планку», – подумал я. А жена в довесок к моим мыслям добавила:

– Еще одна немецкая поговорка: кто берет слишком высокую ноту, может не закончить песню.

– А вы, дорогие мои москвичи, часом, не немчура колбасная, не немецкие шляпники будете? – нашелся в ответ Юрий. – Пошто всё ихними пословицами изъясняетесь? Не годится. Чай, на Руси живём.

– Срезал, – усмехнулся я. – Ну – а кто таков этот человек-мессия – объяснять не надо.

– Да, – скромно потупился он. И тяжело вздохнул. Словно уже нес на своих плечах непосильную ношу.

– Значит, ты будешь искать главную опору в воцерковленной молодёжи? – спросила жена.

– Не только. Простой рабочий люд с городских окраин. Замордованное крестьянство. Казачество. Разорившиеся мелкие предприниматели. Все заброшенные государством молодые парни и девушки. Вечно юные сердцами ветераны, презрительно прозванные «совками». И никакого офисного планктона и гламурных бездельников. Никаких мажоров. Хотя со временем и они потянутся, те, кто поймут. Я никого не оттолкну, не отрину. Все получают приют в моем виртуальном храме, как вот вы дали мне кров в своем доме. И каждый найдет там краюху хлеба для своей обездоленной души.

– Теперь понятно, почему тебе самому нужна опора на христианство, а не на что иное, – подметила жена. – Но это не ново. Использовать религию или язычество в своих целях. Вожди всех партий так делали. И большевики, и нацисты. И демократы даже. Только у тех культ частной собственности и рынка.

– Религия, христианство – оно ведь разное, – ответил Юрий, вскинув на нас свой чуть затуманенный взор: – Есть ведь и древнерусское язычество, которое тоже не плохо. Но Православие – это святое, это наше всё. Без него не сдвинешься. Как телега не поедет без возницы и лошади, так и тут. Возница – вера, лошадь – я. А телега – моё политическое движение, которое вывезет Россию с обочины на прямую колею. Вот.

Он явно утомился, даже капельки пота на лбу выступили от напряжения чувств. Время было позднее, чай весь выпит, пора и почивать. Но я всё-таки решил задать последний вопрос:

– А сподвижники у тебя уже есть?

– Нет. Вернее есть – двое, – и он выразительно посмотрел на нас. И добавил: – И я очень прошу вас помочь мне в самом начале. Вам позже это стократ зачтется. Я ведь тут в столице совсем одинок. Мне не деньги нужны, а связи. Введите меня в круг своих друзей и знакомых. Расскажите им обо мне. Ты, Александр, в среде пишущей братии возвращаешься, а к вашему слову, Евгения Федоровна, также многие

прислушиваются. Вот и подтолкните меня как ком с горы.

Мы с женой переглянулись, подумали и, не сговариваясь, ответили согласием. И лишь позже, уже засыпая, я вдруг вспомнил его последнюю фразу: «ком с горы». Так ведь не на вершину, как он мечтает, а вниз. Оговорка по Фрейду. Этак он опять под лавкой окажется... Но уговор есть, контракт заключен, а стало быть, и делать больше нечего. Отступить поздно, рассусоливать тоже. Так мы очутились в одной связке, или «в телеге», выражаясь языком Юрия.

3

Дальнейшие события развивались так. И они действительно напоминали «ком с горы», что говорило о незаурядном таланте Юрия Шмакова обольщать и покорять людей. По крайней мере, ту их часть, которой свойственно «покоряться» и «обольщаться». А таковых, как учит нас вся мировая человеческая история – большинство. Было бы желание, безвременье да подходящий климат. То есть три составляющие успеха в любом деле и начинании: собственный характер (ум, воля), исторические предпосылки (стечение обстоятельств) и среда обитания (в данном случае – столица России, а точнее – кухонька в нашей квартире).

Но ведь почти все великие и большие дела зарождались в относительно маленьком замкнутом пространстве. На корсиканском острове, в сибирской избе, в крохотном венском кафе, в камере заключения, в отшельническом скиту, на московских кухнях. Это потом они уже выплёскивались в пространство, в города и веси, на площади, в эфир, в сердца и души людей. Оформлялись в книги и учения, в философские и религиозные направления, в политические течения и в стройные, до поры до времени, логические схемы. Местопребывания харизматической личности играет огромную роль. Это аксиома.

Что бы сотворил Юрий в своей деревушке близ Твери? Да ничего! Скорее всего, точно так же как его родичи и земляки, не выдержав от безысходности, начал бы пить горькую, подворовывать то, что еще не успели украсть, молотить соседей кулаками да костить сроки. Иной судьбы власть предержащие в кремлевских палатах селянам не определили. Да то же самое хоть и в Твери, во всех иных районных и областных городах, по всем регионам и провинциям.

Так что приезд Шмакова в столицу стал для него в какой-то степени судьбоносным. Правильно сделал. Этот его решительный шаг навстречу манящей цели мы с женой одобрили. И ничего, что он начал свой путь с восхождения «из-под лавки». В жизни великих людей случались еще и не такие причуды. Вот, скажем, библейский Иосиф был в рабство египтянам продан, а потом израильский народ за собой повёл. А Ницше свои трактаты писал, вообще не вылезая из сумасшедшего дома. Но, может быть, эти примеры неуместны, и мы сразу слишком уж высоко оценили дарования и способности Юрия? Да нет.

Воли, характера и ума ему было не занимать, а уж какие исторические предпосылки сложились в России в первой четверти двадцать первого века, в «царствование Путина», вы и сами прекрасно знаете. Так что все три составляющие «успеха» были на лицо. И Шмаков, надо отдать ему должное, предельно грамотно ими воспользовался, на все сто. Стечение обстоятельств играло на его стороне. До Иосифа Прекрасного или Ницше, да и до других титаном духа и мысли ему было, конечно же, далеко, как от зимы до Луны, но брошенное в унавоженную землю зерно стало быстро прорасти.

Надо отметить, что Юра был среднего роста, худощав, рябоват, слегка заикался и чуть прихрамывал. Но эти малые физические недостатки ничуть не убавляли его внешнего обаяния. А когда он начинал говорить, взнуздывал своего Пегаса, то и вовсе речь его текла ровно и плавно, а потом стремительно неслась галопом или аллюром, в зависимости от обстоятельств. Глаза загорались потаённым огнем, лицо пылало. Да и сам он весь напоминал сурового всадника, грозного юного рыцаря, одержимого крестоносца. Позже мы выяснили, почему с ним происходит вдруг такая метаморфоза. Он сам признался.

Еще в младенчестве мать уронила его вниз головой в открытый погреб, но он выжил. Потом, в школьные годы, отчим (а отца, судя по всему, вообще не было; по крайней мере, определить точно – кто именно им являлся из шеренги местных и заезжих петухов – никогда и никому не удавалось) сорвал свою пьяную злость поленом по его затылку. Но Юрика откачала и поставила на ноги местная бабка-знахарка. Вдобавок ко всему, в армии юный пограничник, отказавшись утюжить форму дембеля, получил от того утюгом по лбу. К тому же, после сотрясения мозга и лазарета, на очередных учениях ему случайно прострелили ногу. Вот Шмакова и комиссовали через полгода службы, отправив негодного солдата в «дурку».

Очевидно, всё это и сказалось на его психике, изменив на метафизическом уровне сознание и образ мыслей в определенную сторону. Так объяснила нам Евгения Федоровна, потомственный врач-психиатр в третьем поколении. Она, правда, не добавила, в какую именно – лучшую или худшую? Но этого,

естественно, ни она и никто другой до поры до времени знать не могут. Будущее покажет. Психиатрия, как макро- и микрокосмос, полна загадок и тайн. А впрочем, где их только нет в мироздании? Без них и Земли бы со всем человечеством не было, а лишь конкретные и широкодоступные дороги в рай и ад.

4

Итак, уже на пятый день мы стали вводить Юрия Шмакова в наш ближний и дальний круг. Пока только знакомили, без излишних комментариев, а дальнейшее было «делом техники» самого московского неофита. Но «легенду» для него мы тщательно разработали все вместе, втроем. Это совершенно необходимая вещь для разведчика, работающего «под прикрытием» (в данном случае под нашим). Об этом чуть ниже.

Я представил Юрия некоторым популярным журналистам, как левого, радикального, так и правого толка, видным литераторам, главным редакторам патриотических газет, модным телеперсонам (в моем багаже всякие водились). Свёл с Верховным Атаманом Всероссийского Казачьего Войска Филькиным (самозванцем, конечно, одним из многих «Главных Атаманов», но других под рукой не было), с руководителями фондов ветеранов афганских и чеченских войн. Еще с лидерами протестных движений, а также с парочкой-тройкой оппозиционных депутатов Госдумы, которые числились в моих старых приятелях еще со студенческих лет.

Жена также не теряла времени даром. У неё были обширные связи не только в церковной среде, но и в мире бизнеса, тесно замешанного на медицине и фармакологии. Среди новых знакомых Шмакова оказались настоятели некоторых московских и подмосковных храмов, протоиереи, православные публицисты и пропагандисты с радиостанций, даже один викарный епископ из Отдела Внешних Церковных Связей Патриархии. Более того, у Юрия появился выход на Зарубежную Церковь. И, конечно же, на деловых людей из числа бизнесменов и бизнес-women.

Таким образом, за проделанную в течение месяца работу, нами был частично и в меру сил охвачен практически весь креативный срез столичного общества: политический, информационный, религиозный, экономический. Работали грамотно. Мне с женой и самим было любопытно узнать: что из всего этого выйдет?

Для нас это стало вроде азартной игры, которую вдруг предложила судьба жарким и скучным летом в середине второго десятилетия двадцать первого века. Главное, что правила, как нам тогда казалось, устанавливали мы сами. Нам было, честно признаться, забавно и даже весело, поскольку ничего подобного в жизни не наблюдалось. Но Юрий ко всему этому делу относился очень серьезно.

И плоды не замедлили сказаться. По «легенде» мать оставила его в роддоме, и он рос в интернате (к чему афишировать дурную наследственность?). Однако представлять его «белым и пушистым» также было нежелательно. Поэтому еще в детстве Юра, якобы, связался с плохой кампанией, хулиганил и воровал, за что частенько попадал в милицию. Тюремного срока избежал лишь по счастливой случайности. Да и учёба давалась ему с большим трудом.

Но как-то раз во сне ему явился Николай Угодник. И наутро он проснулся уже вразумленным и преобразенным. Душа и сердце Юрия воспылали верой и любовью, а ум возжаждал науки и знаний. Порвав с дрянными приятелями и девчонками, он окончил школу-интернат с золотой медалью (все нужные документы я ему выправил, это теперь несложно сделать даже за совершенно скромную сумму) и честно отслужил в десантных войсках, принимая участие в горячих точках на Кавказе.

Был ранен в ногу и голову, имеет боевые награды (тоже сделали через барыг на рынке). Экстерном закончил филиал Университета Государства и Права (нашли в Интернете некое заведение, торгующее липовыми дипломами, даже «красный» ему приобрели). Тут пришлось несколько подраззориться. Но игра стоила свеч. Решили уж сыграть по-крупному, ва-банк. А для большей солидности мы прибавили Юрию года три. Заодно, конечно же, и придели его во всё новое и молодёжное. У жены нашлась подруга – стилист и дизайнер одежды.

Если мы с супругой были таким совместным семейным скульптором Пигмалионом, то Юра прямо на наших глазах превратился в цветущего молодого человека, Галатата, полного жизненных сил и творческих планов, с изломанной поначалу судьбой и нелегким прошлым, но взявший волю в кулак, преодолевший все невзгоды и «сделавший», по сути, «сам себя».

Чем не пример для подражания парням с российских окраин? К созданию этого полу идеального образа мы и стремились. Что еще надо, чтобы покорить столицу? Каких еще «золотых рыбок»? Достаточно и тех, что мы ему наловили.

5

К исходу июня, помелькав на различных встречах, собраниях и презентациях, Шмаков обкатался и отшлифовался, стал чувствовать себя еще увереннее. Вставал рано и ложился поздно, иногда вообще не спал двое суток подряд. Его жизненной энергии хватало на всё. А некоего внутреннего магнетизма – на всех. Словно в его венах текла кровь, смешанная с ртутью, а жилы состояли из скрученной стальной проволоки. Работоспособность показывал потрясающую. Напоминал самообучающуюся машину. Шагающий комп нового поколения.

Он уже не ходил за собакой (за нами) хвостом, а активно вмешивался во все дела, принимая порой какие-либо решения самостоятельно. Так, например, он убедил Верховного Атамана Филькина дать «добро» на создание Христианского Казацко-Стрелецкого Войска, призванной заниматься благотворительной деятельностью. А руководителем его был назначен новоиспеченный есаул Шмаков.

Это стало любимым детищем Юрия. Набрав с десятков помощников и соратников, он стал ездить по военным госпиталям, одаривать раненых солдат и омовцев патриотической литературой, иконками и нательными крестиками, зубными щетками и апельсинами. К финансированию этой деятельности кроме «клуба казаков» Филькина подключились и фонды афгано-чеченских ветеранов.

Шмакову было даже выделено скромное помещение на окраине Москвы с факсом и арендованным рядом складом под продукты питания и книги. Но жил он по-прежнему у нас. Мы координировали его деятельность, здесь был главный штаб, мозговой центр всей операции. Хотя «хвост» уже начинал вертеть «собакой».

Лето – мертвый сезон для политической, да и для любой другой деятельности. Затишье. Время отпусков. Вот почему появившиеся (организованные мною) небольшие статьи и заметки о Шмакове в некоторых газетах остались практически незамеченными. Как и его выступление по «Народному радио». Но зато он пока набирал очки и баллы на других фронтах. Иногда не согласовывая этого с нами.

Он вошел со своим Войском в Центральный Монархический Союз России. Стал у одного из моих знакомых депутатов Государственной Думы помощником по Тверской области. На созданном нами для него сайте в Интернете постоянно публиковал свои тексты и призывы. Работал неустанно, изо дня в день. Вот что мне в нем особенно нравилось – трудолюбие, приверженность делу, неотступность цели. И еще – трезвый образ жизни, никаких вредных привычек и излишеств.

Юрий писал статьи, ездил по храмам и монастырям, по подмосковным клубам и библиотекам, выступал на всяких форумах и собраниях, встречался с продвинутой молодежью, с фанатами футбольных клубов, с большими в госпиталях, с ветеранами спецслужб, с предпринимателями, с проправительственными и оппозиционными активистами. Лично учредил несколько общественных наград (медальки, грамоты) от своего детища – ХКСВ и торжественно вручал их нужным людям.

И к концу августа его фигура начала приобретать определенный реальный вес и духовную плотность. Становилась узнаваемой, складывалась в любопытный домик из кубиков-лего, которые были разбросаны до сей поры, как попало. Однако моя жена первой почувствовала что-то неладное во всей этой нашей затее. Поняла, что мы двигаемся куда-то не туда. Слишком уж заигрались. А женскую интуицию не проведешь. Это как барометр во время надвигающейся среди ясного дня грозы.

Соблазны приходят отовсюду. Человек слаб. Но тех мест, которые подают тебе случай к падениям, избегай как бича: ибо, когда мы не видим запрещенного плода, то не так сильно его и желаем. Это не я сказал, а Иоанн Лествичник. Теперь же эти «запрещенные плоды» развешены в России на каждом втором дереве, продаются во всякой продуктовой лавке, навязчиво рекламируются по «ящику» и всучиваются даром. Чтобы и сами русские люди генномодифицировались. Окончательно превратились бы в мычащее стадо или вообще в растения и самоуничтожились.

Что ж поделаешь: такова воля и цели наёмных правителей. За верную службу мировому финансовому олигархату и они получают свой кусок с маслом в лакейской прихожей. Дальше неё не пустят. Судьба их также незавидна. Они будут прокляты во веки, как иуды и каиниты, а с собой в ад даже ржавого гвоздя не захватят. Потому как сказано другим святым: не собирайте сокровища на земле, где моль и ржа подтачивают и где воры подкапывают и крадут.

Обо всём этом мы рассуждали с женой наедине, пока Юрий выступал на каком-то очередном митинге. Он уже начал сколачивать своё молодёжное движение, получив добро от спецслужб и заручившись поддержкой кое-кого в Госдуме, Администрации Кремля и в СМИ. Христианское Казацко-Стрелецкое Войско, составившее ядро новоиспеченного политического образования, обростала апологетами, спод-

вижниками и клеветами. Имела даже свой юридический адрес, печать, гербовые бланки и финансовый счет в банке.

Спонсорская помощь и пожертвования шли постоянно и с разных сторон. Даже из заграницы. От За-рубужной Церкви и эмигрантских монархических организаций. Ведь Шмаков вполне разумно и логично анонсировал в газетах и в эфире своё детище как патриотическое, русское, православное, верное идеалам святой Руси и последнего царя-мученика. Но без черносотенного национализма. Это притягивало.

Отечественные предприниматели-патерналисты, настроенные пророссийски, также не отставали. Да и бизнесмены-компрадоры большие любители класть свои сырые яйца в разные корзины. Даже один «политический беженец» из Лондона «отметился» на всякий случай. Последние крохи слали пенсионеры и продвинутые студенты со своих нищенских стипендий. Денежный ручеек был пока не слишком велик, но со временем, при грамотной работе, обещал разлиться в полноводное русло.

– Похоже, наш Юрик пришелся ко двору, – заметила жена.

– А еще похоже на то, что его уже начинают разыгрывать «в тёмную», – отозвался я. – И не пора ли ему, при таком удачном раскладе, съезжать с нашей квартиры?

– Я тоже так думаю. Во-первых, неудобно. Натыкаешься на него всюду. Во-вторых, надоело. Сколько можно терпеть постороннего человека? Пятый месяц пошёл. И, в-третьих, еще неизвестно, куда он всех нас заведёт. Чует моё сердце – быть беде.

– Согласен. Сегодня же дам ему от ворот поворот.

– Но как откажешь в гостеприимстве?

– А просто. Скажу: собирай вещички и пошел восвояси. Теперь тебе есть, где жить, хоть на раскладушке в своем ХКСВ, не пропадешь. Или гостиницу снимай, дураки-спонсоры оплатят. А мы свое дело сделали.

– Так нельзя. Надо расстаться по-хорошему.

– Тогда придумаем иначе. Допустим: ты заболела. Инфицирована чем-то очень заразным. Брюшным тифом, например. Который завезли мигранты вместе с клопами. Нужны карантин и уход. Я-то муж, вынужден остаться, а он сам сбежит.

– Не сбежит, зараза к заразе не пристаёт. И почему я, а не ты? Нет, давай по-другому: родня из Харькова приезжает. Тетя, дядя, племянники и их жены. Числом шесть с половиной человек. Так что, извини, Юрик...

– ... и пшёл вон! – добавил я, ставя точку в консенсусе.

Единственная, кто возражал, была, судя по всему, Лера, недовольно убравшаяся под стол. Собаки быстрее привыкают к людям и терпеть не могут терять их. Они ценят человека просто за то, что он человек, видя для себя в любом их них, наверное, образ Божий. Любят его так, как в древнем Эдеме. В отличие от того, кто, может быть, не ведая и даже не желая этого, на самом деле им, образом Божиим, и является, в независимости от собственных пороков.

Бывают праведники как праведники, грешники как грешники, люди как люди и собаки как собаки. Но бывает в этом подлунном мире и по-другому. Есть праведники как грешники, грешники как праведники, люди как собаки и собаки как люди. А всё должно бы оставаться на своих местах. А должно ли? Кто-то лежит на золочёном диване, кто-то на сырой земле под лавкой. И не пора ли им поменяться местами по закону высшей справедливости? Но так ли задумано Творцом? И что будет потом, дальше?

Будет то же самое. Снова человек под лавкой, и снова человек на диване. Господом всё так и создано в поущение нам. Ему искоренять и наказывать. И если человек мстит обидевшему его, то он мстит себе. А, прощая, прощаются ему Богом и его грехи. Но это не значит, что надо ничего не делать. А только лежать и ждать. На диване ли или под лавкой. Нужно, прежде всего, спасти душу свою, а если хватает сил, то и ближних своих. Даже врагов. Но не врагов Господа. Вот тут тебе и меч в руки...

7

В отношении Юрия мы с женой договорились. И стали готовиться к тяжелому расставанию с любимым чадом. Но вопрос вечером решился сам собой, и нам не пришлось лгать. Юрий явился не один, а с дамой, и с порога, вынимая шампанское, заявил:

– Друзья мои дорогущие, спасибо вам огромное за гостеприимство. Бог вас не оставит, а вот я покидаю. И женюсь на этой чудесной женщине. К ней и переезжаю.

– Которая не только действительно чудеса творит, как настоящий стилист и дизайнер, но еще и страшно богата, – заметила жена. – Здравствуй, подруга!

– Привет, Женечка! – ответила та. – Как я рада, что ты меня с ним в свое время познакомила.

– Ничто даром не пропадает, кто-то теряет, кто-то подбирает, – добавил я, смутно вспомнивший эту бизнес-woman из числа супружнинных приятельниц. – Тогда – к столу.

И мы сели праздновать. То ли помолвку, то ли переезд Юрия в новое гнездышко, то ли наше освобождение от загостившегося «человека под лавкой». Жениха не смущало, что невеста старше его лет на десять. Но она и впрямь была хороша собой, моложава, сексапильна, ей и карты в руки: кроме дизайнера одежды занималась ещё и косметологией да держала салон красоты и фитнес-клуб. Шмаков трогательно ухаживал за ней, подливая шампанское и почти не выпуская её руки.

Но и сама подруга (её звали, как и нашу собаку, – Лера) не спускала с Юрика глаз. Он ей действительно нравился. А может, и влюбилась. Чем чёрт не шутит, большой мастак в этом деле. Всё спрашивала нас: где мы раскопали это чудо, которое очаровало пол-Москвы? Наконец, не выдержав, я ответил:

– А в Сокольниках, слева от главного входа, под третьей лавкой.

Это прозвучало несколько жестоко, но жена смягчила, переведя всё в философскую сентенцию:

– Просто надо быть внимательнее, когда по земле ходишь, тогда и найдешь то, что пожелаешь. Или оно само к тебе и придёт, не спросясь.

Впрочем, эта фраза выглядела не менее жёстко и двусмысленно, но молодые (можно ли их так называть?) не обратили внимания на каверзный подтекст. Лера (невеста) трещала без умолка, Юрик цвёл, как майский пион, другая Лера возбужденно лаяла, радуясь старому приятелю, Евгения Фёдоровна гостеприимно накладывала на тарелки и вежливо поддакивала, я же, напустив на себя метафизического тумана, отрешенно молчал.

Всё думал: а не сесть ли мне сразу за роман о Юрии Шмакове, о «человеке под лавкой», которого произвела на свет русская почва сразу же в готовом виде в двадцать первом веке, как собирательный образ «нового человека», «героя нашего времени»? Тема большая, впопыхах не осилишь. Да и стоит ли она того? Да и финал еще неизвестен. Нужно подождать. По крайней мере, пока не уйдут гости. Молодожёны то есть.

Тут они как раз и собрались уходить. Но перед тем Лера проболталась, сказав, что Юрик теперь еще и в ФСБ служит, зарплату там получает.

– А кем? – спросила наивная жена.

– Неужели непонятно? – ответил я. – Кто бы разрешил Движение создать? Я об этом давно догадался.

– Ну да, – пришлось сознаться Юрию. – А что в этом такого? ФСБ – наша опора и сила. Но ты, Лера, зря об этом растрескала, это ж секрет.

– Секрет Полишинеля, – усмехнулся я, а жена добавила:

– Наша Лера такая, ей что скажешь – о том на следующий день в метро и услышишь. А нечего в сладкий час на подушке откровенничать.

– А звание-то какое? Лере по рангу будет? – спросил я, перебивая лай собаки-Леры, которая, наверное, думала, что это всё время к ней обращаются.

– Три звездочки, – скромно потупился Юрий. – Но это только начало.

– Молодец. Далек пойдешь.

– Уже и пойдем, пожалуй, – вместе сказали жених с невестой, собравшись наконец восвояси. Мы и не задерживали, вздохнув с облегчением, словно сбросив с плеч непосильный более груз.

Пока жена в прихожей шушукалась о чем-то с подругой, я вдруг, вспомнив, спросил у Юрия:

– Послушай, ты как-то в самом начале говорил о каких-то тайнах, которые у тебя есть? Сейчас не скажешь? Время пришло. Настал час откровения.

– Ты думаешь? – заколебался он. – Уверен?

– Не унесешь же ты их с собой в могилу?

– А что, похож уже на покойника?

– Да нет, напротив. Но знаешь, как говорил Пушкин: «Цвёл юноша вечер, а нынче умер, и вот его четыре старика несут на сгорбленных плечах в могилу...».

– Ну ты, Александр, ваще... Как не родной, прямо.

– А мы уже породнились?

– Ну, как бы. Типа того.

– Так откроешь тайны?

Юрий, подумав с минуту, ответил:

– Нет, рано еще. Потом.

– Ну, потом так потом. Не очень-то и хотелось.

Но тут я покривил душой. Мне почему-то именно страсть как захотелось узнать тайны Юрия. В них, решил вдруг я, и заключён весь смысл самого явления «человека под лавкой» на Божий свет. Тайны и загадки его существования. Да и для ненаписанного еще романа это необходимо. Не выдумывать же мне их самому? Но, видно, время действительно еще не пришло...

8

Не сразу, но наши отношения со Шмаковым стали охлаждаться. Он уже несколько не нуждался в нашей помощи и поддержке, да и мы как-то тяготились общением с ним. А раз так – то к чему длить «содружество»? Вернее, её агонию. Пора слезать с телеги и идти дальше разными тропами. Встречались и созванивались всё реже и реже. Жена уже давно махнула на Юрия рукой. Но я по-прежнему не выпускал его из виду. Тайно приглядывал. Все-таки мы его создали. Жаль терять.

До меня доходили сведения о его деятельности. Вот он ярко и громогласно выступает на митинге оппозиции на Болотной площади. Вот проводит презентации своего Движения в Доме журналистов и ЦДЛ. Вот замечен на ежегодной встрече молодёжи и студентов с Президентом на Селигере. Вот на Всероссийском казачьем круге среди больших и маленьких атаманов. Вот на Всемирном Русском Соборе. Вот на открытии какого-то очередного монархического памятника. Вот в числе приглашенных воинов-инвалидов на чаепитие с премьер-министром. Вот на некоем интеллигентском сборище правозащитников. Вот на газетной фотографии в свите самого Патриарха. А вот встречается среди прочих в Шереметьево Первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей. Вот в телепрограмме, вот в ток-шоу, вот на радио...

Однажды он позвонил мне и позвал в Храм Христа Спасителя на некое мероприятие.

– Награждаем Орденом «Честь и Слава России» группу промышленников и предпринимателей, – важно сказал он. – Президентов корпораций, директоров крупных компаний. Церемония состоится в Зале Церковных Соборов. Обязательно приходи. Надо поговорить. И Евгению Федоровну захвати. Я вам забронировал два пригласительных билета.

Повесив трубку, я подумал: отчего же не пойти? Чай, не за хлебом в булочную. Это было что-то новенькое в бурной деятельности Юрия Шмакова. Он выходил на какой-то иной, более высокий уровень. Однако «захватить» с собой как кота в сумке Евгению Федоровну не вышло, она лишь посмеялась над этим предложением. А я пошел. Но перед тем заглянул в Интернет, чтобы узнать побольше об Ордене.

Это была международная общественная награда, учрежденная еще в конце 90-х годов прошлого века. Вручали её за выдающиеся заслуги в деле возрождения славных купеческих традиций и развития отечественного предпринимательства. А среди награжденных, кроме крупных бизнесменов вроде руководства «Вимм-Билль-Дана», были и мэр Москвы, и Патриарх Московский и Всея Руси, и председатель Счетной палаты, и губернаторы с депутатами, и даже почему-то английский Принц Майкл Кентский с одним конгрессменом из США. Словом, весьма почтенная публика.

Еще отмечалось, что в Наградной комитет среди прочих организаций и политических движений входит и Христианское Казачко-Стрелецкое Войско Юрия Шмакова. Молодец, парень! Сумел примазаться. Или «примазали»? Грамотно работают. Так или иначе, но время зря потеряно не было. Я не знаю, какие уж такие силы двигали «человека под лавкой» наверх, но точно не мы с женой. Нам эти высоты не по зубам. Мы лишь дали первоначальный толчок. Но «ком с горы» покатился.

Заодно уж я заглянул и на сайт ХКСВ. Там также хватало всяческих орденов и медалей, вручаемых в торжественной обстановке то в Домжуре, то в Центральном Доме литераторов, то в ЦДРИ, то в ЦДХ. Знак Стрелецкой Доблести, Орден Иоанна Грозного, Лента Опричника, Орден Алексея Тишайшего, Орден Сталина, медаль Достоевского, медаль Есенина, медаль казака-воина, Георгиевский крест, благодарственные грамоты и прочее. Целый список наград и лауреатов. Митрополиты, архиепископы, издатели, писатели, генералы, артисты, политики, главы регионов, наследники Дома Романовых и так далее. Все фамилии известные, значимые. «Правильной дорогой идет товарищ!» – подумал я. Его бы в Сколково, цены бы этой лжесиликоновой долине не было.

9

Итак, четвертого ноября, в День Народного Единства (или Единой России?), я отправился в Храм Христа Спасителя. У входа столкнулся с Юрием. И даже сперва не узнал его, хотя не виделись около месяца. Шмаков как-то неприглядно забурел, залоснился, можно сказать, обрюзг. Щеки преобразились в спелые помидоры, наметилось брюшко-арбузик, а короткая стрижка делала его похожим на лысый

баскетбольный мяч на ходулях.

Он явно жил очень сытно, словно в скоростном режиме наверстывая упущенное в Твери время. Я тотчас вспомнил о Лере (невесте, не собаке). Да и одет Юрий был в сверхмодный итальянский костюм стального цвета, белоснежную рубашку, черный кожаный плащ нараспашку. Не хватало лишь байроновский трости для шика. А вот глаза потускнели. Не было в них уже того огня, который нас когда-то прельщал.

– Как Лера? – спросил я.

– А-а... – он пренебрежительно махнул рукой. И добавил: – Расстались. Бросил я её. У меня теперь другая невеста. Еще лучше.

– Чем же?

– Вон, – показал он куда-то пальцем на стоянку машин, – джип подарила. Но дело не в этом. Я еще не определился: надо ли мне вообще связывать себя семейными узами? Поскольку всё больше склоняюсь к мысли, чтобы принять монашеский постриг. Идти по этой многотрудной стезе.

– Как Серёга Илиодор-Труфанов? – напомнил я. – Войско у тебя уже почти есть. Осталось Царицын захватить и на Москву двигаться. Впрочем, ты и так в столице.

– То да, – важно изрёк он. – Моё Движение набирает силу. С ним уже на самом верху считаются. Советуются.

– Я знаю, слышал. Ты попал в самую масть. Теперь Президенту, после довольно скверного развода с женой, нужно как-то обелить себя, выставить православным человеком. Патриотом. Вот он и делает ставку на таких, как ты. Но это ненадолго. Скоро он опять за фалды олигархов ухватится. Другого выбора у него нет.

– Александр, ты бы попрдержал свой язык, больно острый, – предупредил Юрий. – Забыл, что ли, в какой ведомости я расписываюсь?

– Помню. Сам почти тебя туда и подтолкнул.

– Ну ладно, сейчас не об этом, – смягчился он. – А где же Евгения Федоровна?

– Притомилась. Не придет.

– Может, оно и к лучшему. Тогда вот что. Давай сразу и переговорим. А то потом церемония начнется, то да сё. Не успеем. Отойдем в сторонку.

– Давай, – охотно согласился я. Мне уже надоело стоять на самом виду, к тому же к Шмакову то и дело подходили, а то и подбегали солидные кожаные дяди, что-то спрашивали, получали указания (или просто кивок головы) и отбегали обратно. Он тут был вроде распорядителя или координатора движения. Как вырос мальчонка!

Мы встали около заградительной сетки, Юрий закурил длинную тонкую сигарету (еще одно новшество!) и начал:

– Ты, Александр, мой друг, поэтому буду без экивоков. Орден «Честь и Слава России», который мы сегодня вручаем, страшно престижный. Я не сомневаюсь, что ты заглянул в Интернет, прежде чем сюда приехать. Видел, какие люди его получают? Но им он дается даром, поскольку само их имя также работает на престиж Ордена. А вот другие – те, которые помельче да повороватее, им за Орден надо самим заплатить. Ход мысли понятен?

– Не дурак. Ну а я-то тут причем? Мне лично ваш Орден и за деньги не надь, и даром не надь. Туфта это, ежу ясно.

– Не скажи. Многие за эту побрякушку готовы большие деньги отвалить. Особенно на Кавказе. Да и другие. Есть такие бизнесмены, которые надеются – и правильно надеются, что эта почти государственная награда гарантированно удержит их от посадки. На первый раз, конечно, да. А на второй они второй, другой какой-нибудь орден прикупят. Это безотказная схема. Что уж тут поделаешь, коли мы в такой стране живем. Гиблой.

– Раньше, помнится, ты по-иному говорил. Святая Русь... Возрождение... Православие... Казаки-разбойники...

– Я и сейчас так думаю, от своих слов не отказываюсь. Просто одно другому не мешает.

– Гешефт то есть? И сколько ты сам на этом имеешь? И в чём моя роль?

– Конкретно так. Ты или Евгения Федоровна находите богатого клиента в своей среде. Чем больше клиентов, тем лучше. Он выкладывает за Орден пятьдесят тысяч евро. Половина вам, половина мне, на развитие Христианского Казацко-Стрелецкого Войска. Учти, я из своей суммы еще кое с кем должен ополвиниться. Это, по-моему, расклад справедливый. Делаем поточную систему. Как?

– А много у тебя уже таких «потоков»?

– Какая разница? Ты лишних вопросов-то не задавай. Отвечай по существу.

– Я подумаю, – ответил я и, подняв воротник плаща, поскольку начал накрапывать мелкий противный дождь, пошел прочь. Не попрощавшись с Юрием. Знал, что мы еще непременно встретимся. А церемонию эту я в гробу видел. Как и всё «Народное Единство» вместе с «Единой Россией».

10

Дома я с раздражением поведал жене о встрече с Юрием. Постарался не жалеть язвительных красок. Портрет «человека под лавкой» получился в достаточной степени карикатурным (я ведь двадцать лет назад начинал свою литературную деятельность как юморист-сатирик). Но Евгения привычно заспорила со мной. И неожиданно встала не на мою, а на его сторону.

– Ты злишься на него потому, что он ускользнул из-под твоего влияния. И правильно сделал. А как иначе? Он уже достаточно взрослый половозрелый мальчик, должен и хочет своим умом жить, идти своей дорогой. А ты на подсознательном уровне всё ещё считаешь его своим скульптурным творением. Нет. Он живой, со своими провалами, победами, ошибками и находками. И чтобы понять жизнь, надо жить. А не созерцать её, сидя на лавке, как ты. А вот он выбрался из-под неё и зашагал. И тебе просто обидно и завидно, что он другой. Не твоя копия.

– Вот как? Ты рассуждаешь, как психолог. А не как верная жена. И никогда меня не поддерживаешь.

– Вот ты и сейчас обиделся. А я и есть психолог, психиатр даже. Так что мне со стороны виднее. И потом: он растет. И на пути духовного взросления встречается многое и разное. Сам Христос подвергался всяческим искушениям. Мой тебе психотерапевтический совет: оставь его в покое и не вмешивайся. Человек должен сам во всём разобраться, где свет, где мрак, где полутьма. Обжечься огнем и холодом. Это будет полезно и тебе и ему.

– Как я могу оставить его в покое? – разволновался я. – Сама посуди! Я ведь уже роман о нём начал писать. Мне он как типаж интересен. Как герой дня. Куда мы можем теперь друг от друга деться? Мы уже одной веревочкой связаны.

– Тогда садись, не кричи и пиши, – резонно ответила жена. – Но не суйся в его жизнь, не наставляй больше. Да это и бесполезно. К тому же у вас совершенно разные характеры: он холерический сангвиник, ты меланхолический флегматик. Но такой союз крепок, что бы между вами ни происходило, какие бы ссоры ни возникали. А они еще будут, поверь.

Я обдумал её слова, потом упрямо сказал:

– Мне необходимо общение с ним. Это для романа нужно.

– Понимаю. Тогда просто наблюдай за ним. Издали. Но учти. Теперь уже не он, а ты можешь попасть под его влияние. Я давно поняла, что Юрий обладает крепкой силой духа и бессознательно имеет власть над людьми. Он – как горящая спичка, поднесенная к сухому хворосту. Причем то и дело зажигает себя сам. Сейчас он такой, завтра будет другой. И он действительно выразительный образ нового поколения. Infant terrible. Тут ты прав.

– Ага! Наконец-то согласилась хоть в чем-то.

– Я ведь тоже тайно наблюдала за ним всё это время, – призналась Евгения. – И мне он также страшно любопытен. Поскольку сама пишу исследование на эту тему. Может, монография получится. Диссертация даже. «Пограничное сакральное сознание alter ego на метафизическом стыке времени и пространства». Или что-то в этом роде.

– Не знал.

– Ты многого чего не знаешь. Например, насчет службы в ФСБ он врет. Завирает, чтобы придать себе весу, значительности. Загадочности. Он любит приукрашивать или сгущать краски. Это черта молодости. Юрий вообще большой выдумщик. Я применяла тестовые показатели. Исподволь. Но его ложь – безвредна. Она лишь поднимает его в его же собственных глазах, выводит из-под лавки. А на умных людей не действует.

– А на толпу?

– Это другое дело. Но это средство политики, причем во все времена. Тут она попросту необходима. И Юрий интуитивно и инстинктивно чувствует это. Поэтому и сочиняет. Но толпа, как тебе известно, всего лишь многорукое и многоногое одноголовое животное. Это мифическое и в то же время реальное существо, которое стремятся оседлать все вожди и вождишки. И некоторым это вполне удается. Однако и расплата недолго заставляет себя ждать. Затапывают и разрывают. А история и вовсе завершает уничтожение и изничтожение почти всех вождей. Правда, потом, иногда, некоторые из них, как ни странно,

воскрешают и возрождаются. Вот тебе и ответ на теологический вопрос о бессмертии.

– Я всегда знал, что ты умная женщина. Давай вместе роман писать. О Шмакове.

– Нет, лучше мою монографию. О нём же.

И мы снова заспорили, но уже шутя. Поскольку никто в свою сферу деятельности никого пускать не хотел. И не надо, каждому – своё. Потом жена сказала:

– А насчёт Леры я в курсе. Но это не он, а она его бросила. Она ведь умная женщина, иначе не добилась бы таких успехов в бизнесе. А Юра для неё был лишь как очередная любопытная игрушка. Временная. Таких у неё много. И будет еще не одна до преклонных лет. Лера – нимфоманка. Но я не хотела Юрия предостерегать, пусть сам обожжется, сунув руку в огонь. И, как видишь, урок пошел ему впрок. Не сломался, а закалился. Что опять же говорит о его сильном характере.

– Значит, поматросила и бросила.... Но сейчас у него новая бизнес-women, джипами разбрасывается.

– Сочиняет, – уверенно ответила Евгения. – Чтобы тебе и другим пустить пыль в глаза. Это я точно знаю. Он по-прежнему неустроен и неприютен. И останется таким до конца жизни. Не тот человек, чтобы вить гнездо и высиживать птенцов. Он, скорее, одинокий волк, чем собака. Если уж проводить онтологические сравнения. Да, сейчас он всласть покушал, приоделся, навёл некоторый глянец, но всё это ему скоро надоест.

– Почему?

– Потому что он человек духа, а не плоти. И весь этот внешний лоск с него сойдет очень быстро. Как льялая змеиная кожа. Его естественное состояние – аскеза, тут он чувствует себя наиболее комфортно. Тут он в своей природной среде. Именно как голодный волк.

– Забавное сочетание: комфортный аскетизм. Может, и впрямь монахом станет.

– Не исключено. Такие экземпляры либо в скит уходят, накуролесив предварительно вдоволь, либо окончательно шутами становятся, то есть большими публичными фигурами. Он сейчас на распутье, мечется. Вот к Ордену «Честь и Слава России» присосался, а сам жалеет уже, что в срамное дело втянулся. Деньги-то ему по большому счёту не нужны, так, потехи ради. Он и не знает толком, что с ними делать. Самого оберут до нитки, умельцы найдутся. Ему настоящий духовник нужен. В российской глубинке еще остались такие старцы. А лучше пусть на Афон отправится. Там поищет. Уже и собирается.

– Но откуда тебе всё это известно? Откуда ты знаешь, как он сейчас живёт? О чём думает?

Евгения немного помолчала, словно решая, доверять ли мне свой секрет, затем откровенно призналась:

– А один мой студент с кафедры психофизиологии, подающий, между прочим, большие надежды, по моей просьбе записался в его Христианское Казацко-Стрелецкое Войско. И теперь всегда, там, рядом с Юрием Шмаковым, есть мои глаза и уши. Это мне необходимо для работы над монографией. Вот так, дорогой. Мы тоже зря времени не теряем.

Я лишь развел руками. И предложил честное сотрудничество: обмениваться информацией о «человеке под лавкой». Что станет известно ей, она не утаит от меня, а я, в свою очередь, поделюсь с ней. И для романа хорошо, и для диссертации толк выйдет. На том и порешили.

11

Евгения в своих прогнозах оказалась как всегда права. Шмаков менялся прямо на глазах. Начал куролесить и шутовать по полной. Теперь он уже не носил лощёный костюм с кожаным плащом, а простую чёрную рясу, да еще в заплатках. На голове – скуфейка. Боты армейские, тяжелые. В руке – сучковатый посох. И всегда в окружении своих таких же сторонников. Числом этак около трех десятков. В основном, молодежь. Но были и пожилые люди, даже женщины в платках до глаз.

Я, получив приглашение от ХКСВ, встретил их возле Кремля, на Красной Площади. Они требовали выноса Ленина из Мавзолея. Юрий выступал жёстко, жарко, обличительно, успев в короткой речи, прежде чем их разогнали, припомнить вождю революции все его злодеяния. И походил он в своем праведном гневе на Савонаролу, такой же непримиримый к грехам.

За те две недели, что я его не видел, весь внешний глянец и вся сытость сошли с него как шелуха. Теперь он вновь был худ, порывист, с пламенным взором и чёткой речью, бросая справедливые слова, как камни. А гневный указующий перст то и дело взметался в сторону кремлевской стены. Заслушаешься и залюбуешься.

Вечером этот сюжет коротко показали в новостях. Как курьез. А на следующий день мне позвонил Юрий и поинтересовался моим впечатлением. Вернее, сначала в трубке раздался незнакомый голос:

– Брат Александр! С вами говорит хорунжий Дедов, пресс-секретарь Начальника Христианского Казацко-Стрелецкого Войска Шмакова-Долгорукова. Поручено соединить.

Через минуту на связь вышел сам главный.

– Ну как акция? – спросил он. – Молодец, что пришел, я видел тебя в толпе. Жаль, не успели поговорить. Чёртовы полицаи, приспешники фашистских старост, полдня в кутузке провёл.

– Да толпа-то жидковата была, – отозвался я. – А чего это ты Долгоруким заделался?

– А чтобы руки мои до всех гадов дотянулись. До всех паразитов, которые на теле России ошиваются. И давить их, давить. Давай встретимся, надо потолковать об одном деле.

– Это завсегда. Опять насчет Ордена, что ли? Так у меня такие «клиенты», у которых в одном кармане смеркается, а в другом сморкается.

– Нет, на это плюнь. Ты, я понял, к денежным потокам не годен. Да и что с писателей взять? Только мозги. Хорошо еще, если не бараньи. Совет нужен. Записывай адрес.

Я записал и отправился в эту самую ХКСВ на окраину Москвы. Это было полуподвальное помещение со старой мебелью, заваленное плакатами, брошюрами и листовками с программными речами и лозунгами Юрия Шмакова-Долгорукова. И его фотофизиономией. В одной комнате ели и спали, в другой работали и совещались. Склад с литературой, продуктами и подарками для госпиталей на улице, рядышком. Там же и туалет.

Народ, пока я общался с Юрием в свободном уголке, сновал туда-сюда непрерывно. Начальник Войска мимоходом отдавал отрывистые указания, что-то подписывал, поправлял, вразумлял и выговаривал своим соратникам. А я всё гадал, глядя на энергичную молодежь: кто же из них тот самый «тайный агент» Евгении Фёдоровны, её «глаза и уши»? Так и не определил. Штирлиц надежно замаскировался.

– Александр! – сразу взял быка за рога Юрий. – Напиши статью о моём... о нашем, – поправился он, – Движении. Нужен толковый отклик на деятельность ХКСВ. Мне это неудобно, будто сам себя хвалю, а у тебя получится. Ты фигура в литературных и просвещенных кругах известная, секретарь Правления Союза писателей, да и вообще... К тебе прислушиваются. Вот, возьми брошюрки, программки, ознакомься. Да ты и так сам всё знаешь, мы же не раз с тобой всё это обговаривали. Ну как?

– Написать не сложно, – не спешно ответил я. – Только вот читать мне всю эту макулатуру некогда, ты лучше своими словами скажи: какие ближайшие планы, цели, какие еще акции готовятся? Каковы то есть стратегия и тактика борьбы. За что и с кем.

– Хорошо, – кивнул Шмаков. – Но прежде у меня к тебе еще одна просьба. Я хочу предложить тебе негласный пост идеолога нашего Движения.

– «Серого кардинала», что ли?

– Ну, типа того. Хотя и не совсем. Вроде главного советника. Или консультанта по определяющим вопросам. Ты и Евгения Федоровна. Я надеюсь на вас, – добавил он, помолчав. – Вы мне нужны. Как первые люди, поднявшие меня с колен. И вы мне очень дороги, правда. Только вам-то и доверяю.

Это прозвучало несколько возвышенно, но в его словах чувствовалась неподдельная искренность. У меня аж глаза чуть не повлажнили. Но это, скорее, от многолетней пыли в помещении.

– Это большая честь, – сдержав улыбку, ответил я. – Мы подумаем. А статью я, конечно же, напишу. Не проблема. Перекусить бы.

– Хорунжий Дедов! – приказным тоном позвал Юрий Долгорукий.

К нам из среды снующей молодежи подскочил рослый белобрысый очкарик. Даже вытянулся в струнку, одернув армейский китель без погон.

– Сделай-ка нам, дружок, кофейку с бутербродами. Да поживее там.

Пресс-секретарь помчался выполнять указание, а Шмаков достал откуда-то из-под стола пузатую фирменную бутылку.

– Афонский кагор, – похвастался он, любовно разливая его в две крохотные рюмки. – Из монастыря святого Пантелеимона. У нас с ними контакт. Через месяц-другой сам к ним отправлюсь. За благословением.

– Ты же не пил, не курил, – заметил я, глядя, как Юрий выуживает из серебряного портсигара длинную тонкую сигарету.

– Это временно, – отмахнулся он. – Волнений много. А кагор – всё равно, что причастие. Тем более, с Афона. А теперь – к делу. Обсудим наши ближайшие планы.

Так я совершенно неожиданно для себя оказался в числе ближайших сподвижников Юрия Шмакова. А может, и сам этого хотел? Не знаю. В этом вопросе я еще до конца не разобрался.

Очень скоро первая неблагозвучная часть новой двойной фамилии Юрия как-то сама собой отпала, затерялась, и он всё чаще репортёрами и тележурналистами стал именоваться просто Долгоруким. Может быть, делали это намеренно, в издёвку. Да и вообще относились к нему как к очередному, вынырнувшему из тёмной глубинки и политического небытия шуту, клоуну. Считали его «мальчиком для битья».

Но он и сам быстро научился бить наотмашь, отвечая на каверзные вопросы с отменной реакцией боксера. Остроумно и внятно, к восторгу простой публики. Чем сам ставил газетных ёрников в тупик и впросак. Почти как пресловутый Жириновский.

Появлялся Шмаков на народе во время своих акций по-прежнему в дырявой рясе и с посохом, больше напоминавшем разбойничью дубину, но для официальных встреч и церемоний сохранил и гражданский костюм «от Армани». В газетных репортажах и телеэфирах мелькал всё чаще. Днём метался со своими соратниками по столице, а ночевал то в штабе ХКСВ, то у нас в квартире, то у новых знакомых и приятелей. Приют давали многие. Но он нигде подолгу не задерживался.

А то, что за ним закрепилось прозвище «Юрий Долгорукий», так это было нам только в плюс. Теперь он всюду подчеркивал, что, как и его великий полный тёзка-предок, призван создать новую Москву. Старую, гиблущую, с мишурным блеском отбросить, как ветхий хлам, поскольку она потонула в грехах и пороках, и основать иную – истинную в христианской вере.

Город-икону, город справедливости и добродетели, город милосердия. Град Древней Руси и русского духа. Но открытый для всех других народов и религий. Словом, город любви. И эта теза притягивала многих жителей Москвы и Подмосковья. Да и в провинциях число сторонников Шмакова ширилось. Популярность его росла как на дрожжах.

Конечно, возле Юрия с первых же дней его восхождения стало вертеться много всяческих темных людей и людишек, проходимцев и авантюристов. Но тут уж никуда не деться, это как «издержки производства», рыбы-прилипалы есть всегда и везде, особенно рядом со стремительно набирающим силу лидером. Есть чем поживиться и подкормиться. И вовремя улизнуть.

Но сам Шмаков их быстро различал и отсекал от себя. Свою тогу (рясу) хотел сохранить в первозданной чистоте. Чутье на человека у него было потрясающее. Мог с ходу определить его внутреннюю суть: с гнильцой он, парчёный (порченый), путаный или с огоньком света. Хотя некоторых подобных типов намеренно придерживал. Очевидно, для каких-то своих скрытых целей. Я ведь не во все его планы был посвящен. И он до сих пор оставался для меня, да и для Евгении Фёдоровны загадкой.

Наверное, такой же загадкой являлся и для власть предержащих. Вот почему к нему пока что всё еще внимательно приглядывались, не дёргали и гнобили всерьез. Давали поиграть, как расшалившемуся ученику. А там видно будет. Ведь в Кремле был отчасти временно взят курс на русскую самобытность, на национальные духовные ценности, на православные традиции, и явление Юрия Шмакова-Долгорукова куда всех устраивало. Ну, шлепнут ладошкой слегка разрезвившегося щенка, потрепят за холку, отсидит он за какую-нибудь свою очень уж смелую и резкую акцию пару дней в кутузке, а потом выпустят: играй дальше. На поводке.

Я знал, догадывался, что вся эта псевдопатриотическая позиция Кремля обманна, наживка для дураков, попытка сконцентрироваться от некой растерянности, собрать последние силы. А потом уж начнутся настоящие посадки и страшная тоталитарная давилня с рубкой. Вот тогда-то и обнажится подлинный оскал хозяев Эр-Эфии, финансового интернационального олигархата. Во всей красе явится затаенный демократическо-либеральный фашизм, который будет похуже гитлеровского нацизма.

И тогда уже чужебная власть, сделав полшага назад от либерального курса, бегом рванет вновь к краю бездны, потянет за собой Россию и окончательно рухнет вместе со всей доставшейся ей каким-то дьявольским изводом страной и всем её многострадальным русским народом в адскую пропасть. По замыслам зарубежных «обкомов» и госдепов.

Экономика ведь оставалась прежней, придаточно-сырьевой, ведущей к намеренному уничтожению остатков культуры, образования, здравоохранения, да всего производства и всей еще мало-мальски годной на что-то, наследуемой от советских «застойных» времен промышленности, а политика государства – колониальной. То есть такой, где наёмные правители стремятся как можно скорее истребить мешающих им сыто и спокойно жить туземцев, лишних для «золотого миллиарда».

Тут я позволю сделать одно маленькое, отнюдь не лирическое отступление. Приняв на себя роль «серого кардинала», я постарался внушить Юрию и свои взгляды на текущий геополитический процесс. И отводимое в нем место для России. Вернее, на полное отсутствие такового.

Он внимательно меня выслушал, а вот усвоил ли мой урок – трудно сказать. Шмаков охотно впитывал

носящиеся вокруг него в воздухе идеи и мысли, перемалывал их в своей голове, но всегда поступал так, как велело ему его внутреннее чутье. Даже если оно шло вразрез со здравым смыслом. Но интуиция и совесть – понятия во многом равнозначные. Спасительные, если угодно.

13

Мы шли крестным ходом с иконами и хоругвями вокруг здания Министерства образования и науки на Тверской, дабы изгнать оттуда засевших там бесов-егэшников, а я, отстав от этой клоунской процессии и попридержав Юрия за рясу, втолковывал ему:

– Москва сейчас напоминает новую Помпею в ночь перед извержением Везувия. Жители веселятся, спят, строят планы, но всё может закончиться в одночасье. Огненная лава и пепел похоронят все их надежды. Это как расплата за бесстыдный гламур. За чудовищное обогащение одних и за массовое обнищание других. Но это и политика Кремля. А так не должно быть.

– Ты имеешь в виду землетрясение?

– Я имею в виду то, что имею.

– Непонятно.

– А ты слушай дальше. Изменить уже ничего нельзя. Оставим пока в покое inferнальную сторону вопроса, хотя природа, земля еще будет страшно мстить людям, – погляди, как тонула и горела летом Европа, очередь за Россией, но ведь и в реальной жизни наш Президент не всегда волен в своих желаниях. Может, и хочется сделать как-то по справедливости, а колется. Надо оплачивать гамбургские счета тем, кто протолкнул его на вершину власти, кто стоит за ним и у которых он порой сам дожидается аудиенции в прихожей.

Чьи интересы он сейчас защищает? И защищал всегда, прикрываясь красивыми словами. А это он умеет делать. Хороший оратор и аналитик. Интересы тех, кто разграбил СССР, кто владеет нефтью и газом, алюминием и лесом, словом, олигархов и всей чиновничьей сволочи. Исправно служит им. Потому и затеяна новая волна приватизации, чтобы уж разворовать всё окончательно, подчистую.

Борьба с коррупцией? Не смешите. Как говорят в Одессе: не морочьте мне жопу. Еще Гоголь сказал, что в России человека человеком не переделаешь, и если к одному жулику приставить одного надзирателя, то в итоге просто получишь двух жуликов. Такая вот российская математика. Ты думаешь, будут когда-нибудь настоящие «посадки», которых так ждет народ? Чужих, неугодных, мешающих хапать – да, а своих, присосавшихся к большому пирогу, к бюджету – нет, никогда.

– Власть своих поделельников не сдает, – согласился Юрий.

– Но играет в этом спектакле под названием «Борьба с коррупцией» мастерски, брала уроки у Жванецкого, – продолжил я. – И налог на сверхбогатых или на роскошь не введут никогда в жизни, потому что Кремль удобно посиживает на плечах у олигархов, клянясь при этом в любви к простому народу. Да и есть ли у Кремля власть?

На сегодня девяносто пять процентов всей крупной российской собственности, а это в первую очередь промышленные производства и банки, принадлежит иностранным инвесторам. Или отечественным, но с двойным и тройным гражданством, а это, по сути, одно и то же. Ситуация сложилась таким образом, что любой крупный предприниматель в России прячет свою собственность за рубежом в силу специфики построения всей российской государственности. Таким образом, можно говорить о том, что в «сухом остатке» реально Путин контролирует и руководит лишь пятью процентами России, всё остальное принадлежит иностранцам или компрадорам. Какая уж тут власть?

– Менять надо. Но не на Болотную, – мрачно сказал Юрий. – Неужто ж Россия так честными людьми оскудела?

– Но и это еще не всё. Созданный в начале Ельцинского срока Центральный банк, а скопирован он был с Федеральной Резервной Системы США – вот истинный «управдом» страны. А ключевым элементом правового статуса Центробанка является принцип независимости от государства, но лишь он обладает исключительным правом денежной эмиссии и организации денежного обращения. Это из его Устава. О чем это говорит?

– О чём?

– Правительство лишь исполняет роль полицейского для обеспечения защиты священной частной собственности, а вот делить деньги – дело тонкое, это можно доверить только «специалистам». Итак, государство целиком и полностью зависит от «независимого от него» Центробанка, но и он не самостоятелен. Поскольку является филиалом ФРС США. Такая вот выходит загогулина...

– Погоди-ка.

Шмаков рванулся вперед, в начало процессии, отдал какие-то распоряжения двум молодым попам-расстригам, Кассиану и Киприану, возглавлявшим этот карнавальный крестный ход, и вернулся обратно. А я продолжил:

– Мейер Ротшильд давно говорил, дескать, дайте мне контроль над выпуском денег в государстве, и мне плевать, кто будет писать его законы. А вот другое изречение: тот, кто контролирует денежную массу любой страны, является полным властелином ее промышленности и торговли, а когда вы поймете, как просто вся экономическая система, так или иначе, контролируется несколькими влиятельными людьми, вам не понадобится объяснять, где причины депрессий и инфляций. Это еще в начале прошлого века сказано, на инаугурации президента США Джеймса Гарфилда, убитого всего через несколько недель после своего заявления. Проговорился...

Добавлю еще, что «Проект Глобализация» предполагает тем или иным способом уничтожение большинства населения Земли, сокращая число живущих до пятисот миллионов, где нам когда-то уже «выделялась квота» – на территории СССР экономически оправдано проживание всего пятнадцати миллионов. Значит, на страну, жвавшуюся до состояния России, «в лучшем случае», «оставят» девять миллионов. И они, кланы Ротшильдов и Рокфеллеров, слившиеся после почти двухсотлетней вражды, контролировавшие всю мировую нефть, все денежные потоки и все золото, не шутят. А любой Путин тут будет бессилён. Да по большому счету уже и бесполезен. Лишняя фигура на шахматной доске, свое уже отработавшая.

Еще в девятнадцатом веке англичанин лорд Актон метко пророчески заметил, что битва, которая проходит через века и в которой рано или поздно всем предстоит сразиться, – это война людей против банков. Финолигархия все более рвется к мировой гегемонии, а в качестве идеологии, оправдывающей этот процесс, используется идеология либерализма. Создается почва для перехода нынешнего сверхглобального кризиса, или перманентно следующего за ним, к режиму «железной пяты» «суперкапитала». Я абсолютно уверен, что через полгода, максимум – год, цены на нефть и газ катастрофически упадут.

– Что будет?

– Тогда Россию, а в ней реально наступят голодные бунты, ждет судьба Советского Союза. Так запланировано «Мировым правительством», и это никакая не конспирология стремящегося к построению Нового Вавилона. Нимроду, потомку Каина, не удалось достроить такую башню, «достичь неба», взять его «штурмом», зато это постараются сделать уже его потомки. Генетические наследники Хама и чело-векоубийцы.

И что мы видим теперь? Охота на последнее, что еще остается в России. Охота на народ, больше уже и красть вроде бы нечего. Вынуть из него душу и продать. Заложить в мировой ломбард. А еще лучше – заменить этот всё еще вяло кочевряжающийся народ на какой-то другой, более покладистый. На мигрантов. С Кавказа, из Средней Азии... Но вот он-то, новый, им в свой час и покажет «кузькину мать». В момент всех вырежет, под корень.

– Это точно. Уже режет и насилует.

– А разве не русский народ следовал за таким же ведомым на поводке Ельциным, ломая свой отчий дом? И разве теперь не побредет куда угодно, одурев от отчаяния и безысходности? Толковать можно еще долго, но сакральный смысл всего метафизического действия, всей этой карнавальной мистерии, творящейся на наших глазах, – смерть России. И пришло время не думать, не обсуждать, а бороться. Не плыть по течению в обволакивающей сознание мутной воде, а хотя бы умереть с честью. Что скажешь?

Но Юрий не успел ответить. К нам подбежал хорунжий Дедов и торопливо доложил, что подъехал автобус с ОМОНОм. Уже выгружаются, сейчас метель начнут. Шмаков вновь рванулся вперед, в самое пекло, а я постоял, посмотрел на театральную заваруху, выкурил сигарету и пошел прочь. Не люблю подставлять голову под амортизаторы. Не царское это дело.

14

Я к подобным акциям Шмакова, простите, Юрия Долгорукова, относился отрицательно. Забавно, конечно, но толку от них немного. Хорошо лишь для пиара. Вот, например, он со своим казацко-стрелецким войском разгоняет гей-парад в Химках. Голубые готовили его в столице, но тут им дали заслон, а в подмосковном городке проще. Наверное, нашли сочувствие в местной мэрии. У таких же гомов и лесбий.

Но и сподвижники ХКСВ не дремали. Из той же администрации дали сигнал Шмакову. И на центральной площади Химок в солнечный день почти одновременно сошлись две толпы – размалеванных содо-

митов и казаков с плетками. Шерсти и визга было много. Ну, отстегали, конечно, ногайками, по первое число. Тем более что нетрадиционалы были в полуголом виде, удобно пороть. Еще и гонялись за ними по переулкам. Зрители, простые жители городка, были в восторге, аплодировали. Правда, потом дело опять закончилось КПЗ и административным взысканием. Ну и что?

Шмаков, по сути, выполнял мою программу борьбы, но истолковывал её превратно, примитивным образом. Всё это, на мой взгляд, мелочи, лишь привлекает внимание к самим содомитам. А тем только того и надо. Потому что в Европе сразу откликнулись: наших бьют! Вот ведь какая Россия пакостная страна, где нет самого главного, основы основ демократии – свободы сексуальных меньшинств. Ату её! А Шмакова во французских, английских и немецких газетах тотчас же прозвали «православным фашистом».

Или, спрашивается, зачем он полез на рок-фестиваль в Капотне? Чем ему рок-то не угодил? Я понимаю, там также много откровенно сатанинского, но немало и своеобразно музыкального, авангардного, протестного, к тому же, нравящегося молодежи. Да даже и старшему поколению. Взять песни Шевчука, Кинчева, Бутусова... Я и сам люблю их послушать.

Но тут у Юрия как раз осечка-то и вышла. В Капотне ему самому бока намяли, а стрельцов с казаками поклонники рока разогнали с треском. И этой своей непродуманной акцией, от которой я его безуспешно отговаривал, он оттолкнул от своего Движения многих молодых людей. А можно было бы как раз разыграть свою партию на их любви к року. Взят бы и сам спел что-нибудь. Формат фестиваля предполагал такую возможность, предоставлял сцену самодеятельным исполнителям.

Он резко выступал на митингах и пикетах против наплыва мигрантов в Россию. Называл их кровососущими клопами и саранчой, бандитами и насильниками, азиатской нечистью и отребьем, что не прибавляло ему очков на рафинированно-толерантном политическом поле, но зато давало обильные всходы на маргинальной ниве. И вызывало настороженность в верхах. Там, судя по всему, уже всерьез озаботились его бурной деятельностью. Особенно после устроенных им облав на общежития нелегальных таджиков, узбеков и прочих киргизов в подвалах и на чердаках.

А в либеральной печати, как отечественной, так и ближнего зарубежья, к нему приклеилась еще и кличка «русского национал-экстремиста» и «черносотенца». Даже с карикатурными изображениями. Злобный Шмаков в виде шутовского князя Юрия Долгорукова с крестом в одной руке и с гирькой на цепочке в другой, сидя на осле, пытается достать ускользающего от него на метле раскосого дворника и показывающего ему в насмешку свой голый зад.

– Ничего, – смеялся он сам, – я еще до китайцев с вьетнамцами не добрался, до их пошивочных мастерских. Но уже знаю, где они как тараканы прячутся. Пусть ждут, скоро нагрянем. И с кавказцами разберемся.

Я, как «серый кардинал», советовал ему не заниматься ерундой, хотя и это тоже полезно, а «бить по штабам». Развенчивать ложные идеологемы, которые победившие либерасты навязали в течение последних тридцати лет всему остальному обществу. Ведущие к обнищанию духа. В культуре, политике, экономике. Словом, метить туда, где они все и обосновались. В Кремле, в Белом Доме, в Госдуме и Совете Федерации. Но делать умно, без провокаций. Иначе всё это будет лишь «стрельба по воробьям».

Не Ленина вытаскивать из Мавзолея, а сравнить его со Свердловым и Троцким, которые вот уж действительно были истинными хозяевами страны и ненавистниками России, виновными в кровавом терроре. И первым же их шагом был расстрел православных священников и монархистов-генералов на Красной площади, еще задолго до Бутово. Но об этом почему-то умалчивают, как и о том, что Киевского митрополита Владимира убили не большевики, а украинские самостийники.

В ответ на «десталинизацию» населения надо, напротив, выступить с предложением канонизации Иосифа Виссарионовича. Пусть полают и повизжат от страха. Полезно для кишечника. А еще поднять православную общественность в защиту и обеление от нанесенной грязи царя Иоанна Грозного и старца Григория Распутина. И причислении их к лику святых. Поскольку они именно таковыми и являются, если смотреть не предвзято. Но умные верующие люди и так молятся им во многих храмах и домовых церквях.

Также канонизировать всех героев советской поры, и не важно, что они были коммунистами или комсомольцами – Гастелло, Матросова, Космодемьянскую, Карбышева, Жукова, Гагарина, список можно продолжить. Их в сотни раз больше, чем в нынешние «познеровские времена». Точнее, есть только Рохлин, есть Евгений Родионов и другие воины, есть новомученики в Беслане и Норд-Осте, вот, пожалуй, и всё.

Юрий прислушивался ко мне, но делал по-своему. Признавать свои ошибки он не хотел. Самоуверенность тоже была его отличительной чертой. А тут еще, как мне тогда мнилось, заметное влияние на

него стали оказывать два приبلудных и блудливых кота-расстриги – Кассиан да Киприан. О них сейчас поподробнее.

15

Они мне с самого начала не понравились, вызывали раздражение. Еще когда Юрий жил у нас, он привел их в нашу квартиру. Вообще-то Шмаков часто таскал к нам кого ни попадя, сам подбирая залежалый народец из-под лавок, словно подражая мне и Евгении Фёдоровне и считая себя, наверное, уже ступенькой выше, чем они. Может, конечно, и просто от широты души или желания помочь, памятуя о своем недавнем прошлом.

О прочих говорить не буду – обычные бомжи, которые быстро вылетали обратно на улицу, получив свою пайку и кое-какую одёжку, но не кров. Нам хватало одного Шмакова. Эти – Кассиан и Киприан – были последними. После них терпение жены наконец-то лопнуло, и она предупредила Юрия, чтобы он завязывал с дешёвой филантропией. Ей надоело всякий раз вызывать санэпидемстанцию и морить насекомых. Он послушался, и больше незваных гостей не было.

А этих молодцов в рясах представил так:

Мои земляки, с одной деревни. И даже тоже детдомовцы. Изгнаны из церкви за обличительные речи супротив тверского архиепископа.

– Самодур он, злыдень и есть, оборотень у алтаря, срамник поганый, зело вино пьет, табак курит, девок портит, землей и домами приторговывает, с жидо-масонами дружбу свёл, – закивали те, продолжая перечислять грехи областного архиерея. Чего только на него, бедного, не навесили! Ясно, что обижены были за какую-то собственную провинность. Обличали бы еще до утра, если бы жена не остановила.

– Хватит, – сказала она, – мы всё поняли. А сейчас-то сами чем занимаетесь? По какому департаменту изволите служить?

Оказалось, как мы уже и без них догадались, ничем и ни по какому. Бездельники, короче, но довольно рослые и упитанные. Мир ведь не без добрых людей, а еще больше – доверчивых и глупых, у которых всегда можно и подкормиться и разжиться чем нужно. Тем и промышляли, задействовав православную риторику.

Далее выяснилось (а Евгении Федоровне бы в СМЕРШЕ в свое время работать – так она умела людей тестировать и отвлекающими вопросами на правду выводить, почище всякого «Полиграфа»), что никакие они не попы, только готовились к священноначалию, да не прошли процедуру, сразу же им и дали от ворот поворот. Что-то не срослось с церковью, вот и обозлились.

Впрочем, тут и гадать особо нужды не было. Сами же они себя и выдали, своим поведением. Нападками на Патриарха, митрополитов, разговорами о поживе, о безделушках, о чужой славе и роскоши. И здесь же – высокопарные слова о России, о мировом заговоре, о Спасителе. Где мамона и мшелоимство и где Христос? Где вера, а где пустые словеса?

Но таких прохиндеев многие простые люди слушают и идут за ними. У обоих расстриг были свои группки сподвижников, которые потом и влились в Движение Юрия Шмакова. Кассиан и Киприан вроде соревновались друг с другом в обличительном пафосе. В праведном гневе на несправедливый к ним мир. А что сами для него сделали, чтобы улучшить? От злобы – один шаг к подлости.

К тому же вытащили они бутылку коньяка, стали угощаться, попутно рассуждая о двух богатых старухах, на которых не грех бы им и пожениться, ради общего блага. Вот тогда дело на лад пойдет. А уж духами от них воняло – как в солдатском борделе. Да все пальцы в дешевых кольцах. Неприятные типы. Я после даже вещи проверил, не стащили ли что. С них станется.

Вот и таких людей рождает тверская земля, богатая в российской истории знаковыми именами (взять хотя бы Афанасия Никитина или Фёдора Глинку) и событиями. Никакая другая область не дала Отечеству такое обилие выдающихся личностей во всех сферах человеческой деятельности, не привлекала так своей природной красотой и культурой. Славное место, героическое. Ведь именно здесь сделал первую попытку объединить русских людей в борьбе за национальную независимость князь Михаил Тверской. Погибший под Моздоком «за други своя». А под Ржевом была остановлена вся Европа, ведомая фашистами на убой России.

Теперь же о былом величии порубежной крепости Руси ничего не напоминает, Тверь ныне – лишь вотчина для новых латифундистов на латиноамериканский манер. Обосновались господа банкиры, типа Смоленского, презрительно именующие аборигенов «нищим быдлом». Даже к Волге простым жителям проход зарыт высокими заборами, а в лесу не смей грибы с ягодами собирать – частная собственность.

Куда идем? К новому беспощадному, но справедливому бунту? Дождешься, Кремль! Будешь ответ держать. Людское терпение не беспредельно.

Однако, покинув наш дом, возле Шмакова Кассиан и Киприан задержались. До тех пор, пока не запахло жареным.

16

А жареным запахло очень скоро, поскольку акции Юрия Долгорукова не прекращались, а Движение наливалось силой. На несанкционированных митингах, собиравших огромные толпы, Шмаков яростно кричал, что пора очистить Белокаменную от «черных», от убийц и насильников, от воров и бандитов, от геев и педофилов, от либерастов и дерьмократов, от продажных чиновников и олигархов. Это возбуждало народ, он попадал в самую точку, бил скальпелем в болезненный нерв. И ведь всё правильно говорил. Люди сами чувствовали то, что он выражал громко, открыто и откровенно. Ничего не боялся, чертяка.

Юрий наэлектризовывал толпу так, что она готова была двинуться за ним куда угодно. Его слова, будто щупальца, проникали в сердцевину мозга, охватывали каждого отдельного человека и всех вместе. Он, несомненно, был прирожденным трибуном. А власти уже стали понимать, что выпустили джина из бутылки. Поскольку Шмаков становился неуправляемым (даже если им кто-то когда-то и «управлял», в чем я сильно сомневаюсь). Но главное, он стал не просто подхватывать чужие идеи и лозунги, а размышлять. И выдвигать свои требования к позорным продажным властям.

Вернее, не свои, а выражать чаяния русского народа, задвинутого куда-то на обочину России. Вот что в нем больше всего нравилось. Нравилось тем, кто и сам принадлежал к этому народу, и вызывало жуткую ненависть у всех тех, кто страстно желал его уничтожения. А он, в пику им, кричал, что русский человек должен стать новым человеком, у которого нет и не может быть грехов в принципе. Должен стать идеальным человеком, чтобы исправить и повести за собой весь остальной, погрязший в скверне мир.

Конечно, все эти митинги заканчивались так, как и положено – разгоном толпы, битьем по черепкам и кутузкой. Но Шмаков становился только еще злее и проворнее. Еще яростнее и активнее в своих действиях. Еще умнее, если хотите. А мы с Женей и сами потеряли над ним контроль. По поводу нового и идеального русского человека я ему говорил, что благими намерениями вымощена дорога в ад, и всякий абсолютист, взятый за норму, уже на фоне конкретной жизни рано или поздно подтверждает свою несостоятельность.

Обещанную Шмакову статью о его Движении я написал, да не одну, а несколько – в центральных газетах, но они-то и явились причиной нашего разрыва с ним. Потому что в них я не столько хвалил его, сколько корил и предупреждал: не рубить лес, не выплескивать вместе с водой младенца. Мысль моя была достаточно прозрачна – всякая революция есть зло, а уж для России особенно. Ни одна страна в мире за всю человеческую историю за короткий век не меняла столь часто свою общественно-государственную формацию. Сколько ж можно?

Больше не выдержит. Но и терпеть дальше, конечно же, нет сил. Молча смотреть на откровенную несправедливость, покровительство воров, беззаконие, лож в устах власть предержащих, засилье мигрантов, разнузданность кавказских диаспор и прочее. А что делать? Ответа на этот вопрос я не знал. Знал я лишь то, что Шмаков-Долгорукий, по сути, настоящий бунтовщик и движется по пути революции. А придет время – и сметет всё.

Но, может быть, иного выхода для России действительно нет? Его акции уже носили далеко не безобидный характер. Костёр вот-вот мог вспыхнуть, только поднеси спичку. Хотя были и довольно забавные эпизоды. Он всё-таки был остроумным человеком, этот «человек под лавкой». Расскажу о двух из них, которые наделали много шума и вызвали оживление в обществе.

Был такой монах Афанасий. Да не монах даже, а прикрывающийся Православием проходимец. В Патриархии о нем знали, но ничего поделать не могли – вне церкви. Однако словами разбрасываться умел. И сторонников себе собрал много, из бестолковых, готовых пойти за кем угодно, кто использует имя Спасителя. И состояние себе уже скопил на этом деле не малое. Загородные дома там, сям, автомобили, роскошь. Женщины, мальчики.

Юрий, через своих «попов», Кассиана и Киприана, таких же прохиндеев, познакомился с ним. Шла даже речь об объединении обоих движений. Но это для отвода глаз. Шмаков уже тогда знал, как поступить. И сделал вот что. Заснял на мобильник «благочестивого» Афанасия, когда тот парится в бане с девками, жрёт водку, матерится, поносит Патриарха и православную церковь, да и выложил этот ролик в Интернете. Карьера «монаха» на этом и закончилась, все от него разбежались. Тот, правда, пообещал

убить Юрия. А Кассиан с Киприаном предпочли за благо сами где-то быстренько раствориться на просторах России.

Второе «дело». Апрельской ночью с подмосковной балы МЧС в воздух поднялся пожарно-спасательный вертолет Ка-32А. Взял курс на Рублевско-Успенское шоссе. Подвешенная ёмкость была заполнена не водой, а отходами канализации. Фекалиями попросту говоря. А объем – 3 200 литров, мало не покажется. И опорожнение за полторы минуты с дальностью струи на 45 метров. Конечно, все особняки охватить не удалось, но представляете, что почувствовали гламурные богачи и их дамочки, проснувшись поутру в своих гнёздышках?

Смеху по Москве, да и по всей России было столько, что земля сотрясалась. А виновника найти не удалось. И пилот был нанятый, и заказчик остался неизвестен. Я бы и сам не знал, кто это учудил (хотя догадывался, чувствуя руку Шмакова), если бы мне жена не сказала. А ей «доложил» её «секретный агент» в окружении Юрия.

17

После публикации моих статей о Шмакове ко мне поступило заказное письмо из Христианского Казацко-Стрелецкого Войска на фирменном бланке. Там было написано следующее: «С удивлением прочитали Ваши недостойные опусы о руководителе нашего Движения. Тем самым Вы нанесли его и нашей чести и достоинству моральный ущерб. Требуем ответа и извинения на страницах печати в десятидневный срок». И подпись – «Хорунжий Дедов, по поручению Высшего Политического Совета ХКСВ».

Потеха. Делать им там, что ли, нечего? Лучше бы еще один вертолет наняли, для Ново-Огарева. Я ответил. Послал им тоже заказное письмо, где написал, что Юрию Шмакову не тратьте бы патроны на Александра Трапезникова, его наставника и учителя, а заняться самообразованием и проштудировать, для начала, хотя бы Каутского с Плехановым. Коли ума мало.

Так началась наша эпистолярная, внесшая некоторое разнообразие в мою скучную и тихую жизнь, перед решающими и трагическими событиями в мае этого года. Ответ пришел незамедлительно. Хорунжий сообщил, что руководство ХКСВ рассматривает вопрос о привлечении меня к суду. Идиоты. Я разозлился и отозвался так: передайте своему мелкому пахану, что не в его интересах афишировать темные стороны своей личности в судебных палатах. А то ведь и загреметь можно.

На сей раз «отписался» сам Шмаков. Решил покусать меня по-своему. Текст такой: «Гражданин Трапезников! Я ознакомился с Вашим письмом, написанным в хамской еретической манере. Вы не способны на поступки, умеете только шельмовать и языком трепать. Да и писатель Вы никакой. И перестаньте изображать из себя православного человека. А я дело делаю. И служу России. За сим – без уважения к Вам, но с признательностью исключительно к Евгении Федоровне. И как она только живет с Вами? Юрий Долгорукий».

«Кретинус! – вконец рассвирепел я. – Ты можешь называть себя хоть папой Римским! Хоть внуком Иоанна Грозного! Как вздумал ты лаять, пес брехливый, на кого хвост поднимаешь? На того, кто дал тебе приют, когда ты ошивался под московскими лавками? Кто тебя поил и кормил, кто ввел тебя в общество, кто познакомил с политиками, казаками, священнослужителями, с культурным слоем Москвы? Кем бы ты был без меня, чью руку кусаешь, неблагодарный начётчик, бродяга пустопорожня? Фарисей. Уста твои лживы, зрак алчен, лик чёрен, тело язвами покрыто, а исходит от тебя лишь скрежет зубовой. Оползень неразумный. Как смеешь судить о моих произведениях, коих не счесть, когда я лауреат ста литературных премий и тысячи грамот, а ты в это время еще в люльке под себя гадил и смердел на всю Тверскую губернию...».

Дальше, в общем-то, в том же роде. Это я умею. Тут меня несёт, как на парусах по вольному морю. В любую сторону. А он мне отвечал: «Ваши бездарные книги вызывают жалость к их автору, продавшему свое перо темным масонским силам за возможность наполнять граненый стакан дешевым «зеленым змием». Вы – флюгер, сума перемётная. Все ваши потуги изображать из себя «современного Достоевского» смешны и нелепы. Для этого вам нужно хотя бы несколько лет отсидеть в тюрьме, но в ней вы не выживете, так как вас сразу загонят в «петушиный угол», поближе к параше...».

Что ж, и мой ответ не заставил себя ждать: «Пыль ты придорожная, бацилла рода человеческого! Знай же, выкрест и выкормишь росомахи, что ты попомнишь моё сало, раб лукавый! Могу всю прессу на тебя обрушить, чтобы стереть в порошок. И помчишься ты в свою сраную деревеньку под Тверью, обгоняя собственный голый зад. Или на шконку сядешь. Так-то вот, сын Балды, внук Иуды, таракан запечный. Отправь лучше на психиатрическую экспертизу свои мозги, презренное туло с кочаном на

плечах. Ты что себя Лютером возомнил, Савонаролой, расстригой Илиодором? Нет, бьяша, ты – борщевик ненужный, выкосить таких надо. Иди, смрадник, покайся за грехи свои, авось, Господь и простит. Вот тебе и весь мой сказ, пес Курбский. Да пребудет с тобой хрен с редькой. Твой бывший гуру – Александр Трапезников».

Последовало: «Гражданин Трапезундский! Искренне благодарю вас за письмо, написанное в состоянии похмельного синдрома. Считаю, что вас надо немедленно произвести в «генералиссимусы», в палате № 6, подушку на голову в качестве треуголки и пару пустых консервных банок на плечи вместо эполет и, в придачу, засохшую коровью лепешку на грудь, как «орденскую звезду». Мой вам совет, перестаньте ерничать, поезжайте на отчитку в Троице-Сергиеву Лавру к отцу Герману. А то и впрямь окончите свои дни в «желтом доме». С ермолкой на голове. Спаси Вас Господи!».

Переписка наша могла длиться еще долго и привести к окончательному разрыву и вражде. Противники, надо признать, стояли друг друга. Запас язвительных слов был и у того и у другого неисчерпаем. Однако вскоре нам всё это надоело. Ведь мы просто бодались как бараны лбами, а ради чего? На потеху врагам? Вот так русские люди всегда и поступают. Сами себя давят и истребляют.

А прекратила нашу затянувшуюся эпистолярную своей железной рукой и волей Евгения Фёдоровна. Она просто свела нас по новой вместе, и мы помирились. Еще и посмеялись над этим. Теперь, перебирая письма, я задумываюсь: а ведь и он, и я во многом были правы. И даже как-то предвидели то, что произойдет в дальнейшем.

18

Наступил май. Прошел всего год со дня нашего знакомства с Юрием Шмаковым, а сколько пролетело событий!.. Как изменились люди. Я сам стал другим. Да и сама Россия менялась прямо на глазах. После провальной Олимпиады в Сочи цены на нефть катастрофически упали, бюджетникам стало нечем платить. Не выдавали зарплаты рабочим, в сфере обслуживания, в армии, на частных предприятиях. А государственных-то уже и не оставалось – всё раздали в липкие руки во время второй, самой губительной для страны волны приватизации.

То тут, то там проходили акции протеста, стихийные митинги, перекрывались магистрали, вспыхивали голодные бунты. Бурлили регионы, провинция. А первой, кстати, поднялась Тверь. Но Кремль с тупым упорством накачивал финансами банки и олигархов, лишь бы они не пострадали. Только бы не разорились. А им-то что? Все капиталы и так за границей. С семьями. Но и лишнее не помешает.

В Москве первые протестные демонстрации начались первого мая, в полузабытый День солидарности трудящихся. Тогда они прошли более-менее спокойно. Хотя столкновения с полицией уже были (жандармам-то зарплату повысить не забыли, даже увеличили вдвое). А вот 17 мая случился тот митинг, на котором Юрий Долгорукий выступил с жаркой речью, взвинтив накал страстей до предела. Он кричал в мегафон:

– Братья! Люди из щелей! Люди из-под лавок! Вылезайте! Выбирайтесь на воздух! Гоните к чертям собачьим тех, кто вас угнетает! Идите на Кремль! Сотрите эту буржуазную власть! Опомнитесь, наконец! Станьте людьми, а не быдлом!

Я сам там был в этой толпе и всё помню. Это было потрясающее зрелище, глоток свободы, как в октябре 93-го года, когда мы чуть не смели Ельцина с его продажной кликой. Да и сейчас, в этот памятный день, едва не взяли Кремль голыми руками.... Не получилось.

Помнить-то я помню, но только до тех пор, пока не получил жандармским амортизатором по голове. А очнулся в больнице, там меня разыскала Евгения. Она и перевезла меня в спецклинику к своим знакомым. Позже я узнал, что над Юрием и другими активистами Движения, которых едва не отбили у лицаев, состоялся скоренький суд. Шмакова приговорили к семи годам за разжигание межнациональной розни и подстрекательство к мятежу. Другие тоже получили значительные сроки.

Россию вновь начали усмирять железом и кровью. Как обычно. Другого пути у них нет. Но на этом дело не окончилось. Прошло всего полгода, и Шмаков поднял бунт в колонии строгого режима. Он пользовался там большим авторитетом, его уважали. Что было делать властям? А снова вспомнить хорошо забытое старое. Включили карательную психиатрию. Его перевели в Москву, в институт Сербского, якобы для экспертизы. Конечно, явный же сумасшедший. Причем буйный.

Жене, опять же через своих знакомых-психиатров, удалось добиться тайного свидания с ним. Она и меня взяла, я сам очень просил её об этом. Юра выглядел более-менее нормально, но лицо уже стало каким-то одутловатым, бледным, без кровиночки. Речь замедленная. Но глаза по-прежнему ясные, вспи-

хивали порой давними искорками.

- Меня тут колют чем-то, – пожаловался он. – Таблетками пичкают.
- Я попробую вытащить тебя отсюда, – пообещала Евгения. – Смягчить режим.
- Пустое, это уже невозможно сделать, – почти равнодушно ответил он. – Видно, судьба.

Он поглядел на меня и улыбнулся.

- Хорош у тебя, Александр, шрам на лбу. Видать, тоже досталось?
- А ты как думал? Мы же вместе шли. И дальше пойдем, не сомневайся. Только держись. Ты справишься. И не такое бывало.

– А хочешь все-таки узнать о той тайне, с чего началось наше знакомство?

- О двух тайнах, – поправил я. – У тебя их две, насколько я помню.
- А они у каждого русского человека, – тут он надолго замолчал, задумавшись о чем-то.
- Ну, говори же, – поторопила Женя.

И он ответил, став при этом даже как-то прекраснее лицом, потому что оно внезапно одухотворилось:

- У всего русского народа эти две тайны. Которые сопутствуют ему на протяжении всей истории. Тайна беззакония. И Тайна благочестия. Всегда, во все времена. И они постоянно борются друг с другом.

19

Мы сидели на нашей кухоньке и вспоминали Юрия Шмакова. Неделю назад пришло известие, что он умер в психиатрической больнице. Скоропостижно как-то. А накануне от старости скончалась и наша любимая собачка Лера. Словно чувствовала что-то.

– Я пыталась выяснить, но никто ничего не говорит, – сказала Евгения. – Даже мои друзья-врачи. Видно, связаны какой-то подпиской о неразглашении. Но я постараюсь докопаться до истины.

– Теперь-то что... – вяло отозвался я. А хорунжий Дедов, тот самый студент с кафедры психофизиологии Евгении Фёдоровны, «секретный агент», заспорил:

– Нет, нужно знать правду, всё это очень подозрительно. Говорят, его санитары подушкой удавили. Не сами по себе, а по приказу свыше. Хотя там и своих живодёров-любителей этого дела хватает. Могли и просто так, чтобы не беспокоил больше. Гады. Такого человека угробили.

– Его бы, так или иначе, убили, – заметил я. И повторил слова Юрия: – Видно, судьба.

– Судьбу мы сами себе делаем, – возразил Дедов. – А я мстить буду.

– Лёша, угомонись, – остудила его пыл Евгения. – Скажи спасибо, что ты еще сам хорошо отделался. Тебе надо наукой заниматься, а не политикой. Пусть другие воюют.

– Нет. Вот так все покорённые и рассуждают. А если не я, то кто же?

– Правильно, – поддержал его я.

– С вами не соскучишься, – вздохнула Евгения.

Мы помолчали, думая каждый о своем. А потом Дедов вдруг произнес:

– А вы знаете, о чем еще говорят? Ходят слухи, что Юра Долгорукий не умер в больнице, а ему удалось выбраться, бежать. И он сейчас где-то в Сибири. Правда-правда. Его там видели.

– Да может, похож просто? – усомнился я, отметив про себя, что Лёша так и сказал: не «Шмаков», а «Долгорукий», словно это прозвище уже приклеилось к нему навсегда.

– Не знаю. Но точно видели. И он там новое войско сколачивает. Скоро вернется. Ждите.

Евгения только улыбнулась на эти слова.

– А я верю, – с вызовом произнес Дедов.

Мы вновь замолчали, пригубив любимый Юрием афонский ликер. Странное у меня было ощущение. Я все-таки реальный трезвомыслящий человек, но чувствовал, будто сам сейчас нахожусь где-то в Сибири и разговариваю с живым Юрием. Или он сидит тут, рядом с нами, четвертым, слушает и наблюдает. Ждет чего-то. Каких-то слов от меня, что ли?

Потом я понял – каких. Ведь Тайна беззакония и Тайна благочестия никогда полностью раскрыты не будут. И надо положить жизнь, чтобы только приблизиться к их познанию. А хватит ли на это времени у меня лично? Кто знает... Вслух же я лишь тихо проговорил, вслед за хорунжим Дедовым:

– И я верю в это. Верю, что он вернется. Он, или кто другой, такой же. Нельзя не верить.

Надежда САВЧУК

День, который должен был быть счастливым...

Рассказ

– **Н**адо подписать акты! – она открыла папку и устало покосилась на сотрудниц отдела. Кризис делал своё дело: каждая занималась чем угодно, только не проектами их института, – новых заказов не было. Кое-кто чертил «левые» проекты, даже не стесняясь её.

– Ну уж нет! – Елена выглянула из-за чертёжной доски (этот немецкий кульман купил ей муж на день рождения), как всегда перед разработкой проекта в компьютере делая наброски старым «карандашным» методом и называя это «подлинным рождением архитектуры». – Сначала

подойди вон к тому столу, возьми лист и честно ответь на единственный вопрос!

Она покорно взяла лист и с удивлением прочитала: «Если вернуть время вспять, имея уникальную возможность всё изменить, Вы бы вышли замуж за Вашего мужа?» Её удивило то, что на листе был угловой штамп Департамента статистики. Вариантов значилось только два: «Да» и «Нет».

Она подумала несколько секунд, взяла карандаш и поставила галочку возле слова «Да».

Елена же, принимая лист, сильно округлила глаза и вернула ей обратно:

– Опрос рассчитан на правдивый контингент! Подумай и отметь правильно!

– Но я... отметила правдиво, – тихо сказала она.

– Ой! Держите меня! Все поставили «Нет», а она одна – «Да»! – Елена считалась маститым архитектором, к ней прислушивались, и никто из отдела не смел идти против серой кардинальши.

– А может, просто надо сделать опрос тайным? – она не уступала.

– Какой ещё «тайный»! Что ты из себя корчишь? Посмотри на свою одежду! Ты же вся из second-hand!

– Елена уже злилась. – Чем ты хвалишься? Что ни разу не видела мужа пьяным? – Большое достоинство!

– Да нет... Дело не в том... – пролепетала она и, вдруг расплакавшись, бросилась вон из кабинета... «Ну и дура же я! – мысленно ругала она себя. – Ведь все решат, что плачу из-за каких-то тряпок, которые (кстати!) не все из «гумки»...

Она включила компьютер, зашла в программу и... застыла.

Она видела мужа пьяным вдрызг лишь однажды... Просто об этом никто из её окружения не знал...

Это было пол её жизни назад.

В то утро ей подумалось, что день будет необыкновенно хорошим.

Возможно, оттого, что их маленький сын, оставленный под присмотром соседки, смешно сдувал им вслед воздушные поцелуи с ладошки.

Может, потому, что муж неловко поцеловал её в затылок, когда она доставала письмо из почтового ящика.

Или из-за того, что запоздавая весна, слегка брызнув зеленью по серым веткам, вдруг мгновенно распустилась цветами диких абрикосов и черешен. Ветер щекотал цветущие деревья, и они, беззвучно смеясь, вздрагивали, роняя белое. Муж сказал, что стоит родиться только ради того, чтобы всё это увидеть.

Его (мужа) не любят собаки, а он любит кошек. Дворняги всех мастей с лаем бросаются за ним. Говорят, это из-за хромоты. Раньше она думала: из-за старого протеза, фуфыкающего при ходьбе.

Она гордилась супругом. Он был высокого роста, рядом с ним чувствуешь себя маленькой девочкой. Орден Красной Звезды на пиджаке. Она считала его красивым. Ну у кого ещё есть такой муж?!

В тот день, как обычно, они с друзьями шли на кладбище навестить могилы погибших в Афганистане. Неожиданно её маленькое сердце почему-то сжалось от предчувствия беды.

Началось всё с того, что издали, увидев человека в белом, как оказалось, старомодном костюме, она испугалась. Потому что выглядел он как-то зловеще. Старик сидел рядом с большим открытым чемоданом, на крышке которого висел плакатик: «Покупаю старые монеты, ордена...» и так далее. Ого! Орден Александра Невского дорого стоит! Она не дочитала всех строчек, почувствовав, как рука мужа сжала ей пальцы. «Орден Красной Звезды... 10 леев» (?!)

У неё перехватило дыхание от страха, что муж разнесёт в щепки чемодан со стариком вместе, но тот внимательно изучал список и не один мускул не дрогнул на его лице, вот только рука, державшая сигарету, смяла её, рассыпая табачную труху и... всё.

– Что же так дёшево орден Красной Звезды? – с дрожью в голосе спросила она торговца мерилками отваги, доблести и богатства.

– После Афганистана он утратил свою ценность. Там ни серебра, ничего нет. Их наштамповали много, – безразлично ответил тот. – Вот если у вас есть образец старше 1979 года – приносите, потолкуем...

– Нет! Вот старого образца нет! Но есть пару десятков нового. Я знаю у кого! И четырнадцать из них посмертно! Вам какие лучше: от живых или те, что посмертно?! – она перешла на крик бессознательно.

– Замолчи! На нас обращают внимание! – супруг с силой тряхнул её за плечо.

– Не стану я молчать! Только трусы молчат! Что он знает об этой войне? Почему он торгует человеческой памятью?! Это ты молчи! Ты же так боишься, чтобы кто-то обратил на тебя внимание!..Ты!.. Ещё немного, и тебе стыдно будет надеть свой орден? Да?!

– Замолчи!.. – Муж неожиданно ударил её по лицу. Пощёчина, словно хлопок в ладоши восточного вельможи, вынуждавший наложниц застыть на месте, заставила её умолкнуть. Губы склеились, горло сдавил плач, – она молчала. Муж как-то беспомощно поднял руки, но она увернулась и подошла к женщине с тюльпанами:

– Двадцать восемь... – прошептала, одновременно протягивая деньги. Пощёчина казалась ей приклеенной на левой щеке. Она, должно быть, выглядела словно клеймо с рубчиками от пальцев.

– Как много нам приходится терпеть, – ни к кому печально обратилась цветочница.

Солнце припекало, и продавщица цветов была рада, что одним махом у неё забрали тюльпаны. На кладбище, изнурённые жарой, они с друзьями, с бутылками водки, скудной закуской и засыхающими цветами плелись от могилы к могиле, наспех записывали в блокнот о том, что необходимо поправить в надгробии, и снова, и снова спорили из-за того, что ни на одном не отмечено: «Погиб в Афганистане».

Впервые она чувствовала себя «на чужом балу». Муж пил возле каждой могилы (обычно он никогда не пьёт), она же молчала, не налетая маленьким коршуном на друзей, дескать, зачем наливаєте? Однако они её утешали, видя неподдельную тоску во взгляде: «Да не переживай ты! В рюмке всего 50 грамм!» Муж не закусывал, всё пил и не пьянел...

Потом его разобрало так, что он, подсаживаемый друзьями, еле сел в маршрутное такси. Начался сильный дождь. Супруга стошнило, и он вырвал прямо в салоне. Их высадили, но прежде ей самой пришлось, по требованию водителя, всё убрать, споласкивая тряпку в дождевой луже. Мужу мешал нагибаться в тесном «бусике» протез. Её тоже тянуло на рвоту. Дама на первом сидении громко сказала: «Эти «афганцы» ведут себя как свиньи!» Муж в это время стоял под дождём, и ей стало его жаль. Она молчала и не думала больше: «За что?» и «Что я сделала не так?»

После они сидели на остановке и молча смотрели, как пузырится дождь. Было холодно. Мокрый пиджак, наброшенный им вопреки её желанию ей на плечи, не согревал, а просто давил тяжестью.

Когда добрались наконец домой, уже снова светило солнце, и всё, омытое дождём, сияло, но ощущение хорошего дня уже не вернулось.

Рап, молодой, бездомный пёс, обитавший во дворе их многоэтажки, увидев её, обрадовался и завилял хвостом. Она часто выносила ему поесть. Муж, неуклюже приподнимая и закидывая вперёд протез, пошёл в киоск за сигаретами, его лишь слегка заносило. Она поздоровалась с соседкой, продающей семечки, и ждала, что Рап, как обычно, с лаем бросится вслед хромавшему, но пёс лишь понимающе смотрел на её мужа и остался на месте, печально проводив его взглядом. Собачьи брови сочувственно сошлись на переносице. За это она отдала Рапу почти все конфеты, которые несла сыну.

На неё вдруг нахлынула жалость к мужу. Отсюда он казался маленькой, колышущейся фигуркой. О, если бы она могла, то спрятала бы её в ладони, отнесла бы домой, а там, поплакав над ней, сказала бы, что всё понимает и прощает. Её обида уже стала совсем незначительной. Эта жалость опечалила её ещё больше, но это было совсем не то, что в госпитале, когда он, обливаясь потом, сидел в инвалидной коляске со спицами в ноге и отказывался от обезболивающего; анальгин уже не помогал. Или когда температурил после очередной операции и его губы, касающиеся её руки, напоминали разогретую наждачную шкурку.

Вечер пролетел, как и всё в её жизни, незаметно быстро. Она даже хотела написать в газету о торговце орденами, но подумала, что эта тема уже не актуальна...

Зачем она это вспомнила? Для чего? Ведь ещё тогда простила мужа. Ну вот... Простила, но не забыла.

Ей стало жаль себя, и она снова заплакала, склоняясь над своими сметами. Да, она всё прощала ему за тот страх, который появлялся и таился в глубине его глаз. Как тогда в институтском общежитии. Он пришёл к ней из госпиталя на костылях и без ноги. А она ещё этого не знала и спешила домой, не пони-

мая, почему все девчонки так смотрят на неё, как будто знают то, чего не знает она. Когда же привычно открыла дверь их комнаты, то поразились царившему безмолвию – увидев его, покраснела. Он улыбался ей, а для всех сказал: «А вот и моя невеста!» «Какая невеста?! – с ужасом подумалось ей. – Ведь мы едва знакомы!» Просто она составила подружке компанию, когда та шла в госпиталь проведать своего парня.

Но, встретив взгляд его чёрных глаз, она увидела там, где-то в глубине его души неподдельный страх от того, что он понял её немой вопрос. Он ведь боялся, что её эта мысль вдруг зазвучит и тогда для него будет всё кончено...

Но она справилась, даже заулыбалась и, направив на него указательный палец, произнесла изменившимся голосом: «Самоволка!» Тогда и он рассмеялся и сказал: «Это моё бегство в будущее!»...

Зачем она вышла за него? Ведь у неё был совсем другой жених – обеспеченный и постарше.

Что она видела за эти 20 лет их брака?

И заплакала сильнее.

«У него слишком глубокая левая резьба в голове», – так шутят его товарищи по партии. И вот в позапрошлом году, когда мужа уволили второй раз за распространение газеты его партии левого толка, какой скандал разразился в их доме. Она так нервничала и кричала: «Ты одноразовая вещь! Тебя только используют, и всё! И в Афгане тебя использовали! Твоя партия тебя использует! Твой директор тебя тоже использовал, пока был в вашей партии! А потом выбросил тебя вон! Он умный – сразу переметнулся в другую сторону!..»

Как больно он сжал её руки! И говорил, обжигая взглядом: «Замолчи!.. Мы все одноразовые вещи! Нас используют, и всё!.. Но я предпочитаю, чтобы меня использовали свои!.. Предателем я не стану никогда! Это буду уже не я!»

Она никогда не жаловалась родителям, потому что вышла замуж против их воли. И с друзьями пришлось порвать, потому что они не понимали, зачем она выходит замуж за этого искалеченного «афганца», ведь возраст её не поджимает?

Как много «потому что»...

Кто-то постучал в дверь. Она затаилась. Это была секретарь.

Потом, когда они все стучали и стучали, она разрыдалась и закричала, что их опрос дурацкий и что она всё равно поставит «Да». Это не их дело!

Отречься от собственного мужа? – Никогда!

Потом постучала Нина. Пришлось открыть. И зря она это сделала, потому что они все ещё были за дверью.

Оказалось, опрос – шутка. Просто Лене попался бланк Департамента статистики...

А Лена нехотя и полушутя попросила у неё извинения под пристальным взглядом остальных. Серая кардинальша не настаивала на прощении и всё время барабанила ногтями по пластиковой папке с зажимом.

И странное дело, когда пальцы Елены остановились, она увидела, что ногти той необыкновенно длинные и на каждом из них нарисован домик в зимнюю пору, занесённый снегом, и даже дым поднимается из дымохода.

Чудеса! Даже дым из трубы! Хотя чему удивляться? Ещё в детстве она, рисуя свои домики на новогодних картинках, понимала, что если домик зимой будет без дыма, поднимающегося над крышей, или, если это вечер, а крошечное окошко не будет освещено, то это значит, что дом брошен или людям в нём холодно...

Конечно, она всех прощает и просит извинения у них за свою излишнюю эмоциональность. Да, она так и сказала.

Дмитрий ЖДАНОВ

Родился в 1976 году в г. Пятигорске. Окончил среднюю школу, а затем академию госслужбы. Первым местом работы были подготовительные курсы для абитуриентов, затем стал помощником адвоката, а после работал в Территориальном управлении Минимущества РФ. В настоящее время трудится в сервисном центре по ремонту электроники. Писать начал в 2009 году.

СВЯЗЬ

Мужчины и женщины – это две планеты. Мы никогда не поймем друг друга. Мы – полная противоположность. Именно поэтому у нас и рождаются дети. Мужчины живут в среднем на десять лет меньше. Так кто тогда из нас слабый пол?! Кого надо оберегать и лелеять, если поставить себя на место беспристрастного арбитра? Думается, одна из внеземных цивилизаций завезла на нашу Землю женщин, а другая – мужчин. Они же, по-видимому, и стравили нас здесь. В общем, настоящая война полов... Эх, если бы им, белокурым, рыжим и темным созданиям научиться понимать нас... И любить. Насушно и каждодневно. Любить каждого из нас. Страстно и безотчетно. Стараться нас удивлять. Читать, уметь, менять свое поведение и импровизировать. Удивлять и еще раз удивлять... Всегда и везде. Даже при мытье посуды... Оставаться непокоренными и до конца непознанными... Мы бы им никогда не изменяли! Всё, что делают мужчины, – это ради женских глаз!

А как же эти самые десять лет, украденные у сильного пола, спросите вы, – алкоголь и табак? Это все из-за стрессов, отвечу я. И недохваленности. Хвалите, дамы, нас всегда и везде, будьте нашими Музами с детства и до старости. Не жадничайте на комплименты, ведь мы их зачастую не жалеем для вас. Врите нам, что мы красивы, мужественны и брутальны. Врите нам, что без нас мир рухнет. Не клянчите, не удерживайте нас чувством долга и детьми, а хвалите и врите, врите, врите... И мы, в конце концов, станем такими. И перестанем читать в туалетах книги и газеты, проводить время в гаражах или задерживаться на работе. Нам не понадобится больше прятаться от вас.

Вот с такими размышлениями я коротал свою рабочую смену. Я окончил факультет философии, но общество в современных философах не нуждалось. Поэтому работать приходилось простым дежурным инженером в одной известной компании – операторе сотовой связи. По состоянию на сегодня я знал точно, что влюбился, да еще в жену одного своего хорошего приятеля. Может, это и послужило причиной вышеописанных раздумий. А может, мои неудачи на писательском поприще. Дело в том, что я написал несколько рассказов, где исподволь затрагивал тему женского характера. Это хобби было второй стороной моей жизни. Теперь приходило осознание, что я был абсолютно бездарен. Более тысячи прочтений за год в Интернете на разных сайтах и десятков, каких бы то ни было, откликов, разве это результат? Ни восхищенности, ни критики... И ни одной влюбленной почитательницы. Я уверился, что меня читает либо толпа бездумных домохозяек, либо вообще какой-нибудь литературный робот, настроенный на поиски и выбраковывание рекламных рассылок во всемирной сети.

Часы показывали приближение конца смены. Работа была однообразной, но зачастую интересной. В мои обязанности входило следить на мониторе компьютера за базовыми станциями, по-простому, антеннами нашего оператора, и не допускать перегрузок. Просто каждый мобильный телефон связан с определенной приемной антенной, а их расставлено по городу немало. Если абонент перемещается, то и сотовый, соответственно, «перескакивает» или «перецепляется» к разным антеннам, расположенным от него как можно ближе. Бедой были праздники, когда весь люд съезжался в центр для массовых гуляний или на футбол. Тогда ближайшая станция, вместо обслуживания тысячи сотовых телефонов, получала наплыв до трех-четырех тысяч абонентов. Понимая, что она вот-вот «рухнет», то есть прекратит работу

из-за перегрузок, я должен был срочно вручную переводить обслуживание «лишних» телефонов на соседние антенны. Но такие коллизии случались нечасто, поэтому хватало времени следить за перемещениями моей женушки в течение дня и, конечно же, новой пассии. Программа в моем рабочем компьютере даже показывала расстояние от любого абонента до антенны в метрах, поэтому если две моих женщины, не дай бог, встретятся в мое отсутствие, я увижу это первым.

Номера абонентов на мониторе беспрестанно изменялись, одни замещались другими. Если это случилось очень быстро, можно было догадаться, что телефон путешествует с хозяином в автомобиле. А вот два номера со схожими координатами перемещаются в зоне радиосигнала достаточно медленно, может, влюбленная парочка не спеша прогуливается под ручку. Я любил такие размышления, представлял жизнь и быт людей, чьи сотовые отображались на экране. Некоторые из них уютно улеглись спать вдвоем, их аппараты лежат рядышком и неподвижно ждут утра. Другие ссорятся из-за измен и прячут свои телефоны в разных комнатах. А вот телефон переделан под охранную сигнализацию для какого-нибудь мелкого магазинчика. Он там навечно. И дай бог, чтоб не зазвонил тревожно...

Городские антенны я недолюбливал, приходилось много предполагать и фантазировать. А чего вы хотели? Я же философ, я мыслил всегда и обо всем происходящем вокруг. То ли дело вышки, расставленные за городом, вдоль федеральной трассы. Там я мог быть более точен в своих выкладках. Вот с одинаковой скоростью двигаются тридцать номеров – ага, это автобус из Москвы. И спустя секунды на другой базовой станции те же тридцать номеров, значит, двинул на юг, к морю. Я хорошо знал те окрестности. Умники-дорожники умудрились поставить светофор на автомагистрали, прямо в чистом поле. Рядом ни сел, ни жилья. Правда, коммерсанты сразу же поняли всю выгодность ситуации, и через месяц здесь уже появились платный туалет и чебуречная. Стали останавливаться путешественники, и я мог подробнее изучать их номера. Ага, вот опять автобус: восемь сотовых – москвичи, четыре – Пенза, пензюки, значит, три номера – французы. Что, им там своего моря не хватило?

Вы, конечно, скажите, что все это изучение – блажь бездельника, но не тут-то было. Зарабатывание денег было третьей стороной моей жизни. Особенно если у меня вместо одной женщины появлялось две. Я проявлял повышенное внимание к данному квадрату местности, как Кусто к своим рыбам, но отнюдь не из высоких гуманистических соображений. Я терпеливо смотрел и ждал. И то, что случилось примерно раз в неделю, случилось и сейчас. Автобус остановился, пассажиры вышли, перекусили и поехали дальше. Но не все. Один номер так и остался на своем месте, где-то у закуской. Теперь был мой выход. Я передоверил свой монитор товарищу и прыгнул в машину. В продолжение пути я гадал, как этот пассажир-растеряха именно выронил свой телефон, какая будет модель и сколько я завтра выручу за него, сдав барыгам-перекупщикам. Все было, как обычно, и я уже почти потирал руки в предвкушении шальных денег.

На стоянке перед закуской было безлюдно. Только дорожники в оранжевой форме заканчивали залатывать выбоину в асфальте. И никаких признаков потерянного сотового. Я обшарил все кусты и закоулки вдоль и поперек, но тщетно. Прямо мистика какая-то. Конечно, неудачи на моем поприще случались, телефон мог найти и кто-то еще, но это был редкий разворот событий. Скорее всего, поступил входящий звонок, и тогда его точно обнаружили. Взбешенный, я вернулся на работу. Кинув взгляд на монитор, я озверел еще больше. Телефончик преспокойненько лежал на своем месте. В восьмидесяти метрах от нашей антенны.

Я схватил операторскую карту местности и попробовал прикинуть местоположение моего «потеряшки» поточнее. Но получался полный абсурд. Он должен был находиться там, где я видел дорожных рабочих, то есть прямо на асфальте, у светофора. Его там не было, я помнил. Да и как бы он уберегся от цепких мозолистых рук «королей асфальта» или от колес проезжающих грузовиков? Для меня это было загадкой.

Я с трудом дождался конца смены. Был очень уставшим. Я пятьсот сорок восемь тысяч раз пообещал себе никуда не ехать, но вскочил в машину и помчался опять к светофору. Результат был тот же. Пусто. Неужели высокоточная техника дала сбой? Я двинулся домой отдыхать, по пути уверяя себя, что к следующей смене сбой устранился сам собой и я не увижу этого злополучного дразнящего номера у себя на мониторе. Ну а если я совсем ослеп или телефон попался невидимый, то батарейка его через три дня точно сядет и мои нервы более не пострадают.

Трое суток пролетели быстрее, чем я рассчитывал. Любовная эйфория поглощает время, как океан – «Титаник», ласково и быстро.

Вышел на работу я в прекрасном и бодром расположении духа. Правда, оно улетучилось, как только я

взглянул на свой рабочий дисплей. Этот чертов номер опять маячил у меня перед глазами. Я договорился сам с собой больше не нервничать и собранно доработать смену до конца...

Разумеется, после работы я отправился к проклятому светофору. Уходя, мне удалось попутно стащить полную распечатку данных на этот телефонный номер. Никто не звонил на него, что уже являлось странным. Неужели хозяин не кинулся пропажи? А заодно у него нет друзей, жены, тещи и детей??? Немыслимо.

Подъехав на своей старенькой «Ладе» к чебуречной, я решил использовать последний способ. Придумал позвонить на телефон и еще раз поискать, чем черт не шутит. Вдруг услышу его мелодию. Я остановился поодаль от светофора и приготовился. Серебристый комфортабельный «Неоплан» с курортниками терпеливо дождался зеленого света и шумно дышал кондиционером, как разгоряченная лошадь. Одна-две секунды, и он сорвется с места, унося пассажиров к теплому морю, подальше от меня и средне-русских пейзажей. Прочь от лесов, полей и рек к горам, солнцу и воде. Маленькая девочка, лет пяти, в окне автобуса с интересом разглядывает меня с ног до головы и думает, видимо, о том же. Неожиданно она высовывает язык и строит мне невообразимые гримасы. Я понимаю, что до «зеленого» остаются считанные мгновенья, а мне пора приниматься за свои примитивно-приземленные делишки. Сейчас автобус уберется, а я размеренно и тщательно еще раз обшарю все вокруг. Я, все еще в задумчивости, достаю свой телефон, набираю номер «потеряшки», «Неоплан» трогается, и в этот момент все сотрясается оглушительным взрывом. Меня отбрасывает в траву, и я не успеваю увидеть, как эта серебряная машина превращается в груды мелких кусочков металла и кровавой плоти...

Очнувшись в палате, я узнал от гнусавого врача, что родился в рубашке:

– Эти террористы совсем обнаглели, уже закладывают фугасы под асфальт, прикидываясь дорожными рабочими. Взрывают дистанционно, звонком по телефону... Тридцать восемь загубленных жизней разом. Куда смотрят спецслужбы? Неужели никто об этом не знал? А если знал, то почему не сообщил, не предотвратил? Как по нашей земле ходят такие чудовища??? Ну да ладно, хоть вы живы, значит, вас бог защитил, значит, у вас светлейшая душа. Поправляйтесь ... кстати, а вот и ваши дамы.

Я с трудом веду глазами туда, куда он показывает, и вижу полный набор моей сексуальной и платонической жизни последнего времени в облике двух моих любимых женщин. Но меня они теперь абсолютно не интересуют. Меня волнует только та маленькая девочка из автобуса, которую я убил...

Отпуск

Наступило холодное и дождливое лето. Добрую половину этого прекрасного времени года я провалялся на работе, а в конце июля был одарен работодателями сорокапятисуточным отдыхом от них же. Сами представляете, как тяжело работается, если шеф – полный придурок. Я был одинок, все мои меркантильные девушки такого зануды, как я, давно и без сожаления бросили. Поэтому, не обремененный особо домашними делами, я стал почти все свободное время проводить с подростками. Мне это доставляло большое удовольствие. Они мыслили нетривиально, и их поведение могло бы многому научить даже бывалых взрослых. Вообще, дети – это цветы жизни, плоды воспитания и корни проблем одновременно, придумал я очередной афоризм.

Утром после завтрака я обычно отправлялся прогуливаться по детским площадкам в своем районе. Внимательно оглядывал по большей части загаженные дворы многоэтажек в надежде найти скопление детей. И предпочтительно, чтоб это были именно подростки. И предпочтительно, чтоб это была большая масса – несколько человек и более. Так я не вызывал подозрений и завязывать с ними знакомство было куда проще. Зачастую я являлся на баскетбольную площадку с мячом, купленным в дорогом магазине спорттоваров. Садился на лавочку и терпеливо ждал. Делал вид, что жду свою, взрослую компанию, чтобы поиграть. Нарочито часто и картинно поглядывал на часы. Зевал... Конечно же, этот способ работал. Рано или поздно ребята предлагали поиграть за одну из команд, но иногда просто просили вожака мяч. В следующий раз я приносил с собой вместо мяча современной игровую приставку, клал на колени и битых два часа играл в «стрелялки». А потом обращался к кому-нибудь из мальчишек якобы за помощью в непонятных мне опциях и настройках. И это срабатывало на «пять с плюсом». Через полчаса я был уже облеплен ребятней и был почти их лучшим другом. Все это помогало не только быстро познакомиться, но и адаптироваться в их среде. Правда, девочки и детишки до одиннадцати лет меня не интересовали, а попросту даже мешали продвижению к цели. Но это, как говорится, было «издержками производства». Зато вскорости я уже был «своим пацаном» почти во всех окрестных подворотнях и на пришкольных стадионах. Всё чаще детвора доверяла мне даже свои самые сокровенные тайны. Чей отец

беспобудный пьяница, чья мать трижды выходила замуж, чем болеет бабушка... Я становился всё более посвященным в их обыденную жизнь и дела.

Примерно до обеда я плавно передвигался из одного двора в другой, от одной детской площадки к следующей. А позже отправлялся домой и тщательно анализировал свой «улов», разбирая детали встреч с детьми, запоминая особенные моменты общения и их привычки. Я крайне осторожно взвешивал, с кем из них можно было выстраивать достаточно долгие и крепкие отношения. Внешность моих подопечных меня беспокоила мало, в этом возрасте все они были красивы и телом и душой. Однако определяющими качествами для меня были умственная развитость детей, желательно «не по годам», а также умение хранить тайны. Прекрасно, если их родители позволяли им играть сколько угодно. Даже до ночи. И еще более прекрасно, если не спрашивали, где пропадало их чадо.

Я понимаю, во многих мои откровения сейчас вызвали волну возмущения, а быть может, и ненависти. Но со своими читателями надо быть откровенным до конца. Ваше дело, как относиться к этой моей исповеди, но я думаю, что утаивать некоторые стороны своей личности или свои странные поступки было бы куда большим преступлением. Правда важнее любви, так зачастую я говаривал сам себе.

Короче, после полуденного отдыха я отправлялся на продолжение поисков. Путь мой на этот раз лежал в сторону игровых салонов, в общем, подвальчиков с компьютерами, где подолгу засиживались ребяташки. Я и сам лет десять назад бывал в таких, с позволения сказать, заведениях. Собирались с друзьями-студентами впятером и арендовали компьютеры на всю ночь, чтобы поиграть одной командой. Сейчас домашние компьютеры стали доступнее и стоят почти в каждом доме, зато и походы в такие подвальчики сегодня сильно подешевели. Что может заменить подростку удовольствие играть в одном зале с товарищами, коллективно уничтожая каких-нибудь пришельцев, а заодно покуривая сигарету и громко матерясь? Время, я по себе знаю, в таком месте пролетает очень быстро, адреналин так и перетекает по организму. Бывает, один-два беспризорника в таком салоне и живут, по крайней мере, им это больше по душе, чем шляться по вокзалам и чужим дачам. Кто сигареткой угостит, а кто бутербродом подкормит. И развлечения вот они, под рукой. Правда, такие «постояльцы» чаще всего еще моют полы в игровом зале, а также бегают по заказу за куревом и пивом. Что ж, тоже занятие.

Через некоторое время я взял напрокат в одном из подобных залов четыре более-менее приличных компьютера на месяц. И, окончательно освоившись в игровой среде, стал приглашать в гости некоторых понравившихся мальчиков. Попутно я оснастился и полной коллекцией нравящихся им игр и фильмов. Приходилось тратиться также на угощения. Пиво и сигареты, конечно, я им не покупал, а вот чипсов, шоколадок и конфет – сколько угодно. Само собой, я продолжал вербовать своих «гостей» на спортивных площадках и во дворах. Основным требованием была полнейшая конспирация, я долго колебался, подбирая кандидатов в таком щепетильном деле. Даже моим соседям не следовало знать о моих занятиях, поэтому мальчуганов я педантично инструктировал.

Меня все больше поглощал мир детей и их интересов. Я даже заплатил вполне приличную сумму одному знакомому программисту по имени Слэш, чтоб он кинул все свои хакерские силушки на разработку новой компьютерной игрушки-стратегии. Требовалось скомпоновать несколько ранее придуманных игр в одну большую современную военную стратегию. Уж очень мне хотелось предстать перед своей юной и почти влюбленной в меня публикой таким всемогущим, которому даже игру новую изобрести по плечу. Я пришел к неврастеничному Слэшу, примерно рассказал, как должна выглядеть моя «крупная войнушка», сколько участвует стран и войск и где расставлены вооружения. Через три дня эта скелетообразная бледная личность со впалыми и кроваво красными глазами, высунувшись в полуоткрытую дверь, выдала диск с записью, которая мне требовалась. Из его квартиры несло электромагнитным излучением и радиацией. Держу пари, в его жилище можно было найти никак не меньше десятка системных блоков... И они могли быть все включены. Бешено крутящийся электрический счетчик на лестничной клетке свидетельствовал о том же. На секунду я задумался и ужаснулся, в кого превратилось это самое лучшее творение Бога, оттого что в общении с виртуальным миром не знало меры. Я спешно ретировался... Хакер получил двести долларов, а я – непререкаемый авторитет среди юношества. Теперь и меня стали всё чаще звать «порубиться в войну», благо, времени у меня свободного было хоть отбавляй. Играть мне в принципе нравилось. Радовало и то, что не надо было куда-то таскаться, захватывающие компьютерные боины происходили в моей собственной квартире. Новая игра, как водится у детей, на короткое время целиком захватила их. Ребята с упоением меняли тактику и стратегию боев, использовали то ядерные ракеты, то

танки, легко перегруппировывали войска, ведя несколько войн одновременно. «Игрушка» получилась живой и «затягивающей». Мой реноме росло, и я был рад.

К сожалению, отпуск пролетел слишком быстро. Конечно, я получил «тридцать три удовольствия», как выразилась бы моя мама. Но все равно отдых был чертовски короток. Утром в первый рабочий день я вошел в кабинет шефа и швырнул ему папку с бумагами на стол.

– Майор, что ты себе позволяешь? Что это? – заорал он.

– Ничего особенного, просто предельно точные симуляции боевых условий, всё выверено и обкатано тысячу раз. Компьютерное моделирование. Диск тоже внутри, в папке. Я на это потратил весь свой отпуск. И двести долларов! И чуть педофилом не прослыл! Не то что ваши эти пластмассовые кораблики и самолеты, – и я презрительно указал на распростертую карту мира на его столе.

– И какие у нас несостыковки могут быть по сравнению с твоим этим ноу-хау? – язвительно начал он.

– Любые. Их много. Ракеты нацелены не туда, куда нужно, подлодки плавают не там, где требуется, казармы и те не на месте стоят. Мы все проиграем в случае войны. Быстро и сразу. Я все проверил и убедился воочию, я видел, как нам настанет конец при существующей на сегодня расстановке сил.

– Ты, майор, если перепил вчера, иди, проспись или что, я всех своих генеральных планировщиков вместе с аналитиками повыгонять должен? – продолжил мой шеф в два раза громче.

– А почему бы и нет? Они точно не справились со своей работой. За что им годами отпиливали кусочек государственного бюджета??? Отбирая у детских домов...

– Ты, майор, забываешься, может, сам уволишься ко всем чертям? Ничего я менять не собираюсь, фигней не занимайся!

– Ну и уволюсь, – психанул я, – все равно дольше проживу.

– Отчего же это? – заорал генерал-полковник мне в спину, когда я направился к выходу.

– Сам поймешь, да поздно будет, – пробурчал я.

– Куда пенсию тебе высылать, в Крым какой-нибудь или еще в какое безопасное местечко двинешь, раз веришь в свою ахинею? – голос шефа окончательно перешел на крик. Но ответа он не удосужился, я был уже далеко. Коридоры Генерального штаба России были отнюдь не короткими.

– В Новую Зеландию, в бункер, – сказал я сам себе, шагая в последний раз по ставшему мне родным зданию. Моя компьютерная игра-симулятор показала, что там, посреди океана, в случае ядерной войны всё живое исчезнет в последнюю очередь.

Через некоторое время мне удалось снять клеймо «не выездной» с моих документов. Я купил билет на самолет до Веллингтона и отправился туда. Уж слишком часто различные провидцы уверенно заявляют, что человечество на планете уничтожало все живое, включая себя, не один раз. И что мы – седьмая цивилизация на Земле. Значит, будут ещё глобальные войны. А мне хотелось бы иметь больше шансов на выживание и быть подальше от места событий. Хотя бы некоторое время.

«Укуси меня!»

Шёл 2010 год. Лучик утреннего солнца заскользил по подоконнику и упёрся в голубые обои.

– Милый, просыпайся! На работу опоздаем! – это был голос моей жены Елены. Что ж, утром просыпаться я, как и все, конечно же, не любил, но её ласковый голос вместо трелей будильника просто обезоруживал.

Мы с Еленой были прекрасной парой. Правда, её недоумок-воздыхатель частенько закидывал любимую душераздирающими телефонными сообщениями, дескать, Елена – верх доброты и покладистости. Он любыми путями хотел ее себе... Но я и бровью не поводил. Сильная ревность – удел слабых мужчин. Или к сильной любви небеса всегда в придачу посылают и сильную ревность? Точного ответа я не знал. Даже дожив до своих тридцати трёх лет... Изо всех сил стараясь не распрощаться с остатками сна, я кутался в теплое одеяло и играл роль ворчливого медвежонка.

Семейная жизнь наша с Еленой была спокойной и уютной. Она преподавала в государственном университете, вела кучу факультативов, а стало быть, общались мы редко и личная жизнь страдала... Я видел ее засыпающей, она поутру видела лишь мое пробуждение. Плюс несколько минут за завтраком, плюс совместная поездка до работы. Времени вечно не хватало... Еще этот кружок по изучению аномальных явлений она недавно взяла себе в нагрузку... Я уже забыл, когда мы последний раз беспечно и бесконечно ласкались в постели. Обычная семейная пара, сводящая концы с концами и надеющаяся, что «дальше будет лучше». Обычная пара в стране, поставленной на колени правителями. Эх, если б под-

нять из гробов всех, кто проливал кровь, погиб за то, чтоб дальше было в самом деле лучше и отправить к этим верхушечным сволочам, за ответом... Дачи и «Мерседесы» есть у всех из них, а дорог приличных даже, уроды, в двадцать первом веке не построили... И ради собственного жилья приходится работать как вол, тратя на это драгоценные часы короткой и брэнной жизни. Вместо того, чтобы дарить бесконечную теплоту окружающим людям. Я любил ее нежно и безрассудно, хотел уберечь от всего. Ну и впрямь не виноват же этот ласковый и милый цветок, моя жена, что родилась в заплеванной и распроданной стране, где ученый получает меньше прачки? Зарплата нам почти хватало на проживание, а раз в год мы отправлялись даже к Чёрному морю, в самый дешевый пансионат. О Турциях и Египтах в силу моей работы и дороговизны путёвок приходилось только мечтать. Но мы были счастливы.

Каждое утро я, по обыкновению, довозил Елену до института и мы горячо целовались. Не берусь описывать состояние природы и погоды в этот момент, оставляю это Паустовскому и Толстому. На том свете мы с ними непременно подискутируем. Для меня определяющим словом является «целовались».

Высадив жену, я, как уже писал, отправлялся к себе на работу. Я служил в правительственной охране и про жирование властей и их прелюбодейство знал не понаслышке. Служащие первого кольца охраны непосредственно являлись телохранителями и при любых обстоятельствах должны были находиться рядом с главой государства или правительства, в том числе и на переговорах. Я же трудился во втором кольце охраны высших лиц страны. Моим долгом было подстраховывать ребят из первого кольца. А когда происходили важные государственные встречи, я охранял ближние подступы к резиденции или к залу переговоров. После деловых обедов и до них мне приходилось приглядывать также за обслугой и официантами во время уборки помещений и сервировки столов. Всё было обычно, обыденно и тысячу раз пройдено. Жизнь текла размеренно и однообразно, как Темза в Лондоне. Никаких тебе перипетий и приключений. Возможно, именно такой и должна быть совместная жизнь интеллигентной интеллектуалки с полусекретным государственным телохранителем?! Однако изменения, как всегда, пришли неожиданно.

В один из субботних вечеров где-то в середине сентября мы с товарищами собрались в кабаке с пафосным названием «Кентукки», дабы отметить появление пары звезд на кителе сослуживца. Наша форменная одежда из-за специфики работы по большей части любила висеть дома на тремпеле. Это было даже полезным – надевая её два-три раза в год, ты явственно ощущал, как увеличивается животик или растёт бицепс. Но сегодня был именно такой день для виновника торжества. Он восседал, как говорится, «при параде», в иссиня-черном и совсем незаношенном мундире с несколькими знаками отличия и парой медалей. Три скучающих проститутки у барной стойки приняли нас за почтальонов, отмечающих получение премии, и поэтому не донимали. Что ж, с такой напряженной работой у нас случалось крайне мало поводов совместно предаться пьянству. Теперь же мы расслаблялись впервые за несколько недель, и, что вдвойне приятно, коллективно. Угощения были отменными, спиртное всё более отрывало нас от реальности. Я чувствовал, что еще немного, и побегу разыскивать ватерклозет, для того чтобы по-братски приобнять унитаза. Остальные семеро товарищей также были пьяны вдрызг, с трудом шутили, ещё хуже передвигались, но смеялись и горлопанили вовсю. Тосты канули в прошлое, и, держу пари, точно не все из нас еще помнили, по какому поводу собственно собралось застолье. Неожиданно Игорь, сидевший рядышком охранник из «первого кольца», наклонился ко мне и доверительно зашептал:

– Знаешь, вот они все вокруг пьяные, да и я надрался как свинья. А между тем есть от чего пить. Я знаю такую информацию, которая на трезвую голову вообще в башке не уложится! Так-то! Ты вот думаешь, кого охраняем, кому самые секретные встречи организовываем? А, не знаешь, то-то же! Салага! Ты вон, когда огрызки со столов официанты убирают, возьми скотч, да и сними отпечатки с бокала... удивишься!

Я, конечно же, был дико заинтригован, так что даже бросил на половине поедание вкусного салата по-испански и стал ждать продолжения беседы. Даже вытер салфеткой рот и отложил вилку. Однако Игорь вдруг внезапно прервал свои пьяные откровения, осоловело поглядел на окружающую действительность и мирно захрапел, ни капли не изменив своего сидячего положения. Что ж, работа охранника научила его и не таким фокусам... Когда же его через полчаса разбудили и решили сопроводить домой, он вообще понес дикую околесицу, дескать, что знает все тайны правительства. Плохо, плохо напиваться до белой горячки и путать явь с фантазиями, сказала мне моя совесть, и через некоторое время я отправился восвояси. Узорчатые обои в спальне как назло плавали перед глазами, к горлу подкатывалась тошнота, и я в одна тысяча пятьсот шестьдесят девятый раз пообещал себе больше никогда не выпивать. Ни капли!

Утро не принесло ничего нового, кроме раскалывающейся головы и укоризненного взгляда жены.

В понедельник, как обычно, я отправился на службу. День был самый что ни на есть обыкновенней-

ший, не считая какого-то рядового совещания в Кремле. По обыкновению, мне досталось присутствие при подготовке к фуршету в обеденном зале и, позднее, охрана подступов к залу переговоров. Кто там заседал и что они делали на совещании, для меня оставалось загадкой. Может, президент, может, министры. Я не привык забивать голову такими вещами. Я был нелюбопытен и безлик, как какой-нибудь дворцовый бронзовый лев из Санкт-Петербурга. Да и то, что слишком любознательные служаки впоследствии частенько оказывались в отделах внутренних расследований и были вынуждены выворачивать мозги наизнанку перед «детектором лжи», я наблюдал не единожды. Поэтому не выпендривался. Служба наша была, повторюсь, однообразной, отупляла и, само собой, в понедельник никакого скотча я с собой на работу не захватил. Зато я захватил его во вторник. Как раз в аккурат к сверхсекретной встрече. Меня в этот раз даже поставили караулить чуть поодаль от всех переговорных залов. Меры безопасности в тот день были беспрецедентными. Но зато при уборке столов после встречи я таки изловчился и сделал то, что мне присоветовал Игорь. Заранее дома отрезал широкий кусок прозрачной клейкой ленты и наклеил его на пластиковую банковскую карту. Теперь пришло время воспользоваться этой «домашней заготовкой». Улучив момент, я отлепил скотч от пластика и мгновенно приложил к стакану, стоявшему вблизи стульев для почётных гостей.

«Дернул же нелёгкий послушаться этого олуха, – думал я про подстрекавшего меня сослуживца. – А если всё это шутики и он где-нибудь на скрытую камеру всё это записывает – и мои проделки, и мою осторожность при этом? Хорошо, если Игорь просто высмеет впоследствии, а вдруг начальство о таких манипуляциях прознает, вылечу как пробка от шампанского с государственной службы. Так и будет, вылечу, как пить дать. Может, это вообще провокация начальства, так сказать, проверка на вшивость, на желание вынюхивать тайны отечества». Я в раздумьях застыл посреди громадных столов и множества кожаных стульев, не зная, как действовать дальше. Лицо залилось румянцем. Впервые я действовал не в интересах государства, а, скорее, даже вопреки. Чертовы психологи, тренирующие нас, что-то, а грамотно врать, не теряя самообладание, они нас точно не учили. Разведчиков, видимо, учили, а нас-то зачем? Проще уличать будет, если чего-нибудь напортчим, ответил я себе.

«Эх, была не была», – сказал мой внутренний голос, а я достал из кармана ещё четыре таких же банковских карты со скотчем и проделал вышеописанную операцию ещё с четырьмя стаканами. Так сказать, чтоб иметь полную «картину дня». Я люблю всё делать качественно и наверняка. Если уж стану посмешищем, то хоть провокаторы не заявят, что стаканом ошибся. И хоть морду этому шутнику набью с полным основанием напоследок. Смеется тот, кто смеется без последствий, перефразировал я расхожую фразу.

Убравшись из зала, я весь остаток дня пытался скрывать нервное напряжение и вести себя как можно обыденнее. Иначе сам себя выдать могу, что будет в итоге ещё комичнее. Тут ведь в здании Кремля, куда ни плюнь, попадешь в секретного сотрудника, натасканного в психологии и проницательности, как акула на кровь.

Придя домой, я с деланным безразличием отдал слепки на скотче Елене, чтоб она в университетской лаборатории провела соответствующий анализ. Правда, на ее расспросы по поводу происхождения сих образцов отшучиваться пришлось весь оставшийся вечер.

– Что это всё-таки? А, милый? Отвечай любимке! Ох, нехороший мальчишка, быстро признавайся, где взял? – наружу прорывалось обычное женское любопытство.

– Да так, делегация из Италии была. К ботинку их посла прилипло. Вот если марку обуви в твоей лаборатории узнают, то себе такие же боты куплю, – как можно ровнее парировал я.

Последующие дни тянулись опять томной чередой, мы с Еленой посвящали себя работе и немного друг другу. Всё снова было размеренно и спокойно. Листва на деревьях потихоньку желтела и ёжилась. Конфузливо сжималась, можно сказать, стыдилась за неминуемо последующую затем зиму. И по большей части падала вниз, к ногам, как бы прося прощение.

Но неожиданно погиб в автокатастрофе известный уже нашему читателю Игорь. Роковая случайность. Неисправные тормоза в автомобиле, от этого ведь никто не застрахован. От судьбы не уйдешь, да и морду ему уже не набьешь, придумал я новую стихотворную строчку в этой связи. Хотя было искренне жаль коллегу. Но вскорости на его место перевели служить меня, я стал получать больше денег и знать больше секретов. Боль утраты сменилась новыми задачами и новыми перспективами. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Прошло ещё дней десять, мы с женой прекрасно отпраздновали мой день рождения. И, как обычно, первые заморозки не дали вдоволь насладиться отдыхом на природе. Шашлык-то мы, конечно, пожари-

ли, но вот комфортно расслаживаться полдня на улице погода не позволила...

Примерно через неделю наше начальство оповестило подчиненных вновь о приближающейся «большой встрече», наподобие той, где я тайком орудовал скотчем. Само это событие было не бог весть какой новостью, такие встречи проходили регулярно, раз пятнадцать-двадцать в году, в разных странах. Но мне впервые предстояло охранять «святая святых» – сам зал переговоров. Меры безопасности и на этот раз были запредельными. Попадать охране внутрь зала после приезда делегаций строжайше запрещалось, я лишь должен был стоять у двери и впускать-выпускать президентов и премьер-министров. Однако ввиду важности такового сборища меня ещё с утра колотила дрожь. Я боялся что-нибудь упустить из виду и опозориться. Но на удивление, всё прошло гладко. Я учтиво пропустил в зал президентов Америки и Франции, а также канцлера Германии, пышечку Меркель. Потом прибыл премьер-министр Великобритании. Далее проследовал премьер Японии и Генеральный секретарь Китая. Видимо, они ехали в одной электричке из Хабаровска, поэтому и опоздали, наши восточные братья, пошутил я про себя. И заодно воочию убедился в справедливости шутки, гласящей, что у русского на лобке то же, что и у Барака Обамы на голове. Этот поджарый, но напыщенный представитель янки прибыл позднее всех. «Эх, ему бы нашего армейского старшину в наставники, мигом отучился бы опаздывать», – подумал я и доброжелательно улыбнулся самому главному американцу. Видимо, пережитые мной волнения выливались теперь в излишнюю веселость. Я немедленно приказал себе собраться и заставил мысли переключиться.

Гости рассаживались согласно протоколу и вяло переговаривались на ломаном английском. Примерно минут через десять в зале стало происходить некоторое оживление и все присутствующие стали ещё с кем-то здороваться и петь хвалебные дифирамбы. Зал при этом осветился яркой вспышкой, как будто кусочек солнца зажегся в нём. Это обстоятельство немало меня удивило, ведь на «воротах» стоял именно я, но никого, кроме вышеперечисленных гостей, я точно внутрь не пропускал. А уж с фонариками или прожекторами и подавно. А ну как, не дай бог, неизвестная личность туда неожиданно проникла, так не сносить мне головы, тревожно подумалось мне. И мощных источников света внутри, сто процентов, не было. Однако по дислокации стоять я должен был в любом случае спиной к входной двери переговорного зала, послушаться и заглянуть внутрь я, соответственно, не мог. Стало быть, оставалось только изо всех сил прислушиваться.

В зале шла дискуссия вполголоса, и до меня долетали только её обрывки. Даже толком идентифицировать говоривших не получалось. Этому мешал, конечно же, и мой слабый английский, и то, что разговор вёлся местами почти шепотом.

– Нам не очень нравится ситуация на так называемом Ближнем Востоке, – начал чей-то скрипучий голос, – в пирамидах всё разграблено и растащено. А между тем они служили много веков нам как удобное средство навигации. И если мы с вами действительно готовимся перейти на новый уровень сотрудничества, хотелось бы вернуть эти сооружения и их инвентарь под наш полноценный контроль. Наши данные говорят, что часть артефактов и некоторых технических устройств присвоили власти Египта, Туниса и Ливии. И тщательно прячут. Но мы полны решимости вернуть их обратно. Мы сотрём наполовину каждую из этих стран с карты мира, а взамен они отдадут нам всё. У нас нет других методов по отношению к воришкам.

Наступила пауза, плавно перешедшая в оживленное шушуканье. Сборище явно было обескуражено услышанным, но, оправившись, стало, по-видимому, выработать какие-то решения.

- «Седьмой», ответь «одиннадцатому», как обстановка? – заорали мне неожиданно в наушник.
- Все спокойно, на посту, – ответил я шепотом далекому штабу.

Пока мое начальство «дуло мне в уши», проверяя дислокацию, я упустил нить переговоров за дверь. Теперь придется довольствоваться серединой дискуссии.

– ...уверенно заявляем, что сами можем решить эту проблему с возвращением, как вы их именуете, артефактов под ваш контроль. Вышеуказанные государства вам гарантированно все вернут. Мы обязуемся в течение двух-трех месяцев заменить все правительства в арабских странах на более управляемые и лояльные. Я, как и все здесь собравшиеся, от лица своих государств заверяю, что это лишь вопрос некоторого времени. А вот тотальное разрушение стран нам совсем ни к чему. Этим вы обнаружите свое присутствие на нашей планете перед остальными странами и населением. А это напрямую поставит под удар все достигнутые ранее договоренности о конфиденциальном общении только с главами наших семи стран. Нам не выгодно, чтобы об этом были осведомлены все жители Земли, так как это приведет к хаосу и дисбалансу политических сил. На данный момент мы находимся у рулей государства, а вот если простой обыватель узнает о вашем существовании, он начнет слушаться не власть, а захочет подчиниться

вам, как представителям более высокоразвитой цивилизации. А это в свою очередь не выгодно вам, так как вы заявляли, что Межгалактический Совет запрещает любые вмешательства, даже косвенные, в государственные дела на Земле или любой другой планете. Кроме того, любые разрушения впоследствии потребуют немалых инвестиций на восстановление, а там у наших бизнесменов имеется огромное количество объектов собственности, проще говоря, мы и так там владеем очень многим. Осталось только бескровно поменять правительства на марионеток, и все окончательно станет нашим. И, естественно, не возникнет проблем с возвратом вашего захваченного инструментария. Мы уверены! Я прав, господа? – закончил кто-то из высокопоставленных гостей.

По залу прокатился гул одобрения. Скрипучий голос выждал, а затем сказал, что согласен, и продолжил:

– Мы – за обоюдную помощь, добро за добро. Давайте придерживаться этого и в дальнейшем. Меняйте эти ваши правительства, лишь бы результат не заставил себя ждать. Кстати, в океане где-то есть у вас островное государство, так вот там скоро будет морское землетрясение и утечка радиации, будьте готовы, примерно в районе «Укуси меня».

Блин, меня начало снова распирать от смеха. Что там вообще за цирк происходит? Это наивысочайшее совещание или сброд сумасшедших предсказателей? Как можно легко и быстро поменять с добрый десяток президентов вкупе с шейхами? Может, они там предновогодние розыгрыши репетируют? Да и что за смешное название «Укуси меня»? Нет, нет в мире такого места. Ручаюсь. Геополитика в военной академии была моим самым любимым предметом. Заключительные речи и хвалебные тосты я также прослушал невнимательно, так как в уши орало начальство, поминутно инструктируя.

Вскоре встреча закончилась, и гости разъехались по аэропортам. Домой я попал почти ночью и полный раздумий. В таких думках я провел еще несколько вполне заурядных дней и в конце концов убедил себя, что по крайней мере половина подслушанного на встрече до меня дошла искаженной. Я переволновался из-за важности мероприятия. Я был не выспавшимся. Была плохая акустика. И, может, вообще это была постановочная запись, которую включили в зале переговоров, чтобы истинные перешептывания первых лиц не стали достоянием ничьих, включая охранников, ушей. Тогда картина становилась более удобоваримой и обыденной, а я со временем потихоньку успокоился. Но не надолго.

Вдруг в один из декабрьских вечеров Елена достала из сумочки все тот же скотч, про который я напрочь забыл, и приступила, как говорится, к допросу с пристрастием.

– Помнишь, милый, ты мне давным-давно давал скотч с отпечатком? Помнишь, надеюсь? А знаешь ли ты, что этот отпечаток на скотче, конечно же, принадлежит живому организму, но только на нашей планете таковых организмов не водится? – она выжидающе взглянула на ошарашенного меня и продолжила атаку. – Так, может, ты вообще не в охране работаешь, а в космос летаешь? Или с любовницами не из нашей Вселенной зажигаешь? Или мне надо поверить, что итальянские послы-модники в этом сезоне предпочитают обувь из шкур межгалактических животных?

Мне пришлось сесть. Чтоб не упасть. Ожидал, конечно, я от своего скотча многого, но уж точно не такого. Затем последовали пытки обидами и взыванием к совести. Но я не мог решиться и все ей рассказать, поэтому предложил подождать несколько дней, чтобы кое в чем убедиться. И пламенно пообещал, что посвящу её во всё, от начала до конца без утайки. На этом и порешили. Но если вы думаете, что женская память и ум – только объекты для анекдотов, то сильно ошибаетесь. Время от времени моя благоверная напоминала о моем обещании и проявляла нетерпеливость. Я же не находил себе места. Я позвонил на службу и взял трехдневный отпуск за свой счет, а сам погрузился в свои мучительные раздумья. Надо было срочно что-то предпринимать. Во мне бунтовала вся моя сущность. Все пазлы были у меня уже в руках, осталось собрать только цельную картинку. Выходит, скрипучий голос принадлежал, простите, инопланетянину? А наши правительства давно и плотно сотрудничают с внеземными цивилизациями? Но не говорят об этом нам, простым гражданам, которым они же и должны по логике служить. Правительства развитых стран узурпировали и засекретили информацию, которая должна быть достоянием общества, а сами вовсю контактируют с пришельцами? И решают узкие корыстные задачи? А моя любимая годами трудится в кружках и на факультативах, мучительно решая с кучей таких же оболваненных профессоров, есть ли жизнь за пределами Земли? И посещает ли нас внеземной разум? Эта несправедливость так взбесила меня, что я не удержался и вечером на одном дыхании все рассказал своей второй половине. Видели бы вы ее глаза! Но я пошел еще дальше, я попросил собрать через пару дней внеочередное заседание ее клуба «аномальщиков». Я жаждал там выступить. Любой ценой. Надоели

обманы властей. Пора было открыть людям правду!

На следующее утро я, по обыкновению, выглянул в окно, дабы определить состояние погоды на наличие морозов и слякотей, в общем, каверз. В доме напротив я мельком заметил в окне странного парня, который мгновенно спрятал за занавеску какой-то сложный прибор, до этого базировавшийся на подоконнике. Я даже протер глаза от неожиданности. Я даже подумал, что у меня галлюцинации, отошел на минутку в глубь комнаты, а потом резко подскочил к окну и выглянул. Этот типаж из дома напротив на сей раз спрятаться не успел, а в его чудесном приборе я узнал «прослушку» дальнего действия, для дистанционного прослушивания квартир. Она направлялась на нужные окна, и можно было услышать даже шипение чайника в кухне, не считая любых бытовых разговоров. Агент мило улыбнулся, поняв, что его вычислили, а я подумал, что ровно с такой же милой улыбкой он будет закладывать мне взрывчатку под автомобиль или перережет тормозные шланги. Если уже не сделал что-нибудь из этого. Интересно, а Игоря на тот свет отправил этот добродушный молодой человек или его напарник из той же службы, думалось мне. Теперь я точно уверовал, что в жизни роковых случайностей почти не бывает. Вот она, на этот раз моя роковая случайность в противоположном доме. Улыбается. Но надуют ей в уши определенную команду, и она заменит в мгновение ока прибор для прослушивания на снайперскую винтовку. Легко. И даже дома перед женой отчитывается, что служил государству и совершал нужные и правильные поступки. А жена-то и гордиться будет еще. Муж-герой. В специальных операциях участвует, отечество оберегает, родине служит.

На всякий случай я задернул шторы во всей квартире, и наступил полумрак.

Так, ослу понятно, игра принимала агрессивный поворот. И заодно подтверждала, что мои догадки – не бред больного воображения. Я поинтересовался серьезными секретами, теперь мной интересуются серьезные дяди. Моя осада, конечно же, для них – плевое дело. Они – настоящие профессионалы. Мне становилось дико интересно, каким же из способов меня попытаются убрать и, главное, когда. Можно пустить удушающий газ в мое жилище, можно устроить сквозняк в подъезде и пустить смертельный яд по сквозняку. Он сам всосется в мою квартиру. И у них, думается, в «домашних заготовках» найдется еще не один десяток способов меня тихо и бескровно уничтожить. Жену эти гады, конечно же, не тронут, незачем им убивать беззащитных женщин. Проще аккуратно убить меня, а ей внушить, что переутомившийся на службе муженек, например, спятил и наложил на себя руки. Такая схема разворота событий у моих противников точно имелась в запасе.

Двое суток прошли без особых изменений. Видимо, и тот уродец в доме напротив почти обжился на съемной квартире в засаде. Иногда я тайком выглядывал в окно, но его физиономия выражала скорее глухое раздражение, а никак не милую доброжелательность. Держу пари, у него чесались руки прикончить меня побыстрее и вернуться к жениным борщам и котлетам.

В пять часов вечера Елена позвонила мне и сказала, что приглашенные на внеочередное заседание факультатива по аномальным явлениям коллеги почти собрались. Торжественный зал в ожидании анонсированной необычной информации был уже заполнен более чем наполовину. До начала заседания оставался всего один час. Пора было что-нибудь срочно предпринимать.

Я вышел в прихожую и собрал старые куртки, в которых обычно выезжал на рыбалку. Сложив тряпье в кучу у входной двери, я облил его подсолнечным маслом и поджег. А сам неспешно закурил, присел рядышком с начинающей пылать кучей и принялся обдумывать рискованность своего поступка. Умирать между тем совершенно не хотелось. Или уж хотелось, но только тогда, когда мне будет это нужно. В общем, по моим правилам, а не по желанию штабных тугодумов. Хотя бы с пользой и за идеалы. Но я не увидел других перспектив и поступил именно так. Я понимал, что специальные агенты могут в любой момент ворваться в квартиру и всадить пару контрольных пуль, чтоб я гарантированно сгорел вместе со всем своим скарбом. Или запустить все тот же яд или нервно-паралитический газ. Пожар вполне мог невольно спровоцировать моё досрочное убийство. Тогда прощай моё выступление и разоблачение тщательно скрываемой правды. Я представлял, как в сию секунду шпик, несомненно, дежуривший в моем подъезде, докладывал «наверх», что в моей квартире пожар. Также представлял, как недоуменная морда какого-нибудь генерала в оперативном штабе принимала изумленное выражение, дескать, запертый в конуре правдолюб и борец с системой сам себе заткнёт рот самоуничтожением? Так это ж подарок! Это им было точно на руку! Версия про самодура и психопата принимала тогда очень даже реалистичные очертания. Без шума, как говорится, и пыли. Полное и бесповоротное решение проблемы. Бескровное, к тому же. И явственно светящая впереди медалька за службу. Да, я им здорово удружил. Полностью поиграл за их команду...

Дыма становилось все больше, и спустя пятнадцать минут в дверь яростно забарабанили. Мой расчет подтвердился – соседи вызвали спасателей. Благо, и я не отставал от всяких там министерских стратегов и, естественно, имел собственный план. И он работал! И я начинал отыгрывать назад свои очки! На пороге стояли полностью экипированные пожарные. Так радостно я не встречал даже девушек на свиданьях. Всё, теперь был мой выход!

Через три минуты я уже спускался в форменной одежде огнеборца во двор. В таком обличье я имел все шансы быть не узнанным. Покрутившись для вида около автоцистерны, я без излишней спешки ретировался во двор соседней пятиэтажки и затаился в подворотне. Во внутреннем кармане куртки, доставшейся от нокаутированного мной пожарного, я нащупал мобильный телефон и набрал номер службы спасения. Я сообщил, что горит на этот раз университет, где преподавала моя супруга. Сам же, выбравшись из укрытия, перешел на параллельную улицу, поймал такси и отправился тоже в сторону университета. К моему приезду растерянные пожарные уже дважды обошли все здание в поисках возгорания. К этой толпе примкнул и я. А когда эвакуированных временно студентов и преподавателей начали снова потихоньку запускать в аудитории, мне удалось безо всяких подозрений попасть в торжественный зал в аккурат к открытию заседания. Совесть мучила только за валявшегося в моей тесной ванной нокаутированного пожарного, впрочем, я думаю, его уже давным-давно спасли и одели. Нехорошо как-то среди белого дня нежиться в чужих удобствах, да еще и голышом! И пялиться на выстиранные и развешанные трусики моей жены!

Секретарь заседания объявила мое выступление, и я вышел к трибуне. Я объяснил, кто я и где служу, представил публике отпечатки со скотча и даже пересказал часть разговора, услышанного на сверхсекретном совещании. Я наблюдал, что примерно половина присутствующих мне искренне поверила, а вторая оставалась непримиримо скептически. Я думал, это почти победа, завтра же про мое выступление пронюхают средства массовой информации, начнется расследование. При должной настойчивости мои факты непременно подтвердятся, и люди узнают несправедливо от них утаенное. Но тут я ляпнул это «Укуси меня», чем поверг зал в хохот, а лица большинства сидящих вернули недавнюю маску недоверия. Всё, кажется, теперь я проигрывал... Я, волнуясь, хлебнул воды из стоявшего на трибуне стакана и потерял сознание. По-видимому, к этому событию были готовы заранее только несколько коротко стриженных людей в строгих костюмах, похожих друг на друга, будто они игрушечные солдатики из одного набора. Эти безликие людишки меня подняли и, перенеся в автомобиль, увезли в больницу на окраине города.

Прошло четыре месяца. На Ближнем Востоке произошли события, названные впоследствии «арабской весной». Там почти во всех государствах сменились правители. И случился выброс радиации на атомной станции в Японии, в районе под названием Фукусима. А все, видевшие мое выступление когда-то в зале университета, со временем точно осознали, что «Укуси меня» есть ничто иное, как эта Фукусима. Просто не расслышал я однажды. Такое случается. Теперь же мои прежние слушатели иногда собирались у ворот психлечебницы и требовали, чтоб меня отпустили на свободу. Даже скандировали. Даже плакаты писали в мою защиту...

А я так и не узнал, что означало словосочетание «Укуси меня». А если б и узнал, то наверняка бы не понял. Больше всего на свете я любил санитару Серегу. Он меня почти не бил и позволял сколько угодно играть в разноцветные кубики. Я же со временем совсем перестал мочиться в кровать, научился ходить в судно, за что нередко получал лишнее печенье на ужин.

Сергей ГОРА

Родился и учился в Ленинграде. Окончил ЛГУ. Филолог-лингвист. Имеет учёную степень из СПбГУ, а также ряд научных публикаций в США, куда переехал как приглашённый специалист. Постоянный прихожанин русских православных церквей. Известен как один из первых и наиболее удачливых постсоветских менеджеров потребительского рынка СНГ, а также как один из первых русских ведущих телевизионных ток-шоу. Стихи пишет с юности, хотя никогда не ставил перед собой задачи их коммерческой публикации. Многочисленные читатели и слушатели его стихов называли его поэзию летописью конца XX – начала XXI века, написанную истинно русским человеком, уникально оставшимся неангажированным какими-либо властными или корпоративными структурами.

Русские глаза

Дурманя и грозя
Назвать рабом героя,
Верша собою суд,
То радуют, то злят.
Мне русские глаза
Секретов сонм откроют,
Поманят-позовут
Игрой шальной во взгляд.

Пощады не проси,
Когда слова излишни,
И радужный заряд
Стук сердца шлёт рысцой.
То синие, как синь,
То карие, как вишни,
То жгут, то веселят
Игривой зеленцой.

Двуокий огонёк –
Лучи ресниц девичьи.
Не долговзгляд миг,
Но вечен свет очей.
Пусть многим невдомёк:
«Мол, в чём тех глаз величье?» –
Я не отвечу, – их
Мне не сравнить ни с чем!

У карты на лице
Заморских ликов веси.
И там, где к счастью путь,
Чужих красавиц трон.
Их взор – как в холодце,
В оттенках бледных смеси.
И снам не заглянуть
За холод глаз в нутро.

Но русские глаза –
Они насквозь просветят.
Топограф, не туши
На карте гости знак.
Пусть взглядом поразят
Лучи туман бесцветий, –
Не злость, но крик души:
Без русских глаз – никак!

То пост сулят, то пир
Во вдохновенье зримом.
И мгле российских зим
Их блеск не загубить.
Глядят они на мир
Последним Третьим Римом.
Ведь, как известно им,
«Четвёртому» – не быть...

Эх, Господи, прости
Слепых страстей курьёзы:
Одной педалью жму
На газ и тормоза.
Пусть сводит «лепый» стих
«На нет» печаль от прозы
Огнём, которым жгут
Те русские глаза!

На Брайтонском берегу Атлантики...

Закатный штиль. Известная романтика.
И крики чаек – как свободы клич...
Передо мной – уснувшая Атлантика,
А позади – шумливый Брайтон бич.

Из глубины предвечной безначальности
Восходят ноты Божьих укоризн:
Зачем вам, люди, знак национальности,
Когда есть солнце, океан и жизнь?!

Бескрайний пляж. Песок упругой манкою
Впитает всю вселенскую печаль.
Когда-то Русь для всех была приманкою,
Теперь Нью-Йорк – для страждущих причал.

Но как похожи времени различия:
Во все эпохи штителей и штормов
Наличных сумм счастливое наличие
Венчало шанс отверженных умов.

Из Петербурга иль из затхлой Вырицы,
Из-под Кремля иль из Тверской глуши –
Сюда лишь те смогли однажды выбраться,
Кто шишки жизни продал за шиши.

И вот они в одном многоголосии
Нестройным хором разных голосов
Звучат как гул дождя нью-йоркской осени
Под беглым взглядом брайтонских часов.

Ковёр толпы – причудлива людская вязь.
Шагов и жестов суетный кураж.
Рычат машины, в светофоры тыкаясь,
Среди блошинных пёстрых распродаж.

Зовут витрин неоновые кантики
В уют бистро салонов и аптек.
В закатном штиле нежится Атлантика,
А позади не спит тревожный век...

* * *

Находит, как тень, ощущение тьмы,
Едва погружаешься в желтую прессу:
Родное и некогда славное «мы»
Читается гимном уныню и стрессу.

Живи, веселись и Христа не гневи, –
Охота сказать мазохистам искусным.
Другие поют о тепле и любви,
А мы – всё о грустном...

А мы – всё о грустном...

На первой странице не платят зарплат.
Вторая грозитя убить по заказу.
На третьей привычное: «кто виноват»,
...Что видео людям приносит заразу.

Четвёртая – дряг межпарламентских грязь.
На пятой упорно вещают кликуши
Про то, как, неслышно в тарелках спустясь,
В двенадцатом Землю пришельцы удушат.

Две трети шестой – детектив-примитив,
Внизу же агитка сурового вида:

«Носите, сограждане, презерватив,
Чтоб вдруг не изгнать от случайного СПИДа!»

Ну, сколько же можно? – Погода и та
Прогнозится неурожая предтечей...
Всё больше смущает меня темнота:
Боюсь выходить из подъезда под вечер.

Повсюду на свете реальность – не мёд.
В любом государстве есть тёмные краски.
Но здравый рассудок навряд ли поймёт
Навязчивость стилия «сто первой рассказки».

С годами меняются моды людей:
Становится жизнь где свободней, где строже.
Земля – не болото застойных идей,
Но мы – всё о том же...

А мы – всё о том же...

Но вот открываю страницу «Кино».
Уж здесь-то расслаблюсь, от страха не тая.
Читаю: в России ...когда-то давно
Смеялся народ от комедий Гайдая.

...О Пушкине фильм. И о фильме статья.
(Ура, позади устрашения мифы!)
Читаю ...и снова в отчаянье я:
Три века назад он слагал свои рифмы...

Пускай меня правильно каждый поймёт,
С поэтом пример пусть не выглядит пошлым.
Планета, как поезд, стремится вперёд,
А мы – всё о прошлом...

А мы – всё о прошлом...

Но каждый читатель имеет свой нрав.
И мой – не такой, как у тихой овечки:
Я, все «аргументы» и «правды» собрав,
Швырну в «огонёк» русской матушки-печки.

От вытяжки текстов послышится свист,
Тепло разольётся волнами над полом.
Теперь наконец улыбнись, журналист,
Ведь я – о весёлом...

Ведь я – о весёлом!..

Андрей ПОЗДНЯКОВ

Родился в 1976 году в Кишинёве. В результате взрыва гранаты в возрасте 10 лет почти полностью утратил зрение. С 18 лет получал музыкальное образование на дому по классу гитары. Образование высшее (неоконченное) – Кишинёвский государственный университет, факультет истории, Теологический колледж им.Св.Апостола Павла. Пишет стихи и песни. С прошлого года издаётся в музыкально-литературном аудиожурнале «Мир творчества» (г.Луганск). Увлекается: литературой, поэзией, музыкой, историей.

Сиреневый сад

Я в сиреневый сад лунной ночью войду
и в хмельную траву, как в постель, упаду,
пропитаю я душу природой ночной,
соловья буду слушать пьянящей весной.

Я оставляю заботы, позабуду дела,
как я счастлив сегодня, что сирень расцвела!
Я вдыхать буду жадно, до самой зари
её нежную свежесть, как свежесть любви.

Не ищите меня, не зовите меня,
я хочу быть здесь пьяным – три ночи, три дня.
Я сегодня так счастлив, я сегодня так рад,
я пришёл в свой любимый сиреневый сад.

* * *

Кто пыль в глаза другим пускает
и думает, что он умней,
тот сам себя лишь обольщает
в надменной радости своей.

Ведь кто чего-то в жизни стоит,
тот занят праведным трудом.
И свет с небес к нему нисходит,
и он творит, купаясь в нём.

Тогда ни сам себя он хвалит,
но от людей ему почёт,
ведь пыль в глаза он не пускает,
он просто от души поёт.

Живите ж так на свете, люди,
как учат совесть и любовь,
тогда и свет над вами будет
и благородной будет кровь!

Попробуй верить и любить

Попробуй верить и любить,
когда не вдруг устанешь жить,
когда нет рядом никого
и сам не можешь ничего.

Пока ты жив – молись и веруй,
непросто так, не в пустоту,
ты не последний и не первый,
кому откроет Бог мечту.

Легко упасть и не подняться,
но Божий промысел не в том,
чтоб без борьбы тебе сдаваться,
ты верь и следуй за Христом.

Мечта – что с детских лет с тобою,
она от Бога, от Творца,
будь верным, следуй за мечтою
чрез все преграды, до конца.

И помни: в самый трудный час,
когда ты будешь одинок,
что жил Христос, один из нас,
Он верным был, Он с Богом смог.

Посвящение на уход Паганини

Заплакала скрипка, заплакал скрипач,
прощаясь навеки с любимой землёй,
и ветер в поля уносил его плач,
а горное эхо кричало: «Постой!».

Но время безжалостно к сыну земли,
и Гений уходит в прощальный гастроль,
последний закат догорает вдали,
закончена жизнь – отыграна роль.

Немногих судьба выбирает в творцы,
им послан талант Господней рукой,
они не стремятся в земные дворцы,
дороже дворцов им путь за звездой.

Я страну всем

Посвящается всем влюблённым

Вдыхая запах облаков,
я погружаюсь в них, как в воду.
Я в небесах ищу любовь,
я только в ней найду свободу.

И на высотах горных пик,
со дна поднявшись океана,
мой шепот превратится в крик
и станет эхом урагана.

Волнами выйдя с берегов,
я разольюсь до тех границ,
где мир, касаясь облаков,
нас встретит как свободных птиц.

Ты слышишь, как земля дрожит?
Всё это я, вулкан твой верный!
Ты так и знай, я буду первый,
во мне любовь к тебе горит.

Испепелю я солнцем всех,
кто встанет на моём пути.
Чтоб только твой услышать смех,
я стану солнцем во плоти!

И снежной бурей, и цунами
тебя я буду веселить!
Луной светить тебе ночами,
чтоб ты могла под ней грустить.

Песчаной бурей до небес
я буду над землёй носиться.
Я стану мастером чудес,
чтоб и во сне тебе явиться!

И ветром стану в час ночной,
чтоб к небесам до звёзд подняться,
коснувшись их земной душой,
к тебе небесным возвращаться.

И если ты, моя любовь,
от жажды будешь изнывать,
дождём прольюсь я с облаков,
тебе чтоб садом расцветать.

Навек ты свет небесный мой,
я для тебя одной живу!
И если свет угаснит твой,
то я покину эту тьму.

В тот день прославлен будет Бог!
Смирится всякая стихия.
В небесный царственный чертог
нас проведёт Святой Мессия.

Константин ВУКОЛОВ

65 лет, живет в городе Стерлитамак, Башкирия. Член Союза писателей России. Член Международного творческого объединения детских авторов. Главный редактор детского литературного портала «БрайлЛенд». Стихи печатаются в альманахах, литературных журналах для детей и взрослых в России, Германии, Украине, Белоруссии. В ЛитАльянсе «МГП ПС – Планета Рать» работает с момента образования. Арт-Админ Команды МГП ПС.

Любовь последняя моя...

Любовь последняя моя
Со вкусом терпкого муската,
Свет уходящего заката,
Осенний лист календаря.

Неугасающий маяк
Для челнока в открытом море.
Пока ты есть, не будет горя,
Сияй, лаская и маня.

Любовь последняя моя,
Тебя другой не представляю
И безоглядно доверяю,
Живу, за всё благодаря.

Мне благоденствие дая,
Была и есть, и будешь первой –
Царицей или королевой,
Любовь последняя моя.

Учат лебеди людей

Окунулось в осень солнышко,
Лужи льдинками хрустят.
Белый лебедь и лебёдушка
Дружной парой летят.

А случится нехорошее,
Вместе, рядом и в беде.
Будут небо рвать тревожные
Крики верных лебедей.

Глупых ссор, обидной ревности
Нет у гордых лебедей.
Доброте, любви и верности
Учат лебеди людей.

Речку берег уговаривал...

Речку берег уговаривал:
«Расставаться не спеши!»
Перекатами одаривал,
Прятал воду в камыши.

А другой тянулся ивами
И цветами на лугах:
«Будем вместе мы счастливыми,
Подожди, не убегай!»

Торопливая попутчица
Прожурчала на бегу:
«Остаться не получится,
И без вас я не могу».

Убегала речка верная,
Глубока и холодна.
Без её любви, наверное,
Море высохнет до дна.

Белая лебёдушка

Белая лебёдушка
Мне на счастье пёрышко
Обронила:
Проживёшь без горюшка,
Перейдёшь, как полюшко,
Говорила.

Добрая пророчица
Помнит, что мне хочется,
Не забыла,
Поле, так широкое,
Горе, так далёкое,
Чтобы было.

В жизни, что ни делаю,
Помню лебедь белую,
Ей спасибо.
Пёрышко лучистое,
Нежное и чистое
Дарит силы.

На закате млеют отмели...

На закате млеют отмели,
Вётлы косы расплели,
Берегами речку обняли
Клевера да ковыли.

В них тропинка промережена,
Разливается покой.
Тишиной иду безбрежную
На свидание с тобой.

Там, где ива наша клонится,
Задержалась у воды,
Под журчанье речки-звонницы
Позорюем я и ты.
Синий вечер заполнился,
Размечтались соловьи.
До утра им в белой рожице
Петь романсы о любви.

Грустила ива...

Грустила ива над водой,
Стояла и печалилась:
Была недавно молодой
И, надо же, состарилась.

Грустила ива, страдала ива.
Ей жизнь хотелось прожить красиво.
Любить хотела и быть любимой,
Где тот, с кем будет она счастливой.

Когда-то были с ней друзья,
Веселые, хорошие.
Вернуть обратно их нельзя,
Все разбрелись по прошлому.

Тоскует ива над водой,
Надеется, печалится,
Её любимый, пусть седой,
Когда-нибудь объявится.

Спрашивай меня!

Спрашивай меня!
Я отвечу,
Что люблю тебя
С первой встречи.
Милая моя,
Всех красивей!
Без тебя дышать
Я не в силах.

Навсегда болезнь
И леченье,
Моего ума
Помраченье.
Счастье до небес,
Даже выше.
Ты хотела всё
Это слышать?

Домой...

Я люблю возвращаться домой,
Когда прячется город во мгле,
Загорятся огни над землёй.
Я люблю возвращаться к тебе.

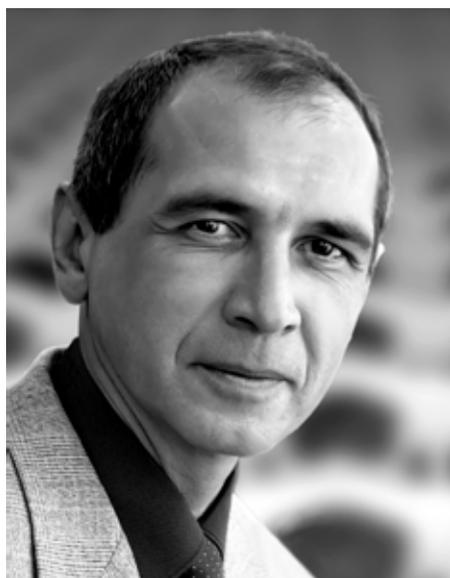
После долгого-долгого дня
Так приятно кольцо твоих рук.
Счастлив я, что ты есть у меня,
Дорогой и единственный друг.

Я спешу каждый вечер домой,
Ты встречаешь меня у дверей.
Тороплюсь любоваться тобой –
Драгоценностью главной моей.

В лунных комнатах спит тишина,
Здесь мой дом, моя крепость и тыл,
И, конечно, хозяйка-жена.
Без тебя, не пойму, как бы жил.

Александр СОКОЛОВ

Реальность

Юность, зрелость, старость –
 Рядом, как всегда,
 Время протекает,
 Как в реке вода.

И не остановишь
 Жизни нашей бег.
 Срок отпущен малый,
 Короток наш век.

В юности не ценишь
 Пролетевших дней,
 С лёгкостью пархаешь
 По судьбе своей.

А затем приходят
 Зрелые года,
 А за ними старость,
 Дряхлость и хандра.

Почему так странно
 Создан человек?
 Почему столь малый
 Нам отпущен век?

А хотел бы каждый
 Молодость вернуть,
 Жизнь начать сначала,
 Старость оттолкнуть.

Но как ни старайся
 Время обмануть,
 Рано или поздно
 Кончится твой путь!

Родился 11 февраля 1965 г. в Кишиневе. После окончания 8 классов средней школы поступил в Мурманское мореходное училище. После учебы служил на Северном флоте. По окончании службы поступил в Киевскую высшую школу милиции. Работал в органах внутренних дел Молдовы. После увольнения из МВД работал корреспондентом газеты «Коммунист», затем газеты «Независимая Молдова».

Моей супруге Марине Саражинской посвящается

Наш мир

Не создавай кумиров,
 Не веруй в божество,
 Неправда, – этим миром
 Не правит волшебство.

Сей мир не для ранимых,
 Нет и не жди чудес,
 Не будет справедливым,
 Как ночью, тёмный лес.

Он создан лишь из горя,
 В нём радости в обрез,
 В нём слёз пролито море,
 Никто в нём не воскрес!

Монета здесь всем правит,
 Кто небогат – глупец,
 Кто спит на чистогане,
 Тот истинный «мудрец».

Святых давно распяли,
 Пришёл им всем конец,
 А боги без печали
 Глядят на всё с небес.

Глядят, как миром правит
 Насмешник-сатана,
 И все ему подвластны,
 Неропчут, тишина!

Рассказывают нам сказки,
 Мол, бог сойдёт с небес,
 И жалко тех, кто верит, –
 Для всех один конец!

Правда и тьма

Мёртв при жизни – это страшно,
Просыпаюсь сам не свой,
Знать, завещано судьбою
Повстречаться с сатаной.

Он подкрался незаметно,
Словно ангел, только злой,
Поманил с собою в бездну
Своей чёрною рукой.

И неясно сразу было,
Что за путь передо мной,
Лишь ступал за ним всё ниже,
Позабыв, кто он такой.

А он вёл и улыбался,
Всё заигрывал со мной,
Вёл ко дну и не смущался,
Что ведёт вслед за собой!

Так мы вместе и спускались
И не видели преград,
Лишь когда до дна добрались,
Окунулись в тьму и смрад.

Но ему здесь не в новинку,
Ведь понятно, он здесь свой,
Но зачем меня привёл он –
Я здесь всё-таки чужой.

Пламя и могильный холод
Вперемежку, всё подряд,
Не задумывался раньше,
Что спущусь при жизни в ад.

Из него уйти пытаюсь,
Полной грудью вновь вздохнуть,
За свои ошибки каюсь,
В свет хочу продолжить путь.

Но лукавый не пускает,
Не даёт мне вверх взглянуть,
На пути преграды ставит,
Закрывает к свету путь!

Все попытки безуспешны,
И закрыт наверх мне путь,
И к чему ещё стремиться –
Ведь пропала в жизни суть!

Впереди одни мытарства,
Плеть в аду, себя клянуть,
Веру в честь и постоянство
Никогда уж не вернуть!

Бросить нужно все попытки
И судьбе в глаза взглянуть,
Прекратить с собою пытки
И в забвенье отдохнуть!

Пожелание

Пробудись от зимней скуки,
Прогони душевный сон,
Позабудь сомнений муки,
Перейди свой рубикон.

Все невзгоды, все печали
Отведи своей рукой,
Проводи обиды в дали
Пусть тоска уходит вон!

Пусть твой взгляд всегда искрится
И улыбок миллион
На лицо твоё ложится,
Словно нежный, дивный сон.

Пусть тебя не покидают
Ни везенье, ни успех,
И в глазах твоих сияют
Нежность, доброта и смех!

О тебе

Женщин многих помня лица,
Преклоняюсь пред одной,
Ты богиня и царица,
Мне подарена судьбой.

Светлых глаз твоих частица
Как во сне передо мной,
Нежных губ гранат искрится,
Аромат волос родной.

Ты как дождь, когда пылится
Среди лета жаркий зной,
Как звезда, чей блеск струится,
С неба послана мечтой.

Ты прекрасна, как зарница,
Ты нежна, как луч весной,
Моя маленькая львица,
Покорён навек тобой!

Нелли ЗИНОВЬЕВА

Окончила Современный Гуманитарный Институт, на данный момент является студенткой Современной Гуманитарной Академии и проходит обучение в Магистратуре Славянского Университета (г. Кишинев). По специальности маркетолог/копирайтер. Стихи начала писать еще в ранние школьные годы, участвовала в литературных конкурсах и научных конференциях.

Дорога домой

Затянут взгляд туманные картины:
Терзает ветер трéпанный простор.
Пшеничных лав горчичные вершины
Блестят как золото Тункинских гор.

А в теплоте лучей осенних лживой
Застыла в селах близлежащих пашня,
И только вышки у дорог мелькают живо,
Как копии на Эйфелеву башню.

Ах, нет роднее будто бы в минуту
Мне запаха горячих липких смол.
Я полюбила ездить по маршруту,
Красив где каждый деревянный ствол.

Наполнены карманы диким ветром,
Я мчусь с шальным порывом во груди,
С любовью своей страстной, невоспетой,
Не жаждущей узнать, что впереди.

* * *

Посвящается С.С.

Твое спокойствие я чувствую и в метре,
Так много слов хранят твои уста.
Ты словно клен, не дрогнувший при ветре,
Не отпускающий ни одного листа.

В твоих руках живет покорно тишь,
Таится дрожь в волнительных глазах.
Я вижу то, как ты в себе кричишь
И прячешь руки в редких волосах.

Ты не тропа, залитая дождями,
Размокшая от шумного потока.
Ты не тропа, невиданная днями,
Ты моя дальняя и долгая дорога.

Вера

Верочка, Веронька, Вера,
Уйми во мне пыл лошадей.
Ответь, как узнать лицемера
И в людях увидеть людей.

Живешь во мне, Вера, с рождения
И гладишь по сердцу рукой,
К большому, поверь, сожаленью,
Состаришься вместе со мной.

Родная и близкая Вера,
Не дай мне себя изгубить.
Я мало сгожусь для примера,
Но тонко умею любить.

Вот только любовь моя, детка, –
Истерика, жар и приبلуда.
Вся жизнь моя, как кругосветка:
Иду в никуда ниоткуда...

Ветер

Такого ветра нервного
давно не слышали двory,
Наверно, столько я не слышала твой голос...
Он воет, плачет, будто бы навзрыд,
Своим дыханьем мой качая волос.

Колышутся тугие провода
между собой,
Они для ветра словно камертон...
Я знаю, ветер в этот миг такой,
Как в твой последний день,
В день похорон.

Прости

Прости за несвязные речи,
За сказанные обиды,
За каждый скандальный вечер,
Слезами омытый...

Прости мне мои усилия
Пытаться сказать «извини»...
Прости мне мое бессилие
В трудные дни.

Прости за нечастую смелость,
За вид с яростным взглядом.
Но знай, мне всегда хотелось
Быть рядом.

Прости за мои сомненья,
За гнев в глазах молодых,
За то, что прошу прощенья,
Когда тебя нет в живых...

Ты вернёшься

Ты вернешься домой по весне
Снимешь мощную лётную куртку,
Рассказав про опасности мне –
Как про старую добрую шутку.

Поспешишь, все на свете забыв,
Мне подставить родное плечо...
Как я чувствую в сердце обрыв,
Ты не знаешь, не знаешь еще!

Мне не видятся больше лучи,
Лишь тоска ошалевшая вся
С каждым утром сильнее стучит
В мои окна, с душой голоса.

Я планирую долгие речи,
Только мысль куда-то сбежит.
И когда ты звонишь мне под вечер,
Слов уж нет, только голос дрожит.

Ты вернешься – цветы расцветут,
Ты вернешься домой по весне,
В моем доме часы оживут,
Над кроватью, на правой стене.

Ты вернешься, забыв про опаску,
И уронишь с лихвой чемодан.
И расскажешь, как детскую сказку,
Мне о том, как спокоен Афган.

Можешь ты не твердить мне отныне,
Я ведь знаю, там ад и вражда...
Но там вместе с тобой на обрыве
Каждый день проживала душа.

Маме

Сквозь унылые трассы селений,
Меж деревьев, обшарпанных в мраке,
Предвкушая всю радость мгновений –
Привезу тебе красные маки.

А быть может, не скоро увижу
Я твой лик, для меня безызыанный,
Но хочу я душою услышать
Твой восторг, когда примешь тюльпаны.

Я работаю, мама, до ночи,
Усыпая чуть раньше под грозы,
И мечтаю в уме замороченном
Привезти тебе красные розы.

Мне не выразить всей теплоты,
А ты снова ругаешь зазря:
«Ты не траться, дочур, на цветы,
Мне лишь нужно увидеть тебя».

Тогда

Припомни мне те дни, когда легчало,
Душа жила свободно, без сует.
Тогда казалось, этого так мало,
Сегодня даже этого и нет.

Все гонит вдаль невидимая плеть,
И ненавистен старый циферблат.
Тогда казалось, хочется взрослеть,
Сегодня уже хочется назад.

Но лишь одно смогли мы изменить,
И память сердце здесь не обжигает.
Тогда казалось, незачем любить,
Сегодня лишь любовь спасает.

Горизонт

Я щекой прижимаюсь ко снам,
В них пытаюсь удерживать тех,
С кем делила я слезы и смех,
Не придав и значения дням.

Я сейчас этим снам повинуюсь,
В них нет сложных и трудных забот.
Все былые года – горизонт,
Лишь которым теперь я люблюсь.

До него бесконечные вёрсты...
Он рисует всей жизни страницы:
В белом небе черные птицы,
В черном небе белые звезды.

Его нежность приятна глазам,
Он хранит мои прошлые тайны.
От того так покорно, печально
Я щекой прижимаюсь ко снам...

КОНГРЕС НА БЪЛГАРИТЕ В УКРАИНА

Отбелязване на рождения ден на Христо Ботев в гр. Одеса!

166-годишнината от раждането на българския революционер, поет и публицист Христо Ботев беше отбелязана на 6 януари 2013 г. пред паметника му в Прохоровския сквер, гр. Одеса, Украйна.

Срещите до паметника на Христо Ботев зя няколко години станаха символически и дългоочаквани. Гражданиите на Одеса с интерес наблюдават и се присъединяват към мероприятиято, посветено на светлите дела на великия българин. Поднасяне на цветя и тържествени речи, стихотворения, станали народни песни – всичко това може да се наблюдава в Прохоровския сквер на 6 януари и 2 юни.

Организатор и идеен вдъхновител на поклонението е Всеукраинската обществена организация «Конгрес на българите в Украйна», постоянните участници са членовете на Българския младежки клуб «Актив», учениците от Българския културно просветен център «Аз Буки Веди», отворен към «Конгреса на българите в Украйна», обществени дейци.

Тази година мероприятиято започна от 11.00 ч. Поздравителни думи бяха произнесени от Юрий Граматик — Президента на Всеукраинска обществена организация «Конгрес на българите в Украйна», Иван Серт — филолог-публицист, член на Парламента на Асоциацията на българите по света, Евгений Блинов — главен редактор на областния вестник «Одесские известия». Нина Чепразова, член на Българския младежки клуб «Актив», прочете известното стихотворение на Христо Ботев «Хаджи Димитър». Фактът, че всяка година присъстващите до паметника стават все повече и повече, говори за неравнодушието към историята ни и бъдещето на българщината в Украйна. «Тоз, който падне в бой за свобода, той не умира».

Христо Ботев

Христо Ботев Петков е български национален герой, роден на 6 януари 1848 г. (стар стил — 25 декември 1847) в Калофер в семейството на учителя, книжовник и обществен деец, даскал Ботьо Петков (1815-1869) и Иванка Ботева (1823-1911).

От 1854 до 1858 година Христо Ботев учи в Карлово, където баща му е учител. По-късно се завръща в Калофер, продължава учението си под ръководството на своя баща и през юни 1863 г. завършва калоферското трикласно училище.

През октомври същата година с помощта на Найден Геров заминава за Русия и се записва като частен ученик във Втора одеска гимназия. Там се запознава с руската литература и попада под силното влияние на Александър Херцен, Николай Чернишевски, Николай Добролюбов и други.

Тогава прави и първите си поетични опити. През септември 1865 г. е изключен от гимназията поради липса на интерес към учебната програма, но в същото време чете много книги и натрупва големи знания. По това време се свързва още по-тясно с руските революционни среди. През октомври и декември 1866 г. е учител в бесарабското село Задунаевка.

Паметник Х. Ботеву в г. Одесе.

Поради заболяване на баща му, през януари 1867 г. му се налага да се завърне в Калоян. По това време на 15 април във вестник „Гайда“, редактиран от Петко Рачов Славейков, е публикувано първото стихотворение на Христо Ботев — „Майце си“. След избухването на въстанието в Босна и Херцеговина през 1875 година БРЦК под ръководството на Ботев започва подготовката на въстание и в България.

Ботев е изпратен в Русия да събира средства и оръжие за въстанието и да доведе оттам войводата Филип Тотю. Преждевременното избухване на въстанието и неговият неуспех довеждат до сериозни разногласия в БРЦК. В резултат на това в края на 1875 година Ботев подава оставка (това довело и до разпускането на организацията), но не се отказва от революционната си дейност. След създаването на Гюргевския революционен комитет Ботев установява контакт и с неговите членове. През май 1876 година той започва редактирането на последния свой вестник „Нова България“, от който успява да издаде само един брой.

През май 1876 г., след новината за Априлското въстание, Ботев започва дейност за организиране на чета, става неин войвода. От Гюргево се качва с част от четата на кораба „Радецки“ на 16 май и един ден по-късно заставят капитана Дагоберт Енгландер да спре на българския бряг.

От Козлодуй четата на Ботев се отправя към Балкана, минавайки през десетина села. Много малко българи обаче се присъединяват към четниците, въпреки предварителните очаквания. Четата води няколко боя с преследващите я османски потери.

На 1 юни (20 май стар стил) 1876 година е последният тежък бой, привечер след сражението куршум пронизва Ботев. Това се случва в подножието на връх Камарата в Стара планина.

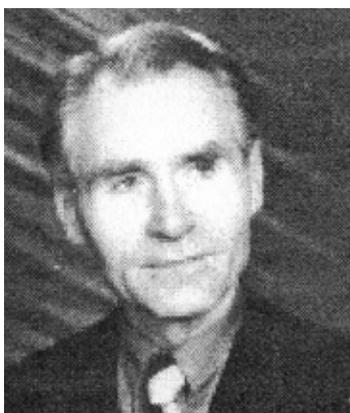

Юрий Граматик

Ион ГОРГАН

Бегемот

(или о том, как легко и в то же время сложно
понять женскую логику)

Небольшой курортный городок, куда я приехал подлечиться, встретил меня приветливо. Ярко светило солнце, лицо и руки нежно ласкал теплый морской ветерок.

Устроившись с жильем, я прошел в столовую на ужин, где сразу был определен за столик. Заняв свободное второе место, поужинал. Во время трапезы и произошло наше знакомство. Рядом со мной первое место занимала пожилая, беспокойная женщина. Во время еды она успевала многое нам рассказать, о многом расспросить. Но, несмотря на это, поев, тут же уходила, иногда завернув что-то в салфетку. Видимо, очень любила животных. Напротив меня, на третьем месте, сидела молоденькая незамужняя девушка, которая поддерживала наши разговоры, но постоянно глядела на столик вдали зала, где обедал ее друг.

На четвертом месте сидел солидный, средних лет мужчина. Доцент, без пяти минут доктор филологических наук. Его внешний вид и манера разговора именно это и подчеркивали. Держался он спокойно, всегда ровно. Эмоций, казалось, в нем нет никаких.

В такой компании мы встречались три раза в день. Садясь за стол, все мило здоровались и желали друг другу приятного аппетита. Покушав и поговорив, так же мило прощались и расходились по своим корпусам, где каждый занимался Бог знает чем.

Пожилая женщина и незамужняя девушка, как правило, с едой справлялись быстрее и уходили из-за стола первыми, оставляя нас, мужчин. Но мы не спешили. Доцент ел медленно, тщательно пережевывая пищу. Оставаясь вдвоем, мы невольно продолжали беседовать. Темы, обсуждаемые в присутствии женщин, отодвигались на задний план. Вперед выходили вопросы истории, языка, литературы и, конечно же, политики и экономики. Как правило, мне приходилось ждать доцента, и мы вместе уходили, продолжая диалог. Вначале наши беседы носили поверхностный характер, но чем дальше, тем глубже и детальнее разбирали каждый процесс, каждое событие. Я поинтересовался, что есть опубликованного у доцента. Он пригласил меня к себе в комнату, а жили мы в разных корпусах, показал средних размеров книгу и монографию, на базе которой собирается защитить докторскую диссертацию, объяснив при этом, что есть еще кое-что опубликованное, но с собой не взято. Было ясно, что доцент преуспевает на своем поприще и вообще в жизни. Я с ним ни в какое сравнение идти не мог.

Мне было интересно с доцентом, и ему со мной, судя по всему, было не скучно. В вопросах языка, литературы его превосходство было громадным, в истории, событиях, происходящих в мире, хоть маленькую, но конкуренцию составить я мог.

... Так продолжалось несколько дней. Однажды за столом незамужняя девушка заявила, что время отдыха и лечения у нее закончилось и она после обеда уезжает. «А как же друг?» – спросил я не без иронии. Она так же язвительно ответила: «Друг уезжает вместе со мной». С того дня мы столовались втроем. Но и после этого порядок у нас не изменился. Пожилая женщина так же быстро разделялась со своей порцией и удалялась, ссылаясь на то, что нужно идти на различные процедуры. Мы, мужчины, оставались, подолгу беседуя.

И вот, на освободившееся место, к нам подсаживают молодую, стройную, красивую, как нам казалось, самую красивую женщину в санатории. Вид у нее был приятный, здоровый, и оставалось непонятно, зачем же ей лечение. Познакомившись, а звали ее Марией, я задал ей несколько обычных вопросов. Откуда приехали? Как доехали?.. Из ответов было видно хорошее знание языка и литературы. Доцент это сразу почувствовал и немного активизировал беседу.

Мы с доцентом, да и пожилая женщина, ели много и всё подряд. Мария же кушала мало, причем здорово перебирала. Поэтому она непременно первой заканчивала трапезу, но из-за стола уходит с самого начала не спешила. То ли затем, чтобы не беспокоить доцента, – ему необходимо было при этом подняться со стула, – то ли по другим причинам, нам пока неизвестным. Иными словами, теперь уже втроем, дожидаясь друг друга, стали уходить из-за стола вместе. Вначале шли до выхода из столовой, где мило прощались. Мы с доцентом двигались в одну сторону, продолжая беседовать, а Мария – в другую, так как жила в противоположном корпусе. Глядя ей вслед, мы открыто радовались, вот какую красивую женщину нам послал Бог!

Но так продолжалось недолго. Очень скоро мы втроем пошли уже дальше выхода из столовой и стали гулять по набережной лимана. Мария оказалась посередине, и явно было видно, что она довольна

всем. Она двигалась ровно, гордо, без суеты. Мы же с доцентом делали кое-какие реверансы, о чем-то рассказывали, жестикулировали, очень стараясь быть ей под стать. Со временем наше знакомство стало переходить в дружбу. Однажды Мария сказала, что живет пока одна в двухместном номере и выразила любопытство – кого же к ней поселят.

Превосходное знание языка и литературы очень сближало доцента и Марию. Они подолгу беседовали на специальные темы, что мне было знакомо слабо. Они дискутировали – я молчал и был доволен, что есть возможность обогатить себя.

Поначалу я думал, что их сближение пойдет вширь и вглубь, и тогда мне, третьему, придется уйти в сторону. Ан нет, доцент держался стойко и твердо знал границы. Мария тоже ничего не делала для того, чтобы приблизить к себе доцента или, в крайнем случае, меня. Все шло одинаково, ровно, красиво. Но однажды Мария с сожалением сказала мне, что поняла, если наша тройственная дружба разорвется, то я останусь с доцентом, а не с ней.

Мы все-таки продолжали дружить, и казалось, такая ситуация устраивала всех. После еды мы опять и опять гуляли по берегу лимана, ходили к морю, сидели на лавочке в парке, прохаживались по аллеям. Утренние прогулки были короткими, так как предстояло идти на процедуры, но обеденные и особенно вечерние были затяжными.

Мария хорошо и со вкусом одевалась. Когда мы ее ждали, то невольно задумывались: а в какой одежде она сегодня пойдет гулять? И она не заставляла долго себя ждать. Выходила в модном, со вкусом сшитом, нами еще не виденном платье или костюме.

Не знаю, что думал доцент, но мне казалось, что Мария создана только для платонической любви.

Мысленно суммируя свои достоинства и недостатки, я понимал, – в паре с доцентом Мария смотрелась бы куда лучше, чем со мной. Он был выше, стройнее, мудрее, да и по возрасту подходил больше, чем я. Мария была моложе его лет на десять, меня же – всего на несколько.

Вечером в санатории, как правило, проводились различные мероприятия: танцы, концерты, демонстрировались фильмы... Еще в начале нашей дружбы приехала знаменитая хоровая капелла «Дойна». Договорились пойти послушать песни, музыку. Я по такому случаю надел белую рубашку, доцент – новый костюм. Мария в тот вечер была особенно красивой. Ее платье из очень тонкой ткани плавно повторяло все прелести женского тела. Мы вошли в концертный зал и почувствовали, что тут же стали центром всеобщего внимания. Если бы мы были вдвоем или четвером, это не вызывало бы такого интереса. Но то, что мы все время троим, заставляло шевелить извилины тех, кого сжигают чужие тайны.

Концерт прошел славно. Публика была очень довольна. Погуляв немного после представления, мы проводили Марию до вестибюля ее корпуса, мило раскланялись и, попрощавшись, пожелали ей приятных сновидений.

На процедурах, а это совершенно отдельный санаторный блок, я с доцентом встречался редко, зато у Марии была возможность общаться отдельно с каждым из нас, что она и делала, не знаю, о чем она говорила с доцентом, но с ней мы обсуждали некоторые стороны нашего «трио». В одной из таких отдельных бесед с Марией я выразил беспокойство, что о нас троих заговорил весь санаторий! Она ответила, что тоже это почувствовала. Я стал дальше развивать мысль, заботясь не столько о нашей мужской доблести, сколько о чести Марии. Да и в конце концов сказал я ей, что окружающие могут подумать что-то нехорошее. Спокойно выслушав, Мария ответила: «Люди пусть думают, что хотят, главное – нам вместе хорошо». После этого я старался больше глупых мыслей не высказывать.

На следующий день после концерта, за завтраком, Мария намекнула, что неплохо было бы сегодняшний вечер провести на танцплощадке. Зная отношение доцента к танцам, я поспешил поддержать идею и сказал, что это было бы замечательно. Как и ожидалось, доцент стал возражать, мол, неудобно. Но было видно, что Марии он не может отказать. До приезда Марии мы с доцентом ходили на танцы, но только слушали музыку. Доцент объяснял это тем, что на танцевальной площадке выламываются его как бывшие, так и настоящие студенты. И ему крайне неудобно приплясывать рядом. Несмотря на это, доцент все же согласился идти на танцы, но только после программы «Время».

И вот мы троим пошли к танцплощадке. На подступах к ней доцент предложил внутрь не заходить, а просто постоять и послушать музыку. Предложением мы, конечно, были недовольны, но молча согласились. Эстрадный ансамбль играл неплохо. Особенно понравилась нам песня «Скакуны», которую мы с удовольствием слушали.

На следующий день Мария вновь выказала желание потанцевать. И опять я ее поддержал, а доцент, напротив, возразил. И снова мы условились, что после программы «Время» обязательно за ней зайдём. Но вслед за «Временем» началась другая интересная передача, и когда мы вышли из корпуса, Мария

была уже на танцах в кругу знакомых нам женщин. Подойдя поближе, доцент сказал, что мы очень некрасиво поступили и необходимо будет перед Марией извиниться.

Я согласился. Он предложил мне пойти в круг и пригласить Марию на танец, что я и сделал. Потанцевав, мы уже вместе подошли к доценту. Он извинился перед Марией. Она, не дослушав, спросила его: неужели мы так и не потанцуем? На счастье зазвучала приятная медленная мелодия. Доцент не выдержал и пригласил Марию. Я не танцевал. Когда музыка умолкла, они подошли ко мне. Начался другой танец. Доцент предложил мне пригласить Марию, но я отказался в его пользу. Он снова кружил с ней, и на этом прекрасный вечер закончился. Мы проводили Марию до вестибюля корпуса, как всегда, мило раскланялись и пожелали ей спокойной ночи.

Проведенным вечером мы остались довольны, несмотря на то, что начался он не совсем удачно. Нам всем удалось потанцевать. Это нас еще сильнее сблизило. Я, наверное, радовался больше других, и лишь потому, что танцы для нас – это новое связующее звено, которое еще прочнее скрепит нашу дружбу.

Как-то на процедурах, беседуя о детях, Мария рассказала, что помогла одному из своих односельчан, устроив ребенка в детский садик. Потом семьями они встретились на свадьбе. И тот человек, которому она помогла, пригласил ее на танец. Он ей совсем не подходил: маленький, пузатый, лысый, как ей показалось, некрасивый. Но как бы в благодарность за оказанную когда-то помощь он решил проявить инициативу. Мария отказала ему. Когда я спросил ее, почему она так поступила, ответ был резок: «С каждым «бегемотом» не собираюсь плясать». С тех пор это слово, в шутку, конечно, при виде очень некрасивого мужчины иногда появлялось у нас на языке.

Дружба была в самом разгаре. Пообедав или поужинав, мы в очередной раз шли к сосновой аллее подышать фитонцидами, обсуждая при этом различные темы. В одной из бесед Мария как бы невольно, с некоторой размеренностью сказала, что жаль, время уходит очень быстро и нам с доцентом скоро уезжать. Мы грустно молчали. Развивая дальше мысль, Мария добавила, что после нашего отъезда закроется в комнате, обернет голову полотенцем, чтобы никого не слышать и не видеть, и будет читать книгу, которую привезла с собой из дому. Книга называлась «Графиня Рудольштадт». Этот толстый том мы с доцентом видели в руках у Марии, но из-за нас она прочла всего несколько страниц.

Я мысленно представил себе невеселую картину прощания с Марией, казенную постель, на которой лежит страдающая, якобы читающая женщина, с перевязанной полотенцем головой...

Для нас с доцентом расставание тоже не могло пройти бесследно. Мне стало жаль всех троих.

Но дружба наша продолжалась, нес я в себе все то ценное, что выработало человечество, и так не похожая на реальную «санаторную дружбу», где голубки с эдакой легкостью позволяют голубям ворковать вокруг себя.

Однажды утром Мария пришла на завтрак очень расстроенная. Я поинтересовался причиной. И она рассказала, как вчера поздно вечером после расставания с нами к ней в дверь постучали. Несмотря на то что она была одна в комнате, разрешила войти, так как решила: случилось непредвиденное и я вернулся ей что-то дополнительно сказать. Дверь открылась, и в комнату ввалился чуть выпивший, здоровый, пузатый, лысый, некрасивый молодой человек, который тоже «поправлял свое здоровье» в санатории и жил в том же корпусе. По словам Марии, это был настоящий «санаторный бегемот». Зайдя в комнату и плотно закрыв дверь за собой, «бегемот» стал приставать к Марии. Она вначале опешила, но, быстро взяв себя в руки, стала давать отпор и выгонять его из комнаты, говоря при этом, что у нее уже есть кавалеры. При таких словах «бегемота» передернуло и он почти криком сказал: «Вот те двое, что ходят с тобой по аллеям?» И громко, нервно рассмеялся. Мария приложила еще некоторые усилия и выпроводила «бегемота» в коридор...

Рассказывая эту историю, Мария гневно сокрушалась в адрес «бегемота» в различных резких выражениях, не переходя границ приличия. Но расстройство Марии быстро прошло, так как в разговор включился доцент, и мы, позавтракав, втроем начали утренний моцион.

Шла первая декада осени. Но утро предвещало теплый день. Поэтому мы договорились, что после обеда пойдем к морю.

Мария вышла в халате и шлепанцах. В руках была полиэтиленовая сумка, полностью набитая чем-то. Вид у девушки был простой и естественный, что еще больше располагало к ней. Мы шли к пляжу и не могли дождаться того момента, когда увидим Марию в купальнике. Наконец-то достигли берега моря. Мария с легкостью сбросила с себя халат, ногами отшвырнула покрывало и легла позагорать. Доцент, сняв обувь, стал разминаться – делать физические упражнения, затем побежал трусцой вдоль берега. Я, не раздеваясь, начал собирать ракушки. Долго на море быть не пришлось, так как набежали тучи и стало прохладно. Тайком мы с грустью смотрели, как Мария с такой же легкостью набросила и застегну-

ла халат, свернула покрывало, кинула его в сумку, надела шлепанцы, и направились к санаторию, как всегда о чем-то беседуя.

Неумолимо близился день расставания. Он огорчал всех нас одинаково, так как за довольно короткое время мы сумели понять и по-человечески полюбить друг друга.

Несмотря на проявленную минутную слабость, доцент все же сумел взять себя в руки, и на танцы мы больше не попали. Мне было обидно, что мы не можем в полной мере удовлетворить желание Марии танцевать. Она хоть и высказывала упреки в наш адрес, но не обижалась, а следовала законам дружбы, которые каждый из нас понемногу установил. Отношения строились в основном на взаимных уступках. Но в танцах доцент категорически отказался уступить.

Доцент уезжал после обеда. Я – на день позже. Марии оставалось еще около недели... Последние дни она хоть и соблюдала законы нашей дружбы, но веселость ее пропала.

Их прощание началось за обедом и продолжалось до вестибюля корпуса, в котором жила Мария. У нее был грустный вид. Доцент пожелал ей хорошего лечения и приятного отдыха. Мария поблагодарила его, попрощалась, и мы разошлись. Она удалилась в комнату, я же пошел провожать доцента на автовокзал. Проводив, вернулся к себе в корпус и лег спать, мечтая при этом, что сегодняшней последний вечер проведу с Марией на танцах. Я не столько был рад за себя, сколько за Марию. Наконец-то она вдоволь натанцуется. С этими мыслями я и уснул.

Проснувшись, пошел на ужин, где за столом уже сидела Мария. Она не ела. Настроение у нее было ужасное. Я пожелал ей приятного аппетита и начал рассказывать, как проводил доцента. В какой-то миг мне показалось, что ей это неинтересно. Но в следующую секунду она бросила вилку, так ничего и не съев, поднялась со стула и направилась к выходу. Я оторопел, но успел спросить: «Ты куда, Мария?». Она что-то невнятно буркнула в ответ и ушла. Расценив это как сильное потрясение, вызванное отъездом доцента, я решил после ужина зайти к ней и пригласить на танцы. Но в комнате ее не было. Соседка по комнате сказала, что после ужина она еще не приходила. Я подумал, Мария, видимо, сейчас на скамеечке в парке, где мы втроем часто сидели, или гуляет по аллеям. Но ее там не было. Я решил прогуляться, чтобы скоротать время, и снова зайти за Марией.

Прошло минут тридцать. С танцевальной площадки стали доноситься звуки настраиваемых инструментов. Чтобы не томить Марию ожиданием, я поднялся по лестнице на третий этаж. Дойдя до двери, уже поднял было руку, чтобы постучать. Но в это время дверь открылась и вышла Мария, так же, как и раньше, нарядно одетая, красивая, в сопровождении санаторного «бегемота». Мы встретились взглядами. Не помню, как вела себя Мария в этом мгновение, но «бегемот» держался спокойно, уверенно.

Выйдя на улицу, я не знал, что мне делать, и невольно побрел в сторону танцплощадки. Остановился на нашем месте, мысленно пережевывая происшедшее. Через некоторое время появились Мария с «бегемотом». Они сразу вошли в круг и стали танцевать. Движения Марии были подчеркнута скромны и сдержанны. «Бегемот» же старался выделять всякие па. Было видно, что он доволен собой. Я отошел подальше от танцплощадки и продолжал слушать музыку.

Танцы закончились. «Бегемот», взяв Марию под руку, пошел ее провожать. Я удалился к себе в корпус, полный раздумий. Как бы то ни было, но нам с Марией предстояло минимум еще два раза встретиться: утром за завтраком и во время обеда.

Придя на завтрак, я застал ее за столом. Поздоровавшись, пожелал приятного аппетита. Мария ответила на приветствие и поблагодарила за оказанное ей внимание. Но больше ни я, ни она не проронили ни слова. Позавтракав, я поднялся и ушел. Мария осталась сидеть за столом, несмотря на то, что тарелка ее была пуста. Во время обеда – та же картина. Я поздоровался, пожелал приятного аппетита. Она вежливо кивнула... Затем после паузы спросила: «Ты что, обиделся?» Я ответил: «Как будто бы мне не на что обижаться». Мария еще что-то пыталась сказать, но я прерывал ее на полуслове, не давая завязать беседу. Поев, поднялся и откланялся. Мария бросила мне вдогонку: «Счастливого пути!». Я сухо ответил: «До свидания, Мария».

Уезжая, долго думал, как Мария могла в считанные дни, а может быть, часы поменять свои взгляды на мужчину, которого брезгливо называла «бегемотом»? По-видимому, объяснить это дано только ей одной...

Была ранняя, красивая осень. Природа еще не успела осыпать деревья золотом, но была уже на пути к пику сезонной прелести.

Хорошо отдохнув и оздоровившись, я мчался домой. Мимо проносились поля, строения, кустарники. И лишь горизонт казался неподвижным.

Сидя в уютном кресле автобуса, я увозил с собой мысли, впечатления, переживания...

Алла СТУПИНА

проект осуществляется при поддержке компании Orange

Оберег для земли благодатной

*Вилами розхитували трони,
Руйнували все старе дотла,
Тільки би Шевченкова Мадонна
В сніжне небуття не полягла.*
Леонід Кисельов

Собираясь в дорогу на этот раз, почему-то очень волновалась. Казалось, иду на поиски сокровищ. И предчувствия не обманули. В древней и современной нашей истории много знакомых имён, память о прошлом и лицо будущего. Но сколько ещё предстоит узнать. Дни, проведённые на бориспольщине, недалеко от Киева, принесли множество открытий и встреч. Завершался 2013 год. Шумел Майдан, волновались за судьбу страны, готовились к Новому году. Волшебной сказки со снегом и морозом, похоже, не ждали. В снежки надеялись поиграть в январе. Но эти места чаруют в любую погоду – летом, когда на автобусе турфирмы «Краєвид» совершали обзорную экскурсию по древнему и прекрасному городу, и в эти декабрьские дни. Здесь мы не раз побывали за годы жизни, и влюблённый в Киев супруг пропадал в городе на книжных развалах, выставках и в музеях. А я люблю тишину, которой всегда не хватает. Вот так и оказалась в плену у этих озёр, лесов и полей, встретила простых людей, красивых и талантливых, с удивительными биографиями и судьбами. Людей, которые много работают и всю жизнь учатся. О них хочется рассказать с теплом и любовью.

Надолго запомнятся сельская библиотека и отделение связи села Чубинское Бориспольского района. Занимает библиотека небольшое помещение, и всё же здесь много литературы – украинская, русская и зарубежная классика, история и культура страны, православная литература, учебники. В распоряжении читателей книги о театре, музыке, религии, архитектуре и кино, периодические издания.

Знакомлюсь с отзывами, здесь люди разного возраста. Но всех объединяет одно: библиотека очень нужна, она является источником знаний и культуры. «У нас проживает множество молодёжи, село растёт. Я думаю, что мои внуки будут пользоваться услугами библиотеки», – пишет читатель пенсионного возраста. Школьница Дудник Александра, 11 лет: «Я давно хожу до библиотеки и прочитала 124 книги. Бажаю, щоб до бібліотеки села

Чубинське віднеслися з розумінням і дали більше приміщення. Я та мої друзі любимо читати, з охотою ходимо до бібліотеки. Моя мама та я особисто приносимо сюди книги, які я вже багато раз читала, и дарую, тому що бажаю, щоб ті книги мали змогу прочитати інші діти. Будь ласка, віднесіться з порозумінням». «Бібліотекою користуюсь давно. Рада, що вона є навіть у нинішньому вигляді. Книг мало, майже все перечитала, та можна ознайомитись з газетами і журналами», – отзывается другой читатель.

Перед нами «Літературна Україна» – газета писателей Украины, основанная 21 марта 1927 года, «Трудова слава» – районная газета, «До Землі з любовію», «Життя і історії», «Час Київщини» – главная газета области, популярный литературно-художественный журнал «Дніпро», журналы «Колосок», «Народный доктор» и др. Не только сельчане, немало гостей из других городов побывали здесь. Оставляем на память и свою запись: «Тут все чисте

и мудре, бо працюють люди освічені, натхненні. Бібліотекар Надія Іванівна Давидок дасть гарну пораду, знайде дорогу до найпотаємніших куточків серця, заспокоїть теплим словом. Для мене ця зустріч водночас радісна і сумна. В бібліотеці села Чубинське відчула себе, як в рідній домівці, як в святковий день. Щире спілкування, добрий світ книги. Боляче лишати нових друзів, але ми неодмінно зустрінемося. Бо об'єднує нас книга, яка не знає кордонів». Этими словами хотелось выразить любовь и признательность от всей Молдовы.

Дорога к познанию ведёт через книгу. Ещё раз убедилась: люди не перестают читать. Компьютер

не вытеснил книгу из жизни. Не каждый захочет есть виртуальную пищу, пить виртуальную воду, беседовать с виртуальным писателем. Настоящий читатель любит держать книгу в руках. Вот и сегодня люди задерживались в маленьком читальном зале, советовались в выборе литературы. Совсем юные приносили свои рассказы, получали под-

Надежда Давидок и Алла Ступина

держку, делились творческими планами. Вот тогда я и узнала, что Н. И. Давидок не только библиотекарь, а ещё наставник и талантливый человек, принявший участие в вышивании Великого Рушника-Оберега. Люди, причастные к этому, заслуживают глубокого уважения и сердечной благодарности. На видном месте стоит Диплом о присвоении Давидок Надежде Ивановне почётного титула «Берегиня краю», Борисполь, 2013 г.

Берегини... Именно они несут духовное богатство, обновление и гармонию, мир и покой, которые нам так нужны сегодня. С волнением смотрю на фотографии и работы современных женщин разных профессий и разного возраста. Прекрасные жёны, многодетные матери. Все их помыслы – на счастье и радость нам. Они сотворили диво – полотно, которое стало Оберегом, а сами создатели его – берегинями.

Руководителем проекта вышивания Рушника-Оберега стала управляющая делами райсовета Ольга Григорьевна Малышевская, а главным мастером выполнения – Александра Николаевна Суховерская, которая разработала эскизы для мастериц 20 сельских советов. Подобрала цветовую гамму для гербов, согласовали цвета основных узоров. От центра Рушника идут по десять мотивов с каждой стороны. Это маленькие рушнички с традиционными узорами определённой местности. Соединяются полотнища вышитой художественной гладью с калиновыми мотивами. Всем, кто создавал и поддержал этот проект, люди выражают искреннюю благодарность, а информация, предоставленная нам Надеждой Ивановной Давидок в

библиотеке села Чубинское, даст возможность остановиться подробнее на биографиях и творчестве берегинь, рассказать на страницах журнала «Наше поколение», а также во время встреч с читателями о ваших талантливых земляках, увидеть разноцветье прекрасного края. Цветы и желуди, калина и мак. И, конечно, птицы, которые приносят людям счастье и благополучие. Спасибо за щедрый подарок, и пусть хранит эту землю ваш Оберег в трудный час, отведёт беду, даст покой и мир.

С сожалением покидаем библиотеку, обмениваемся подарками – это газеты и журналы, книги и поздравления с Новым годом, до прихода которого осталось несколько дней. Обещаем не забывать друг друга, писать письма. Ведь это чудесная традиция – отправлять на праздники друзьям и родственникам такие поздравления! Сейчас она почти сошла на нет, но во многих семьях решили её возродить. Идём на почту. В эти дни она

сильно загружена, и послания идут чуть дольше, чем обычно. Почтальон был и останется связующим звеном для людей даже сейчас, в век непрерывного развития цифровых технологий.

Заведующая отделением связи с Чубинское Любовь Александровна Сапицкая и письмоносица – Светлана Григорьевна Коломиец в предновогодние дни успевали всё: отправлять письма, посылки и бандероли, принимать оплату за коммунальные услуги, выдавать пенсии, дарить хорошее настроение и добрые пожелания. Проработав 35 лет на этом месте, Л. А. Сапицкая много знает и помнит. Мы услышали рассказ о первом библиотекаре с Чубинское. Василий Данилович Билокин, инвалид войны, трудился, не имея обеих рук, аккуратно вёл документацию, все силы отдавал работе. Пришлось привыкать к протезам. Фонд библиотеки складывался из книг, которые приносили люди.

Рассказали и о сегодняшнем библиотекаре, Н.И. Давидок родом из села Ошитки Киево-Святошинского района. Окончила школу и пошла, как и многие, трудиться на радиозавод в Киеве. Отработала два года, а потом встретила человека, который изменил её судьбу – мастера по пошиву женской одежды в ателье г. Борисполя. Работа увлекла, стала одним из любимых занятий. И ещё – книги... С 1998 года начала работать в библиотеке с Чубинское, и осталась на долгих 15 лет. Никогда об этом не пожалела. И теперь трудится на библиотечной ниве, обучает искусству вышивки, является учителем и методистом. У Н. И. Давидок трое взрослых детей. Старшей дочери Галине – 28 лет, Наталье – 23 года и сыну Ивану – 20 лет. Две до-

чери с высшим образованием.

Вот сколько всего посчастливилось узнать. Почта – место многолюдное, и число рассказчиков и желающих сфотографироваться увеличивалось. Только сами хозяйки оставались в стороне – времени не хватало. Велась подписка на газеты и журналы. Без информации не прожить – люди делятся своим жизненным опытом, помогают друг другу сэкономить семейный бюджет, избежать ненужных трат, найти выход из непростых ситуаций, заглянуть в прошлое, перелистав страницы истории.

Своё современное название село получило в честь Павла Платоновича Чубинского (1839-1884), украинского этнографа. Этнографические и экономические экспедиции в 1869-70 гг. проводил по Украине, а также в Белоруссии и Молдавии. Изучал быт, поговорки, фольклор. Автор слов национального Гимна Украины. В конце XX ст. в Чубинском было 293 двора и более 1100 жителей. Постановлением кабинета Министров Украины №700 от 23 апреля 1999 г. Восстановление (возрождение) усадьбы Чубинского включено в государственную программу возрождения памятников истории и культуры. Строиться село начало с 1978 г., когда из г. Бровары перевели сюда Институт генетики крупного рогатого скота и начали строить жильё для работников.

Зарождались новые жилые массивы, но сохранялись деревья, памятники природы. Наслаждаться красотой лесопарка можно и летом, и зимой. И увидеть памятник, где всегда венки и букеты цветов. Надпись гласит:

*Путь вони скінчили
У кривавій гарті,
И стоїть безсмертя
Біля них на варті.*

*Тут у вересні 1941 року
Стояли на смерть
Воїни 4-ї дивізії НКВС
Захисники м. Києва.*

Здесь встречаются ветераны войны и молодёжь не только села Чубинское.

Счастлирое – село, центр сельского совета, расположено в 15 км от райцентра, в 1 км от автомагистрали Киев-Харьков. Основано на землях совхоза «Бортнич» в 1949 году, хотя люди здесь селились сразу после войны. Современное название село получило в 1969 году. Здесь есть библиотека, клуб, музыкальная школа. Средняя школа была открыта в 1983 году. «Счастливский учебно-воспитательный комплекс» – читаем у входа. Здесь не

только учеба. Привлекает внимание прекрасный стадион, созданы условия для занятий спортом. И, конечно, трудовое воспитание. Дети видят результаты и получают удовольствие от своего труда. В образцовом порядке содержится территория школы.

Где дети, там нет места равнодушию. Директор учебно-воспитательного комплекса Юрий Юрьевич Йовбак. В глазах учителя – пронизательность, улыбка и доброжелательность. Невольно почувствовала себя ученицей, которой задали вопрос: Зачем пришла? Достая блокнот и ручку, чтобы не упустить чего-то важного. Сожалею, что не могу в полном объёме передать информацию о много-

Ирина Тригуб и Алла Ступина.

сторонне талантливых людях, которые здесь трудятся, помогают человеку открыть и понять окружающий мир.

Беседуем с Ириной Анатольевной Тригуб – учителем русского языка и литературы, одним из соавторов учебной Программы по мировой литературе для 10-11 классов общеобразовательных учебных заведений Украины. Разговор в методическом кабинете шёл о тяге к чтению. Видно, что здесь ведётся большая работа, делается всё зависящее от преподавателей, чтобы не умирал интерес к книге. Знакомлюсь с кабинетом, пособиями и открываю для себя много интересного. Хочется, чтобы наши дети почаще заглядывали в такие учебники. Ирина Анатольевна заряжает своей энергетикой, с воодушевлением делится творческими достижениями. Сказываются как 27-летний педагогический опыт, так и природные качества. Любит искусство и литературу, увлекается театром.

– Меня очень тронуло, что вы так прониклись моими рассказами о восприятии искусства молодёжью. Я действительно считаю, что истерические возгласы о кризисе культуры, о бездуховности молодого поколения далеко не всегда объективны. Возможно, я смотрю на мир через розовые очки,

а может быть, просто везет в общении с людьми – встречаю только хороших.

Нельзя требовать от молодежи познавать мир так, как это было даже несколько лет назад. Приходя на прием к врачу, мы хотим самых новых и прогрессивных методов диагностики и лечения, в быту хотим пользоваться новейшей техникой... Так почему же мы стремимся, чтобы современные дети непременно читали то, на чем выросли их родители?

Ребенка надо правильно сориентировать, подсказать, что существует в мире искусства, а дальше каждый человек сам выберет необходимое для себя. Не могут абсолютно все дети любить литературу, так же как не все увлекаются техникой или электроникой. Но если уж литература становится

главной частью жизни человека, то такое восприятие не может не радовать учителя-словесника.

Встретившись с выпускницами, рассказывала о поездке в Москву. В театре Моссовета посчастливилось побывать на спектакле, в котором одну из главных ролей сыграл актёр А. Домогаров. Разговорились и о его киноролях, в частности, об экранизации произведения Г. Сенкевича «Огнём и мечом».

– «Огнём и мечом»? – спросила бывшая учени-

ца. – Ничего не могу сказать... не смотрела. А вот от книги Г. Сенкевича в восторге!

Неожиданно трогательными оказались отзывы о прочитанных книгах, по которым ставились спектакли. Не побывав в театре или кино, можно воспринимать жизнь через произведения. Значит, в своё время молодым помогли не пройти мимо литературы, – констатирует Ирина Анатольевна.

В рассказе преподавателя чувствуется гордость за своих коллег. С первого дня работали в школе Лидия Васильевна Йовбак и Татьяна Федосеевна Скаржинец – преподаватели украинского языка и литературы. Елена Петровна Ильницькая – учитель русского языка и литературы. Украинский язык и литературу преподают в школе Леся Васильевна Братусь, Татьяна Григорьевна Тюлюкина. Над созданием «Світлиці Шевченка» к 200-летию со дня рождения поэта работает Татьяна Николаевна Фисоченко. Со дня основания трудится на педагогической ниве Нинель Ивановна Богдан.

Жизнь складывается нелегко, и не всегда у родителей есть возможность контроля над ребёнком, тем более на ниве образования. Хочется верить: здесь поведут в будущее, научат и в жизни переходить дорогу на зелёный сигнал светофора. Тогда в мире будет место для честности и порядочности, человеческой культуры и трудолюбия. Ваш оберег – на полотнище рушника, в тепле и заботе о наших детях. Пусть мой оберег будет на этих страницах. Не знаю, получилось ли. Но хотелось от всей души.

Від щирого серця, як кажуть українці.

Час нестримно летить. І кожному із нас надається можливість залишити добрий слід на Землі, продовжувати славні батьківські традиції. Бажаємо вам миру і прихильності долі. І звичайно успіхів у здійсненні намічених планів, бо вони у нас спільні: вказати довгу і щасливу дорогу нашим дітям, як в пісні про рушник.

